

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Выпуск 17

№ 13(140) Межвузовский сборник научных статей 2014
Издается с января 2004 г.

Волгоград
2014

*Издание осуществлено при финансовой и организационной поддержке
Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области*

Учредитель: ФГБОУ высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный технический университет»

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника «Известия ВолгГТУ»
президент ВолгГТУ акад. РАН *И. А. Новаков*

Редакционная коллегия серии:	д-р пед. наук, проректор по учебной работе ВолгГТУ <i>Р. М. Петрунева</i> (ответственный редактор); д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана <i>Н. Г. Багдасарьян</i> ; д-р филос. наук профессор, Почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук <i>Б. З. Докторов</i> ; д-р филос. наук декан факультета философии и культуры РГУ <i>Г. В. Драч</i> ; д-р социол. наук проф. ВГМУ <i>В. В. Деларю</i> ; д-р социол. наук, зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ <i>Н. В. Дулина</i> ; академик РАО, зав. каф. инженерной педагогики МАДИ <i>В. М. Жураковский</i> ; д-р филос. наук зав. каф. философии ВолгГТУ <i>Е. Ю. Леонтьева</i> ; канд. социол. наук доцент ВолгГТУ <i>Н. А. Овчар</i> (ответственный секретарь); д-р ист. наук зав. каф. истории ВГАСУ <i>Г. В. Орлов</i> ; д-р филос. наук проф. ВолГУ <i>Н. В. Омельченко</i> ; д-р юр. наук проф. ВолГУ <i>Н. В. Ростовицков</i> ; член-корр. РАО, д-р пед. наук зав. каф. ВГПУ <i>В. В. Сериков</i>
---------------------------------	---

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных
Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст.
№ 13(140) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – 156 с. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного зна-
ния». Вып. 17).
ISBN 978-5-9948-1544-1

Выпуск посвящен региональной научно-практической конференции «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», которая состоялась в Волгоградском государственном техническом университете при непосредственном участии Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области. На конференции поднимались актуальные для многонационального региона проблемы, связанные и с проблемой национальной идентичности, и с проблемой взаимодействия между этносами, и с особенностями миграционных процессов на юге России и в Волгоградском регионе. Сборник содержит материалы, представленные в форме докладов, статей, раскрывающих методологические аспекты некоторых гуманитарных наук, сопряженных с темой конференции.

Ил. 6. Табл. 11. Библиогр.: 277 назв.

ISBN 978-5-9948-1544-1

© Волгоградский государственный
технический университет, 2014
© Комитет по делам национальностей
и казачества Волгоградской области, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дулина Н. В. , Петрунева Р. М. , Ануфриева Е. В.</i> «Культурное пограничье» как норма социокультурного пространства Юга России.....	6
ИСТОРИЯ	
<i>Овишинов А. Н.</i> Системный подход патриотического воспитания молодежи в современной России.....	11
<i>Петрова И. А., Кибасова Г. П.</i> Историко-культурная динамика механизмов социальной толерантности.....	15
<i>Давыдова М. Ю.</i> Мусульмане Саратовского Поволжья во второй половине XIX – начале XX веков.....	18
<i>Халидова О. Б., Халилова А. С., Гебеков Г. Ф.</i> К вопросу о миграции дагестанцев в Ставропольский край в 1980–2010 годы....	21
<i>Орлов Г. В.</i> Тема межнациональных отношений на Юге России в преподавании курса Отечественной истории.....	24
ФИЛОСОФИЯ	
<i>Леонтьева Е. Ю.</i> Контroversы толерантности: теория и практика.....	27
<i>Ганопольский М. Г.</i> Юг России: поиск типологической модели.....	30
<i>Ивановская О. В.</i> К вопросу о духовно-нравственной безопасности подрастающего поколения в условиях мультикультурной и поликонфессиональной среды Юга России.....	32
<i>Найда О. А., Косивцова О. С.</i> Основа процессов национального взаимодействия: патриотизм или национализм?.....	35
СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Разин А. С.</i> Толерантность и образование в межнациональном и межконфессиональном пространстве Юга России.....	40
<i>Питкеева Т. И.</i> Социальное партнерство в контексте образовательной деятельности лица в полиэтничном регионе.....	43
<i>Олейникова Е. Г., Симонова С. С.</i> Межконфессиональное взаимодействие в Волгоградской области в восприятии студентов.....	45
<i>Намуева Л. В.</i> Межэтнические отношения в Республике Калмыкия: диагностика, тенденции развития (на материале опросов 2000-х гг.).....	48
<i>Ефимов Е. Г.</i> Социальные сети как фактор формирования социокультурного пространства Юга России.....	51
<i>Леонтьев А. Н.</i> Этносоциальная компонента промышленной политики.....	55

<i>Немгирова С. Н.</i>	Этнокультурные объединения как субъекты социальной адаптации мигрантов в региональном социуме.....	58
<i>Васильева Е. Н., Данилова Е. О.</i>	Роль некоммерческих общественных объединений в адаптации мигрантов на рынке труда Волгоградской области.....	61
<i>Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А.</i>	Юг России и Тюменская область как основные миграционные реципиенты и доноры страны.....	65
<i>Икингрин Е. Н., Кругликова Г. Г.</i>	Толерантность и интолерантность школьников Нижневартовского района.....	71

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Бадмаев В. Н.</i>	Социокультурное пространство Юга России как культурное пограничье.....	76
<i>Щеглова Л. В., Клейтман А. Ю.</i>	Гуманистический потенциал культурологии в формировании межличностного доверия.....	79
<i>Лиджиева И. В.</i>	Этнокультурное пространство Калмыкии в контексте миграционных процессов.....	82
<i>Полякова Я. С.</i>	Проблема культурно-цивилизационной идентичности России в новых реалиях.....	85
<i>Винокурова Д. М.</i>	Отбор в мигрантской коммуникативной среде: влияние социокультурного пространства (по материалам городов Якутии).....	91
<i>Данакари Р. А.</i>	Этническая группа удины: миграция и бытие в социокультурном пространстве Юга России.....	95
<i>Рвачева О. В.</i>	Казачество в современном социокультурном пространстве Юга России: проблемы возрождения и взаимодействия с другими народами.....	98
<i>Беликова Е. В.</i>	Социокультурный потенциал сферы туризма в современном обществе (на примере Волгоградской области).....	101
<i>Комиссарова Е. В.</i>	Региональный музей как пространство межкультурной коммуникации.....	103
<i>Наумова Н. В., Наумов И. Н.</i>	«...Здесь навеки спаялись в дружбе, как один, грузины, русские, узбеки, таджик, казах и армянин» (песни, рожденные в огне Сталинградской битвы).....	107

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Борликов Г. М., Даржинова С. В.</i>	О сетевом взаимодействии образовательных учреждений.....	109
<i>Сазонова З. С., Ткачева Т. М.</i>	Проблемы подготовки преподавателей технических вузов к работе в условиях инновационного образования.....	111
<i>Огарков А. А.</i>	Проблемы подготовки кадрового резерва для органов ГМУ в межнациональном и межконфессиональном пространстве Юга России.....	119
<i>Абрамова М. А.</i>	Образование как фактор гармонизации межнационального и межконфессионального взаимодействия.....	122
<i>Ляшко О. О., Кемпинский Э. В.</i>	Межэтническое взаимодействие студентов: опыт деятельности Северо-Кавказского федерального университета.....	125
<i>Магин В. А., Сиволобова Н. А.</i>	Северо-Кавказский федеральный университет: опыт организации гражданско-патриотического воспитания.....	128

<i>Машенцева Н. В.</i>	
Социокультурная среда вуза как основа межнационального и межконфессионального взаимодействия.....	132
<i>Сгибнева О. И.</i>	
Светское и религиозное образование в условиях свободы совести.....	134
<i>Халилова А. С.</i>	
К вопросу о религиозно-светском вузовском образовании в РД: состояние, проблемы и перспективы развития.....	137
<i>Фолиева Т. А.</i>	
Религиозное воспитание и социализация подростков: несколько замечаний.....	141
<i>Петрунева Р. М., Васильева В. Д.</i>	
К вопросу о социокультурной адаптации студентов нетитульных национальностей к условиям Юга России.....	143
<i>Воскресов Б. Н.</i>	
Когнитивное моделирование профилактики экстремизма в молодежной среде.....	147
<i>Столярчук Л. И., Столярчук И. А.</i>	
Гендерное просвещение в социокультурном пространстве Юга России как путь к межнациональному и межконфессиональному взаимодействию.....	150
К сведению авторов.....	155

УДК 316.7
ББК С 5

Н. В. Дулина, Р. М. Петрунева, Е. В. Ануфриева

**«КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ» КАК НОРМА
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: dulina@vstu.ru, raissa@vstu.ru, ev_anufrieva@mail.ru

В статье анализируются теоретические и прикладные итоги региональной научно-практической конференции «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», которая прошла на базе Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ) 11 апреля 2014 года.

Ключевые слова: идентичность, регион, межнациональные отношения, межконфессиональное взаимодействие.

N. V. Dulina, R. M. Petruneva, E. V. Anufrieva

**«CULTURAL BORDERLANDS» AS THE NORM
OF SOCIOCULTURAL SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA**

Volgograd State Technical University

The article analyzes the theoretical and applied results of a regional scientific-practical conference "Sociocultural space of the South of Russia: interethnic and interreligious interaction" held on the basis of Volgograd State Technical University (VSTU) April 11, 2014.

Keywords: identity, region, interethnic relations, interreligious interaction.

Межнациональные и межконфессиональные вызовы последних десятилетий выдвинули данные проблемы в число главных. Проблемы эти существуют не только в России, но и во всем мире. Известно, что в мире насчитывается до 5 тыс. народов и немногим более 200 государств. Большинство этих государств остается полиэтническими (в мировой практике такими считаются все государства, где есть более 5 % иноэтнического населения). И хотя Россия и стала более этнически однородной в сравнении с СССР, но и сегодня почти пятая часть (19 %) – это нерусское население [3, с. 199–200]. В большей степени национальное многообразие характерно для Юга России.

11 апреля 2014 года в Волгограде на базе Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ) состоялась региональная научно-практическая конференция «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие». На проведенных в рамках конфе-

ренции пленарном заседании, секциях и молодежном «круглом столе» участники конференции обсудили перспективы межнационального и межконфессионального взаимодействия не только на Юге России, но и в стране в целом. Лейтмотивом научных дискуссий, развернувшихся в аудиториях ВолгГТУ, стало осознание «культурного пограничья» социокультурного пространства, сформировавшегося за долгую совместную историю народов, проживающих на юге страны. Данная тема («Социокультурное пространство Юга России как "культурное пограничье"») была изначально задана в выступлении д-ра филос. наук профессора, зав. кафедрой «Философия и культурология» Калмыцкого государственного университета В. Н. Бадмаева и нашла широкий отклик и поддержку в выступлениях других участников конференции.

Действительно, с такой постановкой проблемы трудно не согласиться. Известно, что «... в истории народа каждый этап историче-

ского развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и сложнее путь, пройденный народом, чем больше качественно различных фаз он содержит, тем сложнее и противоречивее будет его национальный характер» [9, с. 154]. «Культурное пограничье» Юга России в силу исторически сложившихся условий (ведь не случайно территорию Нижнего Поволжья называют перекрестком цивилизаций) пронизывает все социокультурное пространство нашего региона, вызывая явление социальной диффузии во всех направлениях этого пространства. Однако следует напомнить, что, согласно авторитетному мнению П. Бурдьё, с которым нельзя не согласиться: «ничто так не далеко друг от друга и так невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве...» [2, с. 60].

В «физическом пространстве» Юга России в настоящее время очень плотно проживает большое количество народностей и национальностей. Можно сказать, что национальное многообразие поражает своим количеством и составом. Так, например, в Волгоградской области, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., насчитывалось представителей свыше 16 национальностей и более ста народностей. Именно поэтому в своих работах авторы статьи так же достаточно часто обращаются к вопросам межнационального и межконфессионального взаимодействия на территории нашей области (см., напр., [4, 5, 7, 8, 13, 14] и др.). Такое же национальное многообразие в рамках Южного федерального округа отмечается еще только в Краснодарском крае. В Северо-Кавказском федеральном округе национальное многообразие демонстрирует Дагестан, где проживают представители более 120 национальностей, принадлежащих к различным языковым группам и исповедующих разные религии [1]. В Чечне проживают представители 96 национальностей [16]. Перечень примеров можно еще долго продолжать, но главное, по мнению авторов, заключается в том, что такое многообразие народов и народностей в регионе – явное свидетельство культурного и религиозного многообразия территории.

Это многообразие добавляет современному миру, существующему в условиях противоречивых тенденций глобализации и регионализации социальной жизни, новые проблемы, на решение которых времени историей практиче-

ски не отводится. Одна из таких важнейших проблем – это проблема идентичности – национальной, гражданской, религиозной...

Вопрос отнюдь не праздный. Недавняя история страны свидетельствует, «новая историческая, социальная и интернациональная общность людей» [12, с. 76] – советский народ развалилась в одночасье, как только сложились для этого подходящие условия: «...линии разлома некогда единого государства точно совпали с линиями, начертанными коммунистами на политической карте. То, что при Советах носило условный характер, с распадом Союза мгновенно обрело черты шлагбаума, отделяющего «свое» от притязаний со стороны «чужого». Образования, как бы «понарошку» считавшиеся нациями, сделались таковыми взаправду» [11, с. 50]. Недавние исследования, проведенные в молодежной аудитории, также подтверждают эту общую тенденции (см., напр., [6, 7] и др.).

Как представляется, сценарий нарастания напряженности – это далеко не самый лучший сценарий для развития добрососедских отношений между народами. Как свидетельствует практика, за примерами далеко ходить не надо, достаточно обратиться к событиям, происходящим на юго-востоке Украины и эхом отозвавшимся по всей России, но в большей степени опять-таки на юге страны. Не случайно, видимо, Всероссийская научная конференция, заявленная Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН на сентябрь 2014 года в г. Ростов-на-Дону, названа уже значительно более жестко: «Модернизация полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности: особенности и противоречия».

Авторы полагают, что для избежания развития сценария роста напряженности необходимо знать и понимать, как конструируется и развивается социокультурное пространство и страны в целом, и ее отдельных регионов, какую роль в конструировании этого пространства играет межнациональное и межконфессиональное взаимодействие народов, населяющих отдельные регионы.

Для Юга России с его многонациональным составом – это не просто слова, это повседневная жизнь. Но повседневность в феноменологической социологии знания – это высшая реальность, через призму которой познаются все другие виды реальности. Именно ее человек воспринимает как норму жизни. Опираясь на

свой опыт социальных взаимодействий, человек конструирует собственные жизненные ситуации. При этом он мало задумывается об их смысле, то есть о том, насколько они являются типичными для его окружения. Осмысление собственного опыта является результатом рефлексии – «способности ставить себя на место других и действовать так, как они» (Дж. Г. Мид). Когда устанавливается связь с опытом других, взаимодействия приобретают социальный смысл. П. Бергер и Н. Лукман связывают возникновение смысла с процессом объективации субъективной реальности. Поэтому конструирование социальной действительности в феноменологической парадигме – это, «непрерывное производство людьми конкретных значений, символов, которые образуют субъективную реальность» [10, с. 174].

Именно этим, как представляется авторам, и объясняется особая актуальность заявленной тематики конференции, прошедшей в ВолгГТУ, для исследователей Юга России. Свое видение данной проблемы предложили участники упомянутой выше конференции «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие». Косвенным подтверждением актуальности заявленной проблемы может служить следующее обстоятельство. Всего для участия в конференции подали заявки 211 человек, которые предложили более 170 тем докладов и выступлений. От общего числа участников конференции женщины составили чуть больше половины (58,3 %). Среди участников конференции почти две трети (64,4 %) имеют ученые степени и звания, в том числе докторов наук (15,7 %). Но основную часть аудитории, как и следовало ожидать, составили кандидаты наук, доценты (48,7 %).

Что важно, конференция носила междисциплинарный характер, как, впрочем, и сама проблема, собравшая участников в аудиториях ВолгГТУ. Были заслушаны доклады и выступления, разгорались, порой, жаркие дискуссии, в которых приняли участие доктора и кандидаты философских, исторических, психологических, педагогических, социологических, экономических, политических, филологических, технических наук и культурологии. Каждый пятый участник конференции (20,8 %) представлял молодежную аудиторию (аспиранты, магистры и студенты). Аудитория конференции состояла не только из профессорско-преподавательского состава вузов, но и из учителей, де-

канов, специалистов по учебно-воспитательной работе.

Как и ожидали организаторы конференции, самое большое количество участников конференции – это представители Волгограда. Они составили чуть больше половины от числа всех участников (56,9 %), почти четверть всех участников (25,9 %) – это преподаватели, аспиранты и т. д. из ВолгГТУ. Кроме преподавателей ВолгГТУ в конференции приняли участие представители всех государственных (ВолГУ, ВСПУ, ВолгАСУ, Волгоградского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, ВолГАУ, ВолГМУ) и некоторых негосударственных вузов Волгограда.

Помимо волгоградцев большие делегации прибыли на конференцию из Северо-Кавказского федерального университета, Калмыцкого государственного университета, Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Астраханского инженерно-строительного института, Дагестанского научного центра Российской Академии наук. В целом география конференции оказалась весьма обширной и включала 22 города (Астрахань, Ахтубинск, Владикавказ, Волгоград, Волжский, Грозный, Екатеринбург, Иваново, Краснодар, Махачкала, Москва, Невинномысск, Нижневартовск, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Черкесск, Элиста, Якутск).

На открытии с приветственным словом выступили ректор ВолгГТУ, чл.-корр. РАН В. И. Лысак и канд. экон. наук профессор, депутат Волгоградской областной думы В. А. Кабанов. В работе конференции приняли участие: Чернов С. Н. – председатель комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области, Хуртаев К. И. – руководитель Комиссии по гармонизации межнациональных отношений и патриотическому воспитанию Совета Министерства образования и науки РФ по делам молодежи, председатель ООД «Всероссийский межнациональный союз молодежи», Фарниев К. Г. – руководитель Дома дружбы г. Волгограда. По своей структуре данная конференция практически ничем не отличалась от мероприятий подобного рода: пленарное заседание, две секции и «круглый стол»:

а) Секция № 1 «Социокультурное пространство Юга России и миграционные процессы» (Председатель секции – Чернов С. Н., Председатель комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области. Сопредседатели: Сгибнева О. И., д-р филос. наук про-

фессор кафедры «Социология» Волгоградского государственного университета, Васильева В. Д., д-р пед. наук доцент кафедры «История, культура и социология» (ИКС) ВолгГТУ. Секретарь: Абраменко Е. В., канд. пед. наук доцент кафедры ИКС ВолгГТУ);

б) Секция № 2 «Проблемы образования и воспитания в межнациональном и межконфессиональном пространстве Юга России» (Председатель секции – Леонтьева Е. Ю., д-р филос. наук профессор, зав. кафедрой «Философия» ВолгГТУ. Сопредседатель: Щеглова Л. В., д-р филос. наук профессор, зав. кафедрой «Философия» Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Секретарь: Федотова Л. А., канд. пед. наук доцент кафедры ИКС ВолгГТУ);

в) «Круглый стол» «Молодежь и межконфессиональное и межнациональное взаимодействие в регионе» (Председатель секции – Хуртаев К. И. Сопредседатели: Дулина Н. В., д-р соц. наук профессор, зав. кафедрой ИКС ВолгГТУ, Ануфриева Е. В., канд. филос. наук доцент кафедры ИКС ВолгГТУ. Секретарь: Ефимов Е. Г., канд. ист. наук доцент кафедры ИКС ВолгГТУ).

Без преувеличения можно сказать, что участники конференции объединило:

- понимание социокультурного пространства региона как сферы взаимодействия, сотрудничества и соперничества, в хорошем смысле этого слова, национальных культур, традиций, религий;

- представление о регионе как о социальной системе, расположенной в конкретных условиях географического пространства Юга России;

- рассмотрение социокультурного пространства региона в контексте важнейшей проблемы межнациональных и межконфессиональных взаимодействий;

- обозначение взаимосвязи и взаимовлияния миграционных процессов и изменений в социокультурном пространстве региона;

- наличие общего, особенного и индивидуального в решении проблем образования и воспитания в межнациональном и межконфессиональном пространстве Юга России.

В рамках одной статьи невозможно представить все разнообразие и многообразие тем, сюжетов, реплик, предложений, прозвучавших на конференции. Материалы конференции планируется издать в межвузовском сборнике научных статей «Известия Волгоградского госу-

дарственного технического университета» (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») с тем, чтобы они были доступны широкому кругу читателей.

Возвращаясь к тематике конференции, видно, что красной нитью сквозь выступления шла мысль о том, что национальная политика – это сфера, требующая наиболее пристального внимания. Она не терпит равнодушия, такие вопросы невозможно разрешать лишь одними директивами и указаниями. Одно неосторожное слово государственного или муниципального служащего по данной проблематике может иметь крайне неприятные последствия. Не случайно в период этнополитического кризиса начала 1990-х годов государственный советник по политическим вопросам при президенте Татарстана Р. С. Хакимов писал: «Мировое сообщество пребывает в иллюзии, что мир состоит из государств, в то время как он состоит из народов» [15, с. 71].

Главным ориентиром в этом «непрерывном производстве людьми» межнациональной, межконфессиональной политики должно стать формирование подлинно демократической системы, где, с одной стороны, каждый народ, независимо от его численности, будет иметь права и возможности всестороннего творческого развития, увеличивая тем самым жизненные шансы своего этнонационального и гражданского самоутверждения. Но, с другой стороны, следует помнить, что культурные ценности могут меняться и самостоятельно. Они не заложены в генах того или иного народа. Каждое последующее поколение усваивает их с помощью домашнего воспитания, школы, церкви, а теперь телевидения и Интернета. Как справедливо заметил в свое время Г. Г. Шпет, «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу... Духовный уклад индивида и есть дух его народа», духовный уклад «... предопределяет действия и переживания не только индивида, но всякой группы» [17, с. 574].

В ходе обсуждения докладов и выступлений стало понятно, что «культурное пограничье» Юга России требует пристального внимания со стороны исследователей с тем, чтобы можно было предложить (и заложить) основы интеграции отдельных республик и областей Юга России. Такая интеграция будет возможна, если будет базироваться не только на общих экономических и социальных интересах, но и учиты-

вать духовный уклад народов, населяющих данную территорию.

Как показывает практика, понадобится еще не одна встреча, чтобы можно было уловить в спорах и дискуссиях при обсуждении результатов научных изысканий саму суть этого духовного уклада, следовательно, можно надеяться, что встреча на региональной научно-практической конференции «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие» не будет носить характер «единственной в своем роде», и за ней последуют другие встречи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиев, Т. Полиглот Печкин. Родной язык и традиции народов Дагестана помогут сохранить мультфильмы / Т. Алиев // Российская газета – Юг России. – № 4604 от 5 марта 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/03/05/reg-jugrossii/multiki.html>.
2. Бурдые, П. Физическое и социальное пространство / П. Бурдые // Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 49–64.
3. Дробижева, Л. М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики / Л. М. Дробижева // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – С. 199–221.
4. Дулина, Н. В. Религиозность современного российского общества: социологический анализ / Н. В. Дулина // Общественные отношения и права человека на Юге России: история, современность и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. – С. 334–339.
5. Дулина, Н. В. Специфика религиозного сознания жителей юга России / Н. В. Дулина // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы Междунар. науч. конф. / ИГУ. – Иваново, 2008. – С. 334–339.
6. Дулина, Н. В. Глобализация в масштабе отдельно взятого региона (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Известия ВолГГУ: межвуз. сб. науч. ст. № 5 (132) / ВолГГУ. – Волгоград, 2014. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 16). – С. 56–59.
7. Дулина, Н. В. К вопросу о самоидентификации студенческой молодежи в новой социокультурной реальности (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Известия ВолГГУ: межвуз. сб. науч. ст. № 2 (129) / ВолГГУ. – Волгоград, 2014. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 15). – С. 45–51.
8. Дулина, Н. В. Новый век: о соотношении православно-и гражданской идентичности / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы Междунар. науч. конф. / ИГУ. – Иваново, 2008. – С. 196–201.
9. Кон, И. С. К проблеме национального характера / И. С. Кон // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнев и Л. И. Анцыферовой. – М.: Наука, 1971. – С. 122–158.
10. Кравченко, С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С. А. Кравченко. – М.: Астрель, 2004. – 511 с.
11. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
12. Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1971. – 320 с.
13. Петрунева, Р. М. Проблема нравственности и духовности в постиндустриальную эпоху (по итогам социологического исследования) / Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина // Диалог государства и религиозных объединений в пространстве современной культуры: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 20–23 окт. 2009 г. / Адм. Волгогр. обл., гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», О-во «Знание» России (ООО), ООО «Об-ние исслед. религии», Волгогр. отд-ние науч.-образоват. культуролрог. о-ва; редкол.: О. В. Иншаков (сопред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 575–584.
14. Петрунева, Р. М. Религиозная культура студенчества: поведенческий анализ / Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы Междунар. науч. конф. / ИГУ. – Иваново, 2008. – С. 384–388.
15. Хакимов, Р. С. Сумерки империи (К вопросу о нации и государстве) / Р. С. Хакимов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 87 с.
16. Чагаева, Т. Национальный состав Чеченской Республики не изменился / Т. Чагаева // Сайт министерства культуры Чеченской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=4&PubID=229>
17. Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет // Сочинения. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 475–574.

УДК 316.472.4
ББК 60.54

А. Н. Овшинов

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Калмыцкий государственный университет

E-mail: ovshinova72@mail.ru

В статье на основе системного подхода рассмотрена проблема патриотического воспитания современной молодежи в России.

Ключевые слова: молодежь, патриотическое воспитание, системный подход, системный характер, православие.

A. N. Ovshinov

THE SYSTEM APPROACH OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN MODERN RUSSIA

Kalmyk State University

In the article on the basis of the system approach the problem of patriotic education of modern youth in Russia is considered.

Keywords: youth, patriotic education, system approach, system character, Orthodoxy.

*«Патриотизм есть любовь ко благу и славе
Отечества и желание способствовать им
во всех отношениях».*

Н. М. Карамзин

Патриотическое воспитание имеет историческую преемственность. Современная российская система патриотического воспитания есть результат эволюций исторических форм патриотического воспитания, существовавших в нашей стране.

1. Понятие патриотизма в царской России

В русском национальном самосознании понятие патриотизма зачастую было связано с традициями православной культуры и заключалось в готовности отказаться от себя, пожертвовать всем ради страны. Многие общественные и государственные деятели призывали через свое творчество «положить жизнь за Отечество», что тесно перекликается с Евангелием от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». [Стихи № 13, Глава 15 Евангелия от Иоанна.]

Уже во времена Петра I патриотизм считается выше всех добродетелей и практически

становится *российской государственной идеологией*. Гражданский патриотизм был распространен широко и при этом имел черты «сознательного патриотизма».

2. Понятие патриотизма в Советской России

В условиях формирования и развития новых классовых, политических, идеологических и других процессов в советское время Отечество стало определяться прежде всего как социалистическое, отражая при этом появление советской государственной общественной системы. Представители коммунистического движения, говоря о патриотизме, опираются на высказывания В. И. Ленина в статье «О национальной гордости великороссов»: «Чуждо ли нам, сознательным великорусским пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык, свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (то есть 9/10 ее населения) под-

нять до сознательной жизни демократов и социалистов...» [Ленин В. И. ПСС. Т. 26].

В ходе Великой Отечественной войны, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, народ и армия проявили небывалый по силе патриотизм, который явился основой духовно-нравственного превосходства над фашистской Германией.

3. Понятие патриотизма в православии

Вот что говорил о патриотизме Патриарх Алексий II: «Патриотизм – это чувство, которое делает народ и каждого человека ответственным за жизнь страны... Если я не думаю о своем народе, то у меня нет дома, нет корней. Потому что дом – это не только комфорт, это еще и ответственность за порядок в нем, это ответственность за детей, которые живут в этом доме. Человек без патриотизма, по сути, не имеет своей страны».

По определению Поместного Собора Русской Православной Церкви, патриотизм «проявляет себя в бережном отношении к историческому наследию Отечества, в деятельной гражданственности, включающей сопричастность радостям и испытаниям своего народа, в ревностном и добросовестном труде, в попечении о нравственном состоянии общества, в заботе о сохранении природы».

Святейший Патриарх Кирилл также высказался о патриотизме: «Патриотизм – это, в том числе, уважение к своему государству, любовь к стране, государство помогает обществу не только функционировать, но и выживать в опасных жизненных ситуациях... Мы должны поддерживать страну, а для этого у нас должно быть соответствующее мировоззрение».

4. Понятие патриотизма в современной России

Президент Российской Федерации В. В. Путин считает, что «после масштабных преобразований в стране образовался идеологический вакуум – одна идеология была утрачена и ничего не было предложено взамен».

В последнее десятилетие в России разброс мнений о патриотизме достаточно велик: от дискредитации патриотизма как аналога деструктивности и конфликтогенности с фашистским и расистским уклоном до призывов первых лиц государства к единению российского народа на основе интеграционного потенциала патриотизма, принятия государственных программ и Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации, в которых

патриотизм определяется как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите».

Патриотизм неразрывно связан с интернационализмом, чужд национализму, сепаратизму и космополитизму. Патриотизм – это особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями для которых являются любовь и служение Отечеству, обеспечение целостности и суверенитета России, ее национальная безопасность, устойчивое развитие, долг и ответственность, предполагающие приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными интересами и устремлениями и выступающие как высший смысл жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоев общества.

В общественном сознании отношение к данному понятию далеко от однозначного. Это демонстрируют высказывания различных политических и общественных деятелей. Г. Зюганов: «Обращение к нашей истории, особенно к истории советского времени, позволяет сделать важный вывод: на каждом новом этапе развития происходило уточнение и наполнение идеи единства патриотизма и социализма. Мы, современные коммунисты-патриоты, коммунисты-государственники, являемся законными наследниками идеологии русского патриотического социализма. Эта идеология опирается на вековой жизненный опыт нашего народа, которому от века присущи и любовь к Родине, и жажда справедливости. Процветания и могущества Россия достигала только тогда, когда эта любовь и эта жажда соединялись в единый порыв. Поэтому и сегодня патриотизм и социализм должны идти рука об руку в деле возрождения Великой России».

И. Хакамада: «...Я отношусь к нетрадиционным патриотам, а именно к тем людям, которые не связывают патриотизм с бездумной верой в собственное государство, а которые связывают свою судьбу со своей страной, потому что именно эта страна позволяет человеку реализовать себя как свободную личность и достоинство которого уважает власть».

Э. Лимонов: «...Власть имущие, которые в свое время совершили разрушение СССР, пользуясь демократической идеологией, теперь взяли на вооружение патриотическую идеологию и эксплуатируют ее. Хотя, на мой взгляд, им абсолютно безразлично, что эксплуатировать, кого и как».

Представители партии «Единая Россия» понятие патриотизма связывают с историей и величиим России: «Богатство России – это не только ее недра, не только и не столько нефть и газ, а огромный творческий потенциал российского народа, наше единство, наша любовь к Родине. Именно национальное единство и патриотизм не раз решали судьбу нашей страны. Благодаря народному единству и патриотизму Россия стала великой державой и останется таковой на века».

В целом, можно констатировать наличие большого числа разнонаправленных мнений по вопросам патриотизма, отсутствие в обществе единого понимания патриотического воспитания, а также недостаточную системность и четкость государственной политики в этой сфере.

5. Система патриотического воспитания в современной России

Патриотическое воспитание, являясь составной частью общего воспитательного процесса, должно представлять собой системную, комплексную и целенаправленную деятельность органов государственной власти и общественных организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

В настоящее время в Российской Федерации действует около 2000 организаций, которые имеют непосредственное отношение к делу военно-патриотического воспитания молодежи. Эти организации охватывают более 100 тысяч юношей и девушек. Структурой, призванной решать организационные, методические и информационные задачи в системе патриотического воспитания граждан, является Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве Российской Федерации (Росвоенцентр). Проводниками цели патриотического воспитания являются субъекты воспитательной деятельности, в качестве которых выступает государство; учебные заведения всех уровней; общественные организации и религиозные объединения; учреждения культуры; семья; трудовые и воинские коллективы; средства массовой информации и другие.

Основные структуры, целью которых является патриотическое воспитание, можно разделить на три группы: государственные, общественно-государственные и общественные. Призерами являются суворовские и нахимовские

военные училища и кадетские корпуса, ДОСААФ как общественно-государственная организация, различные военно-патриотические, поисковые, военно-спортивные ассоциации и клубы.

а) Проблемы ДОСААФ России. В настоящее время существует ряд проблем, влияющих на качество подготовки призванных в ДОСААФ России. К ним относятся:

- несоответствие состояния учебно-материальной базы ДОСААФ России уровню технического оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов;

- ориентация образовательных учреждений ДОСААФ России только на курсовую систему подготовки, не дающую гражданам достаточного профессионального образования с возможностью социальной адаптации после военной службы;

- значительное сокращение возможностей ДОСААФ России в удовлетворении интересов граждан к занятиям отдельными видами спорта.

б) Проблемы военно-патриотического и военно-спортивного движения:

- отсутствие сбалансированной государственной политики в данном направлении (нормативно-правовое регулирование, финансовая политика);

- отсутствие единой учебно-методической базы;

- отсутствие единого государственного органа, контролирующего деятельность военно-патриотических и военно-спортивных клубов.

в) Проблемы российского поискового движения. Можно выделить ряд проблем в системе поисковых организаций России. К ним относятся:

- отсутствие комплексной государственной поддержки поискового движения;

- отсутствие современной нормативно-правовой базы (ФЗ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» устарел);

- отсутствие единого всероссийского координационного информационно-методического центра поискового движения;

- отсутствие единого архива по развитию и истории поисковых движений в России.

г) Проблемы, имеющие системный характер. Кроме рассмотренных выше проблем, затрагивающих отдельные формы патриотического воспитания, существуют и проблемы, которые носят общий характер и охватывают все компоненты системы патриотического воспитания.

тического воспитания в России. Среди них могут быть выделены следующие:

– *нормативно-правовые*: отсутствует необходимая нормативно-правовая база, призванная обеспечить правовую основу деятельности негосударственных патриотических и военно-патриотических объединений, требует серьезной доработки законодательная база поискового движения, госпрограмма;

– *организационные*: в сфере патриотического воспитания до сих пор нет системного, постоянного, эффективного механизма координации и управления деятельностью между министерствами, ведомствами, органами и организациями в вопросах патриотического воспитания молодежи; отсутствует единый орган координации и управления;

– *финансовые*: отсутствуют прозрачные механизмы финансирования патриотического воспитания со стороны государства: распределение и расходование выделяемых средств происходит недостаточно эффективно;

– *материально-технические*: учебно-материальное и техническое обеспечение многих государственных и общественно-государственных организаций патриотического воспитания является неудовлетворительным, особенно в дотационных субъектах Российской Федерации;

– *структурные*: отсутствует должное внимание со стороны государства к негосударственным институтам патриотического и военно-патриотического воспитания;

– *научно-методические*: не решены многие важнейшие задачи по научному и методическому обеспечению патриотического воспитания.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что корень всех перечисленных проблем в том, что, несмотря на определенные усилия, предпринимаемые государством, в нашей стране по-прежнему отсутствует комплексный и сбалансированный подход к решению задач патриотического воспитания молодежи. Необходимо признать, что целостная система патриотического воспитания, позволяющая осуществлять его координацию на государственном уровне, в Российской Федерации до сих пор не создана. Для решения этой проблемы требуются скоординированные усилия органов законодательной и исполнительной власти, отечественной педагогической науки, а также всех заинтересованных общественных организаций.

При наличии различных трактовок термина «патриотизм» на государственном уровне у всех

политических движений, партий существует четкое понимание необходимости формирования системы патриотического воспитания. Несмотря на произошедший развал системы массового патриотического воспитания молодежи в постсоветское время, на сегодняшний день в обществе сформирован запрос на возрождение данной системы. Однако разрозненные попытки государственных органов создать новые или модернизировать существующие воспитательные структуры, оставшиеся от СССР, оказываются зачастую неудачными.

Совершенно очевидно, что необходимо создавать новую систему целостного патриотического воспитания современной молодежи в России. При этом важно увязывать государственные и общественные формы патриотической, военной и допризывной подготовки в единую систему с прозрачными механизмами администрирования и финансирования.

В стране, в основном, создана система патриотического воспитания молодежи. В результате проводимой работы уровень патриотического сознания граждан Российской Федерации повышается. Однако для дальнейшего развития патриотического воспитания необходимы совершенствование законодательства Российской Федерации в этой области, модернизация материально-технической базы, повышение уровня организационно-методического обеспечения, профессиональной подготовки организаторов и специалистов патриотического воспитания, развитие системы патриотического воспитания в трудовых коллективах, более активное и широкое привлечение к этой работе средств массовой информации, культуры, а также интенсивное использование возможностей сети Интернет для решения задач патриотического воспитания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Овшино, А. Н. Толерантность как важнейший системообразующий фактор регионального и национального взаимодействия // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия: материалы региональной научно-практич. конф. с международным участием. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2009. – 854 с.
2. Овшинов, А. Н. Социальная структура российского общества: монография [Текст] / А. Н. Овшинов. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2013. – 406 с.
3. Овшинов, А. Н. Основные направления воспитательной деятельности в системе образования Калмыцкого технологического института // Проблемы воспитания студенческой молодежи и пути их решения в условиях модернизации образовательной системы: материалы региональной научно-практич. конф. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2010. – 372 с.

УДК 008:301 (09)
ББК 71

И. А. Петрова, Г. П. Кибасова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: vip@sprint-v.com.ru, galina-kibasova@yandex.ru

В статье обращается внимание на особенности понимания термина «толерантность», необходимость его адекватного перевода на русский язык и использования в социокультурной практике.

Ключевые слова: толерантность, уровни толерантности, культура, теория и история культуры, социокультурные механизмы интеграции.

I. A. Petrova, G. P. Kibasova

HISTORICAL-CULTURAL DYNAMICS OF MECHANISMS OF SOCIAL TOLERANCE

Volgograd State Medical University

Article pays particular attention to the understanding of the term «tolerance», the need for its adequate translation into the Russian language and use in socio-cultural practice.

Keywords: tolerance, tolerance levels, culture, theory and history of culture, socio-cultural integration mechanisms.

«Толерантность» сегодня в российском политическом истеблишменте одно из самых употребляемых понятий. Его повторяют на все лады как заклинание от нарастающих межэтнических и межконфессиональных проблем. При этом, по мнению авторов, отсутствует понимание того, что толерантность формируется в обществе как механизм его интеграции и ее содержание меняется вместе с ним. Представляется необходимым обратить внимание на некоторые особенности понимания термина «толерантность» для того, чтобы уяснить, способно ли оно выполнить ту историческую миссию, которую на него возлагают.

За последние годы появилось много обстоятельных трудов по проблемам толерантности [1]. Однако чем чаще мы используем это понятие, тем больше осознаем насколько оно сложное, многогранное, и как нам далеко до его глубинного понимания, более того, до выработки механизмов его практического применения [2]. Аналогом русского варианта этого понятия является слово «терпимость», производное от глагола «терпеть». «Терпеть – безропотно и стойко переносить что-либо (страдание, боль, неприятное, нежелательное); ...мириться с наличием чего-либо; ...испытывать неприятное, тяжелое» и т. д. [3]. Уже здесь просматривается тот исконный смысл, который мы, россияне, с учетом нашей историко-культурной специфики вкладываем в это слово.

В то же время новые общероссийские и международные реалии диктуют иное содержа-

ние, в контексте уже современных требований, с учетом которых понятие «толерантность» и входит в жизнь мирового сообщества. При этом важно учитывать, что оно родилось в принципиально отличных историко-культурных условиях, прошло определенный эволюционный путь в иных реалиях, что необходимо помнить, анализируя его сущность.

В самом широком смысле толерантность означает терпимость к иному образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Таким образом, это понятие связано со свободой инакомыслия, то есть оно близко понятиям милосердия, снисхождения, поддержки. Обобщая, можно сказать, что это понятие концентрировано отражает библейскую истину: «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе».

Важность этого феномена в современной жизни столь велика, что 16 ноября 1995 г. ЮНЕСКО была принята Декларация принципов толерантности, включающих уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности, гармонию в многообразии, направленность на достижение мира. В 1996 году Генеральная Ассамблея предложила государствам-членам ежегодно 16 ноября отмечать как Международный день толерантности.

Современная научная литература предлагает несколько возможных вариантов понимания термина «толерантность»:

– толерантность как безразличие (существование мнений, истинность которых не может быть доказана) к религиозным взглядам, другим культурам, убеждениям и т. д.;

– толерантность как невозможность взаимопонимания (ограничивает проявление нетерпимости к другому, которого вместе с тем понять невозможно);

– толерантность как снисхождение (привилегированное в сознании человека положение собственной культуры, и недооценка других культур);

– толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог, что позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в качестве критического диалога [4].

Последний вариант толкования, по мнению авторов, является наиболее актуальным в современной ситуации.

Предложенные толкования рассматривают понятие «толерантность» как бы по горизонтали. Авторы статьи предлагают взглянуть на него так же по исторической вертикали. Ведь понятие «толерантность» отражает трудный и долгий исторический процесс выработки совершенно особого качества по той простой причине, что фундаментом сообщества является родовое сознание. Мы объединяемся в одной общности с теми, кто разделяет наши убеждения, или с теми, кто разговаривает на том же языке или имеет ту же культуру, что и мы, или с теми, кто принадлежит к той же этнической группе. В сущности, общность языка и чувство этнической близости на всем протяжении человеческой истории выступают в качестве оснований сообщества. В то же время мы склонны враждебно или со страхом относиться к другим – тем, кто от нас отличается. Различие может иметь место на любом уровне биологической, культурной или политической реальности. Очевидно, необходимо исходить из того, что и понятие «толерантность» исторически может иметь разные уровни.

Первый, можно обозначить как естественный, то есть не являющийся результатом преднамеренной деятельности какого-либо субъекта, а сформированный как условный социобиологический рефлекс. Ведь терпимость характерна не только человеку разумному, но при определенных условиях проявляется и в мире животных. Например, сытый хищник терпим к особям других видов, в экстремальных условиях засухи недостаток источников воды вы-

нуждает животных быть терпимыми у немногочисленных водоемов. Можно сказать, что терпимость формируется как условный рефлекс уже в мире животных. В определенных условиях, когда выживание животных зависит от необходимости включить рефлекс терпимости, он выходит на первый план. Поэтому, можно предположить, что зачатки терпимости достаются человеку от мира животных, и по мере эволюции человеческого сообщества будет наполняться человеческим содержанием.

С оформлением отдельных этнических общностей, первых этнических территорий, границ, государств возникает жизненная необходимость для проявления и формирования терпимого отношения к другим народам, культурам, религиям, что позволяет выгодно торговать, избегать войн, вместе противостоять внешним опасностям. Более того, на стадии государственных образований, когда в состав империй включались разнообразные народы, терпимость являлась важнейшим условием выживания, сохранения и социокультурного развития и государства и каждого народа. И чем сложнее природно-климатические, геополитические условия существования, тем выше уровень межэтнической и межконфессиональной терпимости и интеграции внутри страны. Однако по мере ослабления негативных факторов будет ослабевать и проявление так называемой естественной терпимости. Поэтому следующая стадия – это формирование уже искусственной или, точнее, культурно выработанной толерантности. Поскольку необходимы усилия по содержанию наполнению данного понятия, его усвоению и т. д., впрочем, как и для любого культурного акта.

Следует отметить, что чем выше культурный, духовный, образовательный уровень населения, чем стабильнее социально-политическая ситуация, тем многообразнее формы проявления толерантности. Она будет все время развиваться, наполняться новым смыслом, это и есть важнейшее условие его включения в социокультурный контекст. Поэтому толерантность не цель, а средство существования любого человеческого сообщества. Толерантность не панацея, а только один из механизмов «преодоления социального хаоса» (М. С. Коган). Меняется общество, следовательно, будет меняться и содержание понятия «толерантность». Первоначально «культурная толерантность» зарождается в сфере религиозных отношений, что

остаётся чрезвычайно актуальным и сегодня, но в современных условиях глобализирующегося мира оно должно пронизывать все сферы отношений.

Проблема толерантности впервые возникла в ходе европейской религиозной реформации XVI–XVII вв. Можно сказать, что религиозная толерантность положила начало всем другим свободам, которые были достигнуты в западно-европейском обществе. Толерантность стала культурным актом, вызванным жизненной необходимостью. Раскол христианства привел к расколу монолитности общества. Началась эпоха перманентных, религиозных войн. Именно отказ от навязывания другому своих религиозных взглядов, от попыток скрепить общество сверху через искусственное религиозное единство обеспечивало сохранение мира. Очевидно, первым идеологом культурной толерантности можно назвать Вольтера, которому приписывают изречение: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но пожертвую жизнью, защищая ваше право высказать собственное мнение».

Таким образом, толерантность формируется как важнейшая составная часть культуры общества, пронизывая все его сферы: культурную, этническую, религиозную, политическую, экономическую и т. д. В то же время сама «толелерантность» является областью проявления творчества. Личность неразвитая, некультурная вполне способна обходиться естественной терпимостью, которая возникает как способ выживания, держится на родовых традициях, и даже на условном рефлексе [5]. Толерантность сознательная, культурно взращиваемая требует формирования осознания того, что под различиями и даже противоречиями скрываются сходства и тождества. Например, осознание принадлежности отдельных народов и конфессиональных

сообществ к человечеству в целом. Принятие идеи о том, что, как гласит арабская пословица «Бог един, а путей к нему много». Понимание того, что истина не может быть простой, что она многолика, и что существуют другие взгляды, способные пролить свет на ту или иную ее сторону. Поэтому толерантность – это не только терпимость, но и милосердие. В латинских этимологических словарях чаще всего дают два толкования – «терпимость» и «поддержка». Это очень важный аспект, поскольку диалог культур и конфессий, взаимное их обогащение в глобализирующемся мире является условием выживания и сохранения человечества. Толерантность сегодня начинает выступать в качестве неотъемлемого элемента современного понимания свободы, являющейся высшей человеческой ценностью. Но первый шаг к формированию сознательной толерантности – это глубокое и всестороннее освоение культуры собственного народа как важнейшего условия интеграции с другими культурами. Нельзя быть толерантным, не зная своей истории и культуры. Это важнейшее условие открытия других культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Петров, А. В.* Толерантность как ценность культуры современного общества / А. В. Петров, О. В. Мирошникова // *Биоэтика*. – 2011. – Т. 2. – № 8. – С. 5–6.
2. Толерантность / под общ. ред. М. П. Мчедлова. – М.: Республика, 2004. – 325 с.
3. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1985. – С. 690.
4. *Юровских, Н. Г.* Толерантность как личностный и культурный феномен: автореф. ... канд. филос. наук / Н. Г. Юровских. – Омск, 2004. – 25 с.
5. *Петров, А.* Автономия личности как право на принятие решений / А. Петров // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. – 2008. – № 2. – С. 206–216.

УДК 947 : 297 (470.44)
ББК 63.3 (2 Рос – 4 Сар) 5

М. Ю. Давыдова

**МУСУЛЬМАНЕ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: saamu@rambler.ru

В статье проанализированы социальный статус и основные направления деятельности мусульманской конфессии в Саратовской губернии в дореволюционный период.

Ключевые слова: ислам, мусульманская конфессия, мечеть, мусульманское духовенство и школы.

M. Y. Davydova

**MUSLIMS OF THE SARATOV AREA
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES**

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering

The article analyzes the social status and main directions of activity of Muslim confession in the Saratov region in the pre-revolutionary period.

Keywords: Islam, Muslim confession, mosques, clergy and schools.

Православная церковь являлась господствующей в Российской империи. В то же время здесь действовали и другие христианские конфессии, нехристианские общины, а также различные религиозно-реформационные движения. Население Саратовской губернии имело поликонфессиональную структуру. Мусульмане, исповедующие ислам суннитского толка, составляли здесь третью по численности конфессиональную группу после православной (по переписи 1897 г. – 84 % населения) и протестантской (5,6 %). Отличительной особенностью их внешнего вида была выбритая голова, покрытая тюбетейкой, иногда почетная белая чалма, отмечающая людей, посетивших Мекку.

В рассматриваемый период удельный вес мусульман в губернии колебался в пределах 3–4,4 %. Причем практически все последователи данного вероисповедания (98,4 %) были татарами. Мусульманами являлись и немногочисленные в губернии башкиры, сосредоточенные в Петровском уезде. Здесь же проживали чуваш-мусульмане [1, с. 93].

Из 96 тысяч мусульман губернии большинство проживало в Хвалынском (39508 чел.), Кузнецком (35336 чел.), Петровском (13555 чел.), Вольском (3179 чел.) уездах, а также в городах Саратове (1746 чел.) и Царицыне (1729 чел.) [1, с. 3, 76–77].

В Российской империи мусульмане были второй по численности группой верующих после православных. В конце XIX в. они составляли 11 % ее населения (13906972 чел.) и со-

средоточивались преимущественно в Средней Азии и на Кавказе. Хотя Саратовская губерния относилось к основной зоне расселения мусульман в Европейской России (Приуралье и Поволжье), но их численность и удельный вес здесь (96001 чел.; 4 %) были значительно меньше, чем в Уфимской (1095706 чел.; 50 %), Казанской (633024 чел.; 29 %), а также Оренбургской, Астраханской, Самарской, Симбирской губерниях [2, с. 4–5, 16–17].

Включение мусульман в состав православной страны резко изменило их правовое положение. Формально ислам и отправление его обрядов в России никогда не запрещались, однако политику властей империи по отношению к мусульманам до царствования Екатерины II вряд ли можно назвать толерантной. Их вынуждали принимать православие, уничтожали религиозные институты мусульманской общины, преследовали вероучителей. Лишь с 70-х гг. XVIII в. стала утверждаться последовательная политика веротерпимости государства по отношению к исламу. Мусульмане получили право строить мечети и религиозные школы, муллам было назначено государственное содержание. Одновременно были приняты меры по ускорению процесса инкорпорации татарских князей и мурз в состав российского дворянства и по расширению участия мусульман в экономической жизни страны.

Рядом законодательных мер екатерининского времени была сформирована структура управления мусульманами России. В 1782 г. в Уфе

был учрежден муфтиат, а в 1788 г. – Оренбургское магометанское духовное собрание, возглавляемое муфтием и управлявшее духовными делами мусульман Поволжья и Приуралья [3, л. 29]. Оно ежегодно должно было предоставлять в Департамент духовных дел иностранных исповеданий ведомости о находящихся в его ведении мечетях, состоящих при них духовных лицах и прихожанах.

Низшей церковно-административной единицей у мусульман, как и у представителей других вероисповеданий, был приход или религиозная община с мечетью, школой и духовным руководителем. В 1886 г. в Оренбургском округе находилось 1360 приходов, в том числе 150 – в Саратовской губернии. По подсчетам автора, один приход включал в среднем 500–600 чел., и у каждой общины была своя мечеть. Мечети размещались в местностях компактного проживания мусульман – в Хвалынском (71 мечеть), Кузнецком (52 мечети), Петровском (24 мечети) и Вольском (4 мечети) уездах. В Саратове мечеть на Татарской улице действовала с 1836 г. Мечеть в Царицыне в связи с увеличением мусульманского населения была построена в конце 1860-х – начале 1870-х гг.

Основная масса мусульманских культовых сооружений оставалась деревянными. Каменные мечети были выстроены лишь в 90-е гг. XIX в. в Саратове, Царицыне и некоторых селениях Кузнецкого уезда. Возведение новых мечетей было ограничено запретами местной администрации, основанными на действующем положении о том, что их строительство допускалось лишь в том случае, если от постройки не будет «соблазна в вере для живущих с магометанами христиан и новокрещенных татар» [4, с. 40]. Несмотря на это общая численность мечетей с 1867 г. по 1903 г. увеличилась на 21, что несколько не соответствовало росту последователей ислама, так как количество прихожан каждой мечети в среднем возросло на 202 чел. Однако данный показатель был значительно ниже, чем у христианского населения губернии (2607 чел. в 1903 г.). Исключение составляли лишь мечети Саратова и Царицына, в которых в 1903 г. насчитывалось 2093 и 1619 прихожан соответственно.

По установленным автором данным, мусульманское население губернии было значительно лучше, чем христианское обеспечено не только богослужебными зданиями, но и духовными наставниками. Если в 1867 г. числен-

ность мусульманского духовенства здесь составляла 355 чел. и на 1 муллу в среднем приходилось 173 мусульманина, то в 1903 г. – уже 575 чел. (178 мусульман на 1 муллу) [5, л. 10–14]. Следовательно, увеличение духовенства практически соответствовало росту верующих. К тому же штат каждой мечети в рассматриваемый период в среднем увеличился на одного служителя.

Духовным руководителем мусульманской общины был имам (наставник прихода), главная обязанность которого заключалась в проведении ежедневных молитв и чтении пятничной проповеди. Мулла в духовном звании имама был младшим в приходе, старшим считался хатыб. Имам и хатыб были не только духовными званиями приходских мулл, но также и своеобразными должностями. В свою очередь ахун (благочинный) было только почетным званием и присуждалось мулле Духовным собранием «в награду за службу». Старшим ахуном в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX вв. был некто Енгальчев. В состав приходского духовенства входили также муэдзины или азанчи (пономари, причетники).

Процедура назначения и увольнения мусульманского приходского духовенства была строго определена законом и находилась под контролем местных органов власти. Наряду с другими документами кандидат в муллы предоставлял в Губернское правление свидетельство Духовного собрания об успешном испытании в знании правил и обрядов мусульманской религии, а с 1891 г. – и «русской разговорной речи и чтения» [3, л. 45].

Вопрос о содержании приходского муллы определялся прихожанами. Комплексный анализ приговоров показал, что в одних обществах мулла «содержался от себя и на добровольные пожертвования», в других же – правоверные обязывались отдавать ему десятую часть урожая. Мусульманское приходское духовенство само занималось сельским хозяйством и торговлей. Исследователи отмечают достаточное его благосостояние: «... в домах мулл и азанчей... видна полная достатка жизнь их: хорошее помещение с клетью, хлевы, сарай и баня – все как у состоятельных татар – с обильным хозяйственным вещевым и живым инвентарем, с наемными работниками...» [6, с. 104]. Выявленные архивные материалы содержат и противоположные оценки уровня их материального положения. Так, в 1902 г. мулла 4-й мечети

д. Индерки Кузнецкого уезда Абдула Ильясов обращался в Губернское правление с прошением о выделении «хотя бы единовременного пособия на содержание семейства» [7, л. 34–35]. Из прошения следует, что мулла никакого жалования не получал, содержался лишь скудными пожертвованиями прихожан и вследствие неурожая 1901 г. оказался «в самом безвыходном положении». Данный пример свидетельствует о том, что материальное положение мусульманского, как, впрочем, и духовенства других конфессий, в первую очередь зависело от благосостояния и расположения прихожан.

Исследователи отмечали высокий образовательный уровень мусульманского духовенства. Будущие служители культа, закончив начальные школы при мечетях, отправлялись для продолжения образования в Казань, а затем в Бухару, где в продолжение десяти и более лет занимались совершенствованием своих познаний. Вследствие этого муллы пользовались огромным авторитетом среди мусульманского населения [8, с. 270].

При большинстве мечетей Саратовской губернии были школы (мектебы) для обучения детей грамоте и вероучению. Обычно они открывались без какого-либо разрешения учебного начальства. В отчете министра народного просвещения за вторую половину 60-х гг. XIX в. отмечена необходимость «обратить внимание на татарские школы, которые сами собою распространяются по татарским селениям Волжских губерний в такой мере, что большая часть татар обучается грамоте не русской, а татарской, при мечетях духовными их учителями...» [9, л. 4]. Школы строились и содержались исключительно силами и средствами самого мусульманского населения. Большинство их преподавателей, которыми, как правило, были муллы, не получали жалования, считая это делом греховным.

Школы у татарского населения были сугубо конфессиональными учебными заведениями, где детей учили читать по-татарски и знать догматы ислама. Русский язык в них не преподавался. По данным переписи 1897 г., 26,6 % татар были грамотны, причем знали русский язык («грамотные по-русски») – лишь 2 % мужчин и 0,5 % женщин.

В рассматриваемый период количество мусульманских учебных заведений в губернии значительно увеличилось. Если в 1866 г. действовало 65 училищ, где обучались 2535 чел., то

в 1903 г. – уже 120 медресе и мектебе (4664 чел.) [9, л. 10]. Кроме этих исконно мусульманских учебных заведений, с 70-х гг. XIX вв. стали создаваться так называемые русско-татарские начальные школы, открываемые на казенные и земские средства и являвшиеся составной частью мер, направленных на распространение среди инородческого населения русского языка, грамотности и культуры. В 1882 г. мусульманские школы были подчинены Министерству народного просвещения; с 1892 г. новые мектебе и медресе можно было открывать только с разрешения директора народных училищ. Однако административный контроль не оказал серьезного влияния на функционирование конфессиональных школ и вызывал лишь раздражение и недовольство населения. Вплоть до 1917 г. основными школами оставались мектебы. С конца XIX в. в губернии стали появляться усовершенствованные мусульманские школы, где помимо религиозных начал, преподавали географию, историю, арифметику, пение. В 1901 г. здесь насчитывалось 17 таких школ.

В рассматриваемый период мусульманам было свойственно противопоставлять себя окружающему населению. В Саратовской губернии случаи принятия мусульманами православия были редки и происходили вследствие длительного пребывания в среде христиан, сложившихся жизненных обстоятельств (сиротство, семейные неурядицы, замужество или женитьба). Татары-мусульмане негативно относились к переходам сородичей в православие. Со своей стороны они активно содействовали привлечению чувашей и крещенных татар к своей вере. В 60–70-е гг. XIX в. в Поволжье усилился неконтролируемый властями процесс перехода «инородцев-христиан», прежде всего крещенных татар, в мусульманство. В изучаемом регионе, в отличие от Казанской, Уфимской, Симбирской губерний, «отступническое» движение не получило широкого распространения вследствие незначительного числа крещенных татар. Однако и здесь произошло их сокращение: с 298 чел. в 1865 г. до 198 чел. в 1897 г. [10, л. 2]. Православные составляли лишь 0,2 % татар губернии и проживали преимущественно в Петровском уезде.

Таким образом, мусульмане Саратовской губернии, являясь частью татар-мусульман Поволжья и Приуралья, представляли собой сплоченную этноконфессиональную группу, не только не поддавшуюся массовой христианизации

ции, но и противопоставляющую себя православному населению, активно привлекающую новых прозелитов (с 1862 г. по 1904 г. численность мусульман в губернии увеличилась на 89,4 %) и имеющую достаточное количество мечетей, духовенства, школ. Главными орудиями татар-мусульман против крещения и русификации были традиционная религия, древняя культура, конфессиональные школы, родной язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1904.
2. Статистический справочник. Вып. 1. Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам. – СПб., 1906.

3. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание. Учреждение и штаты. 1886–1899 гг. – РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 620.
4. Кобзев, А. В. Мусульмане Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (Этноконфессиональный аспект): дис. ... канд. ист. наук / А. В. Кобзев. – Ульяновск, 2002.
5. Число жителей по сословиям по Саратовской губернии в 1867 г. – ГАСО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 5393.
6. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1. – М.; Л., 1936.
7. Дело об утверждении в должности лиц, избираемых обществами в приходские муллы, хатыпы и маязины. – ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8326.
8. Коблов, Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк / Я. Д. Коблов. – Казань: Центр. тип., 1907.
9. Дело по записке министра народного просвещения о доставлении сведений о татарских школах. 1866 г. – РГИА Ф. 821. Оп. 8. Д. 806.
10. Дело о переселении новокрещенных из татар крестьян д. Канадей в другие села христианского населения. 1867 – 1868 гг. – ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5231.

УДК 93/94
ББК 63 Т

О. Б. Халидова, А. С. Халилова, Г. Ф. Гебеков

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ ДАГЕСТАНЦЕВ В СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ В 1980-2010 ГОДЫ*

ФГБУ Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра Российской Академии наук

E-mail: o.khalidova2011@mail.ru

В процессе изучения культуры и истории северокавказских народов, пристальное внимание сосредоточено на этнических дагестанцах, проживающих вне своей исторической родины: их бытование в новых социально-экономических, культурных и исторических условиях. В данной статье частично освещаются миграционные процессы дагестанцев на территорию Ставропольского края, их истоки, причины и последствия. Предпринимается попытка дать анализ современной ситуации в сфере миграции. Констатируется тот факт, что взаимоотношения Дагестана со Ставропольским краем строятся на основе добрососедских, с высокой степенью заинтересованности в развитии дальнейших культурных и хозяйственных контактов. На примере двух многонациональных северокавказских регионов можно сделать вывод, что их пример общественно-политического и социально-экономического сотрудничества показателен в масштабе Российской Федерации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Республика Дагестан, Ставропольский край, общество, миграционные процессы.

O. B. Khalidova, A. S. Khalilova, G. F. Gebekov

TO THE ISSUE OF MIGRATION OF THE DAGESTAN PEOPLE TO STAVROPOL REGION

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences

It focused our attention on the ethnic Dagestan people living outside of their historical homeland: their existence in the new socio-economic, cultural and historical conditions in the process of studying the culture and history of the peoples of the North Caucasus. It is elucidated partially the migration processes on the territory of Dagestan, Stavropol region, their origins, causes and consequences in this article. It is made an attempt to analyze the current situation in the migration sphere. It is stated that the relationship of Dagestan with Stavropol region are based on good-neighborly with a high degree of interest in the further development of the cultural and economic contacts. On the example of two multinational North Caucasus regions, we can conclude that they are an example of socio-political and socio-economic co-operation in revealing the scale of the Russian Federation.

Keywords: North Caucasus, Dagestan, Stavropol region, society, religion, relationships, cooperation, migration.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Общественно-политические взаимоотношения, миграционные контакты и социально-бытовые связи РД с Краснодарским краем, Ставрополем и Ростовской областью в 1980-2010 гг.» (проект 12-31-012001).

Ретроспектива миграционных процессов на территорию Ставропольского края среди дагестанских народов уходит своими корнями в начало XX века, когда в 1920 г. сюда приехали на заработки первые переселенцы кустари-лудильщики. Это были дагестанцы-лакцы. Со временем население Ставропольского края стало пополняться выходцами из Дагестана. По замечанию исследователей, наибольший приток дагестанских переселенцев отмечается в 60–70-е годы XX века [1]. Тогда дагестанские семьи интенсивно обосновывались на новых местах, компактно концентрируясь в таких районах, как Нефтекумский, Левокумский, Арзгирский, Туркменский и других. В этих районах проживает почти половина всех даргинцев Ставрополья. Как отмечает А. В. Авксентьев, «по численности они составляют вторую этническую группу после русских (9,7 % всего населения этого региона). Данное высказывание подтверждается и нижеприведенными статистическими данными о количественном соотношении дагестанских этнических групп в Ставропольском регионе.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, национальный состав дагестанских народов в Ставропольском крае выглядел таким образом: всего даргинцев – 15697 человек; аварцев – 2378 человек; кумыков – 2040 человек; лакцев – 1122 человека; лезгин – 715 человек; табасаранцев – 82 человека. Проведенная перепись 2010 года не только не показала уменьшение, а, наоборот, возрастание Дагестанского населения. Так, даргинцев – 49302 человека; аварцев – 9009 человек; лезгин – 7900 человек, табасаранцев – 6951 человек; кумыков – 5639 человек; лакцев – 2644 человека [6].

Основной причиной переселения дагестанцев являлось малоземелье. В овцеводческом комплексе Ставрополья ощущалась нехватка кадров. Руководство Нефтекумского, Левокумского, Арзгирского районов привлекало для работы на кошарах чабанов из Дагестана [2].

Так называемые новоселы, прежде всего представители кавказских и северокавказских этносов, проявляли большую экономическую активность. Будучи более подготовленными к либерализации рынка, участию в свободной конкуренции, нежели местные жители, заняли прочные позиции в сфере обращения «живых денег». Новые члены этнических диаспор потеснили на этом поприще местных жителей, чем вызвали напряженность в межнациональных отношениях.

На этом фоне особенно настораживающей выглядит устойчивая тенденция оттока из восточных районов края русскоязычного населения. За 10 лет в Левокумском районе численность русских в селах, граничащих с Республикой Дагестан, уменьшилась почти вдвое. Аналогичные процессы активно происходят в Нефтекумском и Туркменском районах. В Курском районе активное переселение дагестанцев отмечено в следующих населенных пунктах: хутора Привольный и Киров, поселки Мирный и Рощино [3].

В прессе не раз появлялись статьи о проблемах дагестанских животноводов в ходе принятия новых нормативно-правовых актов по распределению земель и животноводческих помещений, предоставления их в аренду. По мнению министра по национальной политике, делам религии и внешним связям Б. Бекмурзаева, «вышеуказанные правовые коллизии решались не только в рамках земельных и имущественных отношений, но и переводились на этническую плоскость» [10]. При изучении данного вопроса реферантурой губернатора Ставропольского края проблема возврата краевых земель сельхозназначения, переданных в советское время сельхозтоваропроизводителям Дагестана для хозяйственной деятельности, из вопроса экономических отношений хозяйствующих субъектов активно переводится в политическую сферу, принимая региональное и федеральное звучание. При этом было заявлено, что дагестанская сторона стремится придать данной проблеме межэтнический характер [9].

Бывший глава Республики Дагестан заявлял об ущемлении прав дагестанцев в Ставрополье в интервью с известным журналистом и общественным деятелем Максимом Шевченко. Подчеркивалось при этом, что «дагестанцы-животноводы работают там более 50 лет. ... Люди умеют и хотят работать. Животноводство Ставропольского края держится на них» [7].

По мнению некоторых ученых, занимающихся социально-экономическим исследованием регионов, бытовые конфликты маркируются как межэтнические, строительство мечетей, хиджабы, которые девочки-мусульманки надевают в школы, поправа скотом садов и огородов – все приобретает этническую маркировку. Замечено даже символическое противостояние животных: свинья, которая для мусульман «хара́м», против овцы, которая травит посевы и оскверняет погосты [11].

Несмотря на все жизненные перипетии дагестанского населения на территории Ставрополья, сегодня представителей землячества Дагестана в крае насчитывает около 100 тысяч человек, которые вносят немалый вклад в развитие животноводства в крае и получают образование. Немало ставропольчан живет и трудится на нашей земле. На территории края действуют культурные центры народов Дагестана, Советы диаспор проживающих здесь дагестанских народностей, общественно-политические организации. В Дагестане существует Центр социальной защиты русскоязычного населения.

На правительственном уровне совместно с руководством Ставропольского края руководство нашей республики делает все возможное, чтобы сохранить и уберечь традиции дружбы народов в сложившейся обстановке. И та, и другая сторона подчеркивают, что трудности в решении этих вопросов на сегодняшний день есть и немалые, но, как бы то ни было, нужно искать взаимовыгодный выход и всячески поддерживать друг друга.

Так, 15 августа 2012 г. постоянный представитель Республики Дагестан в Ставропольском крае А. Омаров, актив дагестанских этнокультурных объединений, функционирующих на Ставрополье, приняли участие в заседании «круглого стола», проведенного под руководством первого заместителя председателя Думы Ставропольского края пятого созыва Д. Судавцова.

Обсуждая перспективы социально-экономического развития Ставропольского края, участники заседания наряду с другими составляющими базу экономики края обозначили значимость для Ставрополья овцеводства, его неразрывную связь с животноводцами-дагестанцами – признанными мастерами содержания отар, ведения селекционной работы и племенного дела. Выступившими были подвергнуты сомнению обоснованность и правомерность бытующих мнений и распространяемых утверждений о нерентабельности и нецелесообразности сохранения на Ставрополье овцеводства как отрасли сельскохозяйственного производства. Среди предложений, поступивших в адрес Думы и правительства края, были и те, которые связаны с необходимостью урегулирования проблем регистрации по месту жительства этнических дагестанцев, представляющих значительную часть ставропольских животноводов [5].

18 мая 2013 г. врио Президента РД Рамазан Абдулатипов, в рамках своего рабочего визита в

Ставропольский край, встретился с представителями дагестанской диаспоры в регионе. Заместитель Председателя Правительства Ставропольского края Дмитрий Грибенник отметил, что приезд Рамазана Абдулатипова в Ставрополье знаменателен: «Дагестанская диаспора, которая самая большая, объединенная и активная, нужна Правительству нашего края как опора, национальный центр со своими традициями, политикой. Вы должны подставить плечо нам в решение существующих проблем. Нам нужна помощь, логика мыслей для того, чтобы выстроить наши отношения» [4].

Таким образом, отметим, что главным фактором миграции в Дагестане была скрытая безработица. Основной национальный состав этнических дагестанцев в Ставропольском крае – это даргинцы, занятые преимущественно в сельском хозяйстве. Необходимо отметить, что положительным моментом миграции был экономический.

На сегодняшний день, к сожалению, необходимо констатировать о трудоизбыточности нашей республики, что является малоинтересным для активной части населения. Молодежь, уехав из республики, совсем не торопится возвращаться на свою историческую родину. Поэтому миграционные процессы не только не изживут себя, но и в дальнейшем будут иметь место.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиева, А. В. Особенности миграции дагестанских народов на территорию Ставропольского края во второй половине XX века. – Режим доступа: <http://migrocenter>
2. Алиева, А. В. Дагестанские переселенцы на Ставрополье во второй половине XX века: автореф. ... канд. ист. наук / А. В. Алиева. – Ставрополь, 2004. – Режим доступа: <http://rfsinc.ru>
3. Бышевский, Ю. Ю. Особенности преступности мигрантов в Ставропольском крае / Ю. Ю. Бышевский. – Режим доступа: <http://www.superinf.ru> (дата обращения: 01.10.2013 г.)
4. «...В Ставропольском крае отметили роль дагестанцев в развитии животноводства края». – Режим доступа: <http://mahachkala.bezformata.ru/>
5. «Врио Президента РД встретился с представителями дагестанской диаспоры в Ставрополье». – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com>
6. Краткий этносоциологический справочник. – Ставрополь, 1994.
7. Магомедов, М. Дагестанцев пытаются вытеснить из Ставрополья // Дагестанская правда. – Режим доступа: <http://www.dagpravda.ru>
8. Население Ставропольского края. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
9. О земельных спорах между Ставропольским краем и Дагестаном. – Режим доступа: <http://stavregion.ru>
10. «Происходящее на Ставрополье необъяснимо человеческой логикой...». – Режим доступа: <http://www.regnum.ru>
11. Соколов, Д. Националистическая риторика скрывает цивилизационный разлом / Д. Соколов // Фронтир. – Режим доступа: <http://ramcom.net>

УДК 21
ББК 86.2

Г. В. Орлов

**ТЕМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ
В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: orlov.gv34@mail.ru

Статья посвящена рекомендациям работы в учебной аудитории по проблемам межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения; национальный вопрос; сто национальностей в одном государстве; общенациональные ценности в XXI веке; национальное взаимодействие россиян.

G. V. Orlov

**THE SUBJECT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN SOUTHERN RUSSIA
TEACHING THE RUSSIAN HISTORY COURSE**

Volgograd State University of Architecture and building

The article is devoted to the recommendations of the classroom on interethnic relations.

Keywords: international relations; national matter; one hundred nationalities in one State; national values in the XXI century; national interaction Russians.

Современная Россия является страной с развивающейся рыночной экономикой и формирующейся моделью социального государства. Успешность этих процессов в огромной степени зависит от политических факторов – демократии, реального политического плюрализма, политической стабильности и ответственности [1, с. 102]. Российская Федерация – многонациональное государство, поэтому не меньшее значение имеют толерантность, взаимоуважение, готовность к компромиссам и конструктивному диалогу в национальном вопросе. Без этого социальное государство в нашей стране невозможно.

Современные молодые люди располагают множеством источников информации. Некоторые материалы, к сожалению, направлены не на умиротворение, а, напротив, на разжигание межнациональной розни, поэтому сами являются источником социальной напряженности и религиозного конфликта [2].

Да, Интернет, радиостанции, многочисленные средства массовой информации... Но это противоречивая информация на текущий день. Причем, все (почти) в рамках Конституции РФ: «... признается идеологическое многообразие...» (Ст. 13). Поэтому к 2014 г. в школе более 60 разнообразных учебников по отечественной истории. И все же лекция и семинар – важнейший фактор в становлении политического мышления поколения XXI века.

В конце 2013 г. по поручению власти ведущими историками страны была разработана

и в начале 2014 г. утверждена Президентом РФ В. В. Путиным «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории». В ходе встречи с авторами концепции нового учебника истории 16 января 2014 года Президент дал поручение провести оценку соответствия содержания учебников по истории, включенных в федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию в образовательном процессе в общеобразовательных организациях, и содержания учебных пособий, допущенных к использованию в образовательном процессе в общеобразовательных организациях, концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. В случае несоответствия содержания учебников и учебных пособий концепции принять меры, направленные на исключение учебников из указанного перечня и на недопущение использования учебных пособий в образовательном процессе [3]. Таким образом, созданы условия для объективного освящения межнациональных отношений в учебной литературе.

О межнациональных отношениях, о стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2020 года указано и в Законе «Об образовании РФ». Названы следующие базовые ценности в воспитании поколения XXI века: социальная солидарность, свобода и ответственность, толерантность как необходимое условие взаимодействия государств и народов в новейшей истории, уважение к своему многонациональному Российскому государству.

Практика. Необходимо на первой же лекции договориться с поколением XXI века об основных взаимоприемлемых ценностях, передающихся россиянами из века в век.

Поэтому на первой же лекции первый вопрос – «*Концепция анализа исторических событий*», где рассказывается студентам, что существуют различные методологии оценки исторических фактов: религиозная, формационная, технократическая, цивилизационная.

Автором предлагается еще один подход к познанию истории Родины. Следует взять за основу такую объемную категорию, как **НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАНЫ**.

Наши национальные интересы такие же, как у большинства народов: сохранение территориальной целостности; развитие и защита национальной экономики; развитие и защита традиций национальной культуры.

Причем все народы не против усиления связей, сближения государств во всех сферах, не против и глобализации, но с учетом национальных интересов, национальной безопасности. Национальные интересы во всех странах охраняются государством, обществом, патриотами.

Национальные интересы на каждом историческом этапе выдвигают национальную идею, обеспечивающую новый бросок в будущее.

Русская национальная идея видится в начале XXI в. такой же, как у американца Ф. Рузвельта – не должно быть забытого американца; такой же, как у немца Л. Эрхарда – благосостояние для всех; такой же, как у китайца Дэн Сяопина – социалистическая рыночная экономика; такой же, как для японцев, шведов, французов.

Следующий вопрос на лекции – «*Становление российских национальных интересов*».

- Более 300 лет в России правила царствующая династия Романовых.

В русле данной темы следует отметить, что многонациональная страна (более ста национальностей) не знала религиозных конфликтов, существовало фактическое равноправие в выборе места жительства, в обладании собственностью, в развитии своих национальных территорий. Была создана небольшая, но могучая российская многонациональная интеллигенция, занявшая в мировой науке и искусстве передовые позиции.

По поводу создания Российского государства существуют две противоположные точки

зрения. Для одних Россия – агрессор, стремящийся к бесконечному расширению своих границ. Для других Россия – освободительница соседних народов от ига агрессоров. Примкнув к ней, народы смогли с наибольшей полнотой реализовывать свои национальные интересы.

На лекциях студентам предлагается следующее:

Ваше мнение! На семинаре обоснуйте его историческими фактами.

Расскажите о жизни вашей Украины, вашей Грузии, вашей Армении, Калмыкии, Азербайджана, Татарстана, Чечни... во многовековом единстве в многонациональной России.

Ваше мнение о формах сближения в новых условиях соседствующих стран.

- Основу Российского государства всегда составляли славяне.

В XVIII–XIX вв. шло воссоединение этих братских народов. Общие предки у белорусов и украинцев – восточные славяне. В X–XI вв. земли Белоруссии входили в состав Киевской Руси. В XII в. образовались самостоятельные княжества, которые в XIV в. захватила Литва. А после объединения Литвы и Польши белорусы оказались в составе Речи Посполитой – чуждой по языку, религии, традициям. Воссоединение с братским русским народом произошло в 1772–1795 гг.

К XIV в. Украина была захвачена польской шляхтой, на нее нападали крымские татары и султанская Турция.

Большую роль в освободительной борьбе украинского народа играла Запорожская Сечь. Освободительная общенародная война 1648–1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого завершилась актом величайшего исторического значения – воссоединением с братским народом (Переяславская рада, 1654).

При большом стечении народа 8 января 1654 г. Богдан Хмельницкий в городе Переяславе провозгласил акт о воссоединении Украины с Россией. Все участники рады приняли присягу: «Быти им з землями и з городами под государевою высокою рукою навеки неотступным».

Воспользовавшись сложным международным и внутренним положением России и Украины, Польша удержала до конца XVIII в. Правобережную Украину (земли на правом берегу Днепра, кроме Киева), часть земель оказалась у Австро-Венгрии. Причерноморье, Закарпатская Украина, Буковина и ряд других укра-

инских земель находились под гнетом Турции и Венгрии. Только вместе с русскими украинцам удавалось успешно бороться за свою территорию, свой язык и культуру.

К этому славянскому ядру стремились присоединиться и соседние народы.

Россия создавалась как евразийская общность и в силу своего географического положения, и благодаря специфическим особенностям славян, прежде всего (как у Ф. Достоевского) их «всемирной отзывчивости». Эту черту воспитывали и христианская религия, и вековой опыт по защите своей независимости, а следовательно, уважение к независимости других народов: в любом городе можно было кроме православных храмов увидеть и мечеть, и синагогу. Веротерпимость – довольно редкое качество наций; российская культура становилась многонациональной, в ней издревле отсутствовали крайние формы национализма, шовинизма. Культура подобного типа является донорской – русские не угнетают, а наоборот, обогащают политическую и духовную культуру других народов, вступающих в число россиян.

• К России присоединились народы с трудной судьбой, гонимые сильными соседями.

Чеченцы. Многочисленные события XIX–XX веков превратили историю этого народа в бесконечные войны за свое существование. Только в составе России они стали селиться на равнинных землях соседей, подключились к хозяйственной, политической, культурной жизни россиян.

К тому же межнациональные отношения внутри многих территорий порой задают много проблем. Многонационален, к примеру, Дагестан. Он расположен между главным Кавказским хребтом и Каспийским морем. Здесь в шести городах – Дербент, Буйнакс, Хасавюрт, Каспийск, Избербаш – проживает более 30 национальностей, входящих в пять национальных

групп: аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки, лакки. В прошлом они многократно подвергались нашествию персов, арабов, турок. И только сближение с Россией в начале XIX века спасло их от завоевателей. Россияне стали объединяющей силой, усиливающей взаимосоотрудничество народов.

В Северной Осетии осетины, русские, армяне, грузины, украинцы сумели общие интересы сделать основными, созвучными огромной Руси.

Среди ценностей россиян: соборность, взаимовыручка, духовность, непримиримость к социальной несправедливости, гостеприимство.

Разделить более чем сотню народностей внутри России на «своих» и «чужих», даже при явном численном превосходстве этнических «русских по паспорту» (до 83 % в 2001 г.) – такой задачи никогда не ставили ни монархия, ни Временное правительство, ни Советская власть, ни нынешняя Президентская республика.

К середине XIX в. Россия сложилась как многонациональное государство с преобладанием русского населения со свойственными этому народу чертами: общинностью, коллективизмом, взаимовыручкой, готовностью к самопожертвованию ради общих интересов, самолюбием и ненавистью к предателям, угнетателям, внешним и внутренним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Симонова, С. С.* Социальные приоритеты в программах политических партий России / С. С. Симонова, Е. Г. Олейникова // *Философия социальных коммуникаций*. – 2012. – № 4 (21). – С. 102–109.
2. *Пресса и религиозные конфликты в современной России*. – Режим доступа: <http://baznica.info/article/pressa-i-religioznye-konflikty-v-sovremenn/>
3. *Перечень поручений по итогам встречи с разработчиками концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории*. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/assignments/20147>

УДК 304.5
ББК 87.6

Е. Ю. Леонтьева

КОНТРОВЕРЗЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: leont@avtlg.ru

Толерантность представлена как сложная и неоднозначная проблема, решение которой через призывы быть благодушными и терпимыми к ценностям других не отражает ее сущность и противоречивость. Толерантность показана как вынужденная терпимость, единственное средство – не допустить прямого столкновения интересов и ценностей, в ситуации когда объект толерантности оказывается способен на вызов и противостояние.

Ключевые слова: толерантность, индифферентность, терпимость, ценности, Чужой, Другой.

E. Y. Leontyeva

CONTROVERSIES OF TOLERANCE: THEORY AND PRACTICE

Volgograd State Technical University

Tolerance is presented as a complex and ambiguous problem whose solution is through appeals to be complacent and tolerant values of others does not reflect its essence and inconsistency. Tolerance is shown as a forced sufferance, the only way to avoid a direct clash of interests and values, in a situation when the object of tolerance is able to challenge and confrontation.

Keywords: tolerance, indifference, sufferance, values, Alien, Other.

Тема толерантности в последнее время, пожалуй, одна из самых популярных, декларируемых и модных. Ее обсуждение сопровождается, как правило, благостными размышлениями о нравственности, согласии, терпимости, любви и прочих «сладких и добрых» вещах, что порой думается: так неужели кто-то не согласен быть толерантным? И если таковой находится, то, наверное, исключительно потому, что по своей природе он зол, нетерпим, агрессивен... нехороший такой человек.

Не исключено, что на поверхности данная проблема выглядит именно так, однако непростительно, когда ее обсуждение и исследование остается на таком же уровне, но при этом претендует на статус научного, глубокого, философского [2]. К компетенции ученого не относятся призывы быть добрыми и терпимыми просто потому, что это хорошо, что это способствует развитию лучших человеческих чувств и качеств. Подобные призывы и декларация таких истин не имеют ничего общего с наукой,

которая, как известно, является знанием доказательным, объективным, рациональным.

Следует понять, что толерантность – проблема сложная, неоднозначная, иногда просто нерешаемая, и не потому, что кто-то агрессивен или зол по природе, а потому, что объективно мы не всегда можем и не всегда должны быть толерантными!

Следует обратиться к современным немалочисленным исследованиям по данной проблематике, среди которых одним из наиболее серьезных и авторитетных является монография С. Г. Ильинской [3]. Автор отмечает, что политическая практика терпимости – это порождение Нового времени и изобретения «приватности». При этом рассматривает толерантность как такой способ отношения к Другому, при котором «особенности частной жизни воспринимаются в качестве безразличных вещей». Важно понимать при этом, что Другой – это не абсолютно Чужой, насилие против которого часто обусловлено «глубиной культурного раз-

рыва и мерой конкурирования. Другой – это тот, кто включен в общий с нами мир, но в чем-то отличается от нас» [3, с. 15]. Чужой – тот, кого мы не знаем, не принимаем, не понимаем, а значит и отношение к нему может быть только отношением неприятия, с оправданным желанием уничтожения. Существование Другого допускается и признается в нашем мире, а значит возникает необходимость выстраивания с ним отношений, при этом эта необходимость чаще всего обусловлена не морально-нравственными, а причинами совсем другого характера – вплоть до страха перед признанным Другим, который в определенный момент оказывается способным на применение силы и агрессивность. Итак, сущностное исследование толерантности возможно через понимание противоположности Я-Другой-Чужой.

С. Г. Ильинская также дает исчерпывающую характеристику философско-методологических подходов к толерантности [4]. Ею выделены аксиологический подход, понимающий толерантность как «ценность-в-себе» или «одну из ценностей либеральной демократии»; идеально-типический подход, при котором толерантность понимается как некоторый моральный идеал, к достижению которого стремится общество; онтолого-историцистский – определенный способ существования тех или иных групп в истории; конфликтный – толерантность это продолжение борьбы, но в известных границах. Автор склонен придерживаться последнего подхода, включающего понимание толерантности как насилия над собой, в силу невозможности насилия над Другим.

Несмотря на устоявшуюся практику определения и понимания толерантности как терпимости, автор статьи предлагает развести эти понятия, а также проследить разницу между толерантностью и безразличием (индифферентностью) и рассмотреть соотношения всех этих понятий.

Итак, можно ли позицию толерантности называть позицией индифферентности, равнодушия и безразличия? Отечественный ученый Б. Капустин отмечает, что «толерантность и индифферентность не просто различные, а взаимоисключающие понятия», в силу того, что развитая толерантность «не пассивное безразличие, а активное взаимопризнание оппонентов именно в качестве оппонентов, каждый из которых привержен не только своим собственным ценностям, отличающим его от других, но

и общей для всех ценности свободы» [5]. Толерантность, по мнению исследователя, предполагает признание наличия оппонента и его ценностей (то есть оппонент – это Другой, а не Чужой), при этом, что очень важно, мы можем считать ценности оппонента неистинными, считая таковыми свои собственные, но при этом выше истины собственных ценностей мы ставим свободу другого иметь собственные ценности. Позволим себе задать вопрос: а что толкает нас к признанию приоритетности свободы иметь другие ценности? Только ли наш высокий уровень морального, интеллектуального и прочего развития? Почему раньше я буквально заставлял всех признать и принять мои ценности, а в какой-то период «услышал оппонента» и, признавая недопустимым некое отклонение, считая его неистинным, не принимая его, все же воздерживаюсь от применения силы? Не подавляю, не уничтожаю, как раньше, а начинаю терпеть. Почему? Ответ на этот вопрос также можно найти у Б. Капустина: «Группа Других становится объектом толерантности тогда, когда она способна бросить обществу политически значимый вызов» [6].

В ряде случаев (если не в большинстве!) субъект **вынужден** быть толерантным отнюдь не по морально-нравственным соображениям. Толерантность оказывается единственно возможным способом недопущения войны, серьезных конфликтов, ведущих к уничтожению как объекта, так и субъекта толерантности. И именно желание сохранить самого себя, свою собственную жизнь, свою целостность, а отнюдь не благие намерения и добрые чувства в ряде случаев заставляют субъекта быть толерантным. И здесь можно зафиксировать принципиальное отличие между понятным русским словом «терпимость» и собственно словом «толерантность». Быть терпимым означает принимать то, что есть. Терпеть по тем или иным соображениям, но при этом иметь принципиальную возможность отказаться это делать – перестать терпеть, что позволит испытать облегчение и не поставит человека (или группу людей) в ситуацию более сложную и опасную. Толерантность рождается, когда терпимость оказывается вынужденной, когда мы должны терпеть во избежание худших последствий для себя или для общества. Проявляя толерантность, человек (социум) часто переступают через себя, заставляют себя не возмущаться, не запрещать, не противодействовать, дабы избе-

жать больших неприятностей. Цель толерантности – недопущение более серьезных конфликтов или иных неприятностей, которые могут стать следствием нетерпимости.

Мы терпимо относимся к шалостям ребенка (сына, дочери), которые принципиально можно силовым образом запретить или не допустить, но тем не менее их не запрещаем, терпим, не ощущая каких-либо скрытых угроз в случае запрета. Иное дело толерантность – терпимость, подразумевающая скрытую угрозу нашему собственному благополучию и развитию событий в негативном ключе. Это уже не шалость ребенка, а (продолжая аналогию) асоциальное поведение взрослого сына-алкоголика, которое вынуждена терпеть мать, дабы избежать иных более серьезных последствий в случае выражения своего недовольства.

В силу всего сказанного следует отметить, что современный мир, безусловно, демонстрирует значимость идеи толерантности, которая в ряде случаев провозглашается как *modus vivendi* – образом жизни современности. На Всемирном философском конгрессе в 2008 году американский ученый Дэвид Расмуссен озвучил идею, что толерантность, смысл которой также претерпевает изменения, должна восприниматься как «единственный принцип добродетели в обществе». А канадец Джин Грондини назвал толерантность добродетелью эпохи релятивизма [7].

Очевидно, что споры, рассуждения и дискуссии по проблеме толерантности ведутся не просто на разных познавательных уровнях, но и в разных областях и отраслях знания – политологии, социологии, культурологии, социальной философии. Именно сущностный анализ толерантности в рамках философии и позволяет выявить ее сложность, неоднозначность и противоречивость.

Подводя итог, необходимо отметить, что если на уровне обыденности или же публицистики толерантность может рассматривать как прекрасную терпимость, то научный под-

ход требует более строгих оценок и понимания, что этот феномен появляется в определенный исторический период (Новое время) как следствие возникновения идеи веротерпимости и приватности и ряда других исторических условий. При этом толерантность возникает, когда, с одной стороны, исчерпаны ресурсы для пресечения или уничтожения неприемлемых ранее ценностей Других, с другой стороны, носители указанных ценностей обретают силу и возможность их отстаивать, тем самым становясь в определенном роде опасными для носителей прежних, как казалось истинных идей и ценностей. Именно такое сосуществование, принизанное далеко не всегда добрым пониманием ценностей и интересов Другого, а скорее осторожностью и боязнью навредить и «впасть в конфликт», рождает толерантность как непростой, но значимый механизм урегулирования прежде неразрешимых конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Леонтьева, Е. Ю. Толерантность как ценность глобального мира / Е. Ю. Леонтьева // Этнонациональные ценности в условиях глобализации : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., 25–26 сент. 2008 г. / Рос. философское общ-во, ГОУ ВПО «Дагестанский гос. ун-т». – Махачкала, 2008. – С. 73–74.
2. Касьянова, Е. И. Социально-философские основания толерантности: автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Е. И. Касьянова. – Чита, 2009. – 46 с.
3. Ильинская, С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика: монография / С. Г. Ильинская. – М.: Праксис, 2007. – 287 с.
4. Ильинская, С. Г. Философско-методологические подходы к изучению категории «толерантность». – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/politiko-filosofskij-ezhgodnik/pfe-l-2008/7263-filosofsko-metodologicheskie-podxody-k-izucheniyu-kategorii-tolerantnost.html>
5. Капустин, Б. Г. Либеральные ценности в сознании россиян / Б. Г. Капустин, И. М. Клямкин // Полис. – 1994. – № 2. – С. 39–75.
6. Капустин, Б. Г. Толерантность – насилие / Б. Г. Капустин. – Режим доступа: <http://igpi.ru/center/seminars/russgeorgia/kapustin.html>
7. Rethinking Philosophy Today: abstr. of XXII World Congress of Philosophy, July 30 - August 5, 2008 / Seoul National University.- Seoul (Korea), 2008. – P. 287.- Англ.

УДК 316.4
ББК 60.5

М. Г. Ганопольский

ЮГ РОССИИ: ПОИСК ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Институт проблем освоения Севера СО РАН

E-mail: gmichaelg@mail.ru

В статье намечены подходы к проблематизации Юга России в качестве одной из координат отечественного социокультурного пространства.

Ключевые слова: Юг России, социокультурное пространство, типологическая модель.

M. G. Ganopolsky

THE SOUTH OF RUSSIA: THE TYPOLOGICAL MODEL RESEARCH

Institute of North Development Problems, Siberian Branch of Russian Academy of Science

In the article there are approaches for the South of Russia problematization as one of coordinates for the Russian socio-cultural areas.

Keywords: South of Russia, socio-cultural area, typological model.

Тема Юга России приобрела в последнее время неожиданную популярность в отечественном социокультурном лексиконе. Она заметно потеснила привычные мотивы евразийства и оппонирующую им тему России как Севера. Отчасти это можно объяснить недавней потерей обширных территорий в основном на юге страны (хотя и на западе потери были значительны). К тому же на наших глазах не просто завершился четырехсотлетний процесс расширения пространства страны за счет внешних владений, а началось сужение границ, обнажившее целый ряд как геополитических, так и смысловых болезненных синдромов. Но возникает вопрос: почему тема Юга воспринимается при этом как новая и неожиданная, как получилось, что в социокультурном пространстве России не была артикулирована одна из основных его координат? Попыткой ответить на этот вопрос и являются данные заметки.

Давно стало хрестоматийным замечание В. О. Ключевского о том, что «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [1]. Но В. О. Ключевский не первый, кто сформулировал свой взгляд на отечественную историю подобным образом. Его предшественником был С. М. Соловьев, утверждавший: «В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустые пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации»

[2]. Но и этот историк не был первооткрывателем подобного взгляда. Он развил мысль своего учителя М. П. Погодина о «бродяжничестве» населения Древней Руси [3]. Нечто подобное нетрудно обнаружить и в размышлениях П. Я. Чаадаева, утверждавшего, что «есть один факт, который властно господствует над всем нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию... это – факт географический» [4].

Впрочем, истоки такого видения проявились намного раньше, поскольку еще до того, как стать достоянием общественной мысли, отразились в фольклоре и прочно закрепились в языке. Так, русский историк XIX века А. П. Щапов обращал внимание на обилие в русском языке антропоморфных слов, связанных с духовно-практическим опытом народа. Одним из самых показательных он считал слово *вселенная*, из которого, как ни смотри, выглядят «уши» русского мужика, занятого привычным делом – вселением в новый дом [5]. Вселенная для него – не какой-то там абстрактный *космос*, даже не *ойкумена* (хотя *вселенная* считается калькой этого слова), но *мир* (община), *дом*, куда предстоит вселиться всем *миром*.

Может быть, в такой привычности и проявляется некий инвариант культурной динамики – экстенсивное стремление к вселению. Особого внимания в связи с этим заслуживает жанр русского утопического романа в форме путешествия с плавным переходом от земных реалий к космическим. Близкие мотивы прослеживаются в произведениях русских мыслителей.

телей-космистов. Н. Ф. Федоров в своем космическом проекте преобразования мира на началах общего дела говорит об этом достаточно определенно: «Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров (автор имеет в виду богатырей, землепроходцев, казачество и т.д.); наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [6].

Некоторые исследователи видят общие истоки русского странничества и русского космизма в мифологическом сознании, в странной смеси христианских представлений и языческих верований, то есть в том, что исследователь фольклора А. П. Афанасьев называл «поэтическим воззрением славян на природу» [7].

Таким образом, тезис о географичности, об истории как смене мест предстает как своеобразная синтагма отечественной культуры, проявляющаяся в парадигмах крупных колонизаций-освоений (в этом смысле – и в освоении космического пространства) и даже в торговле пространством в обмен на деньги и время (достаточно вспомнить судьбу Аляски или Брестского мира).

Как обобщение этого географически ориентированного членения культур можно рассматривать не только дихотомию Запад-Восток, возникшую в духовной атмосфере петровских времен, но и оппонирующее ей противостояние Севера и Юга. Последнее сформировалось несколько позже в период массивного продвижения страны на юг. Это было время, когда вопрос о переименовании России в «Российские Европии» стал не только плодом художественной фантазии [8], но и был высочайше утвержден в знаменитом наказе Екатерины Второй, повелевавшем: «Россия есть держава европейская» [9]. Именно в данный период, то есть еще до того, как контуры славянофильства проявились в комплексе идей, волновавших русское мыслящее общество, культурное самосознание определило судьбу России в антитезе как Западу, так и Востоку. Рождалась новая типологическая модель. «Россия получила в этой типологии наименование Севера и сложно соотносилась с двумя первыми культурными типами, с одной стороны, противостоя им обоим, а с другой – выступая как Запад для Востока и Восток для Запада» [10] (в дальнейшем Ю. М. Лотман развил этот тезис [11]). Таким образом, тема Севера приобрела для отечественной культуры совершенно особое звучание:

в ней причудливо соединились культурная самобытность (через самоопределение в типологическом пространстве) и традиционная мессианская функция, которой не раз еще было дано проявиться в дальнейшем.

Видимо, с этого момента и начинается явное или неявное подавление темы Юга в культурном самосознании, а взгляд под «северным углом зрения» становится преобладающим. Ведь и в наше время память легко подскажет знакомые с детства строчки: либо ироничные – «но вреден север для меня», либо ностальгические – о тучках, что мчатся «будто изгнанники с милого севера в сторону южную». А вот контрастирующее с ними восприятие Севера как края, «где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп» [12], трактуется как «взгляд малоросса» и перемещается на периферию сознания.

При этом нельзя сказать, чтобы тема Юга была непроговоренной и непрописанной. К ней обращался практически каждый из представителей золотого века русской литературы. Но если в содержательном отношении тема Севера и соответствующая ей типологическая модель были пронизаны мотивами покорения суровой природы, окрашены романтикой крупных географических открытий в полярных широтах, то тема Юга так или иначе была темой военной экспансии. Она неоднозначно отражалась в культурном самосознании и, возможно, поэтому не стала предметом особой типологической модели.

Понятно, что задача формирования подобной модели – процесс во многом стихийный. Целенаправленные попытки ее конструирования не под силу одному человеку и даже коллективу исследователей. Модель не пишется и не редактируется как резолюция. Сам вопрос о формах ее осуществления является дискуссионным. Поэтому предстоящая конференция может стать импульсом к такого рода дискуссии, а ее название «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межкультурное взаимодействие» – осевым направлением проблематизации искомой модели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 1 / В. О. Ключевский. – М., 1993. – С. 20.
2. Соловьев, С. М. Избранные труды / С. М. Соловьев. – М., 1983. – С. 28.
3. Цимбаев, Н. И. Сергей Соловьев / Н. И. Цимбаев. – М., 1990. – С. 259–267.

4. Чаадаев, П. Я. Апология сумасшедшего / П. Я. Чаадаев // Сочинения. – М., 1989. – С. 161.
5. Щапов, А. П. Сочинения / А. П. Щапов. – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 74.
6. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров. – М., 1982. – С. 358.
7. Гиренок, Ф. И. Русские космисты / Ф. И. Гиренок. – М.: Знание, 1990. – С. 11.
8. Гистория о российском матросе Василии Кориотском // Русские повести первой трети XVIII века. – М.-Л., 1965. – С. 191.
9. Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Вторья самодержицы всероссийския... – СПб., 1776. – С. 4.
10. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова / Ю. М. Лотман. – М., 1988. – С. 220.
11. Лотман, Ю. М. Современность между Востоком и Западом / Ю. М. Лотман // Знамя. – 1997. – № 9. – С. 157–162.
12. Гоголь, Н. В. Мысли о географии / Н. В. Гоголь // Собр. соч. в 7 т. – М., 1967. – Т. 6. – С. 120.

УДК 124.5
ББК 87.6

О. В. Ивановская

К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ЮГА РОССИИ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: iov59@list.ru

Статья посвящена обоснованию актуальности и необходимости новой междисциплинарной магистерской программы в педагогическом вузе, направленной на формирование инновационного мышления и толерантной устойчивости молодежи в современном социокультурном пространстве Юга России.

Ключевые слова: духовная безопасность, глобализация, идентичность, культура, патриотизм, этничность.

O. V. Ivanovskaya

TO THE QUESTION OF SPIRITUAL AND MORAL SAFETY OF YOUNGER GENERATION IN THE CONDITIONS OF THE MULTICULTURAL AND POLYCONFESSIONAL ENVIRONMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA

Volgograd State Social-Pedagogical University

The article is devoted to justification of the relevance and necessity of the new interdisciplinary master program in pedagogical high school aimed at the formation of innovative thinking and tolerant stability of youth in modern socio-cultural environment of the South of Russia.

Keywords: spiritual safety, globalization, identity, culture, patriotism, ethnicity.

Философия издревле пыталась найти пути сочетания интересов личности и общества, создать системы социальной защищенности человека и условия для его свободного развития. Духовная жизнь человека – это единство сознания, подсознания, природных факторов и, конечно, всего того, что связано с его общественным окружением. Именно духовный мир рождает приоритеты человека, определяя модусы его активности. Изучение этой сферы, понимание закономерностей ее эволюции и способности влиять на нее становится ныне первостепенной задачей. Чем отличается личность от индивида? Своей очеловеченностью, то есть приобщенностью к социально-культурным ценностям, функциональной включенностью в череду поколений, сопричастностью к Значимому Целому, в роли которого выступает национальная культура. Она же, в свою очередь, является призмой, через которую человек постигает мир,

относится к нему, строит свои действия в отношении к миру и себе самому. Принадлежа определенной этнической культуре, человек разделяет ее предрассудки, пользуется ее стереотипами восприятия и пронизан ее эмоциональным настроением. Подобную соотнесенность и взаимозависимость человека с его национальной культурой чрезвычайно важно учитывать, поскольку ныне человечество стоит перед беспрецедентной перестройкой глобального масштаба, неизбежно требующей выработки некоей общечеловеческой стратегии, общепланетарного консенсуса, направляющего усилия народов в некое единое русло. Причем «...это русло не должно быть похожим на каньон с отвесными скалистыми берегами. Скорее оно должно напоминать дельту равнинной реки, все разнообразные протоки которой, тем не менее, идут в одну и ту же сторону – к океану» [1, с. 33].

Однако, глобализационные процессы, которые подразумеваются в контексте европейской модернизации, ведут к унификации и обезличиванию, то есть к утрате как личной, так и коллективной идентичности. В самом общем виде под глобализацией понимают процесс, который приводит к всеобъемлющему, всемирному связыванию структур, институтов и культур. К глобализации можно относиться по-разному. Самый оптимистичный взгляд рассматривает глобализацию как результат естественной эволюции общества, как глобальный переход человечества на новый, более высокий уровень целостности. Причем предполагается, что мир как целое – это гомогенный мир в традиционном культурно-этническом смысле, следовательно, глобализация – это процесс деидентификации и унификации человека и общества. Казалось бы, цели глобализации вполне гуманистические – создавая монообщество, свободное от любых «специфических маркеров», таких как этничность и конфессиональность, сторонники глобализма заявляют о преодолении дезинтегрирующих общество факторов. Достаточно вспомнить интегрирующе-деинтегрирующую функцию религии, которая способна объединять единоверцев, но в то же время разделять и противопоставлять верующих, относящихся к разным конфессиям. То же относится и к системе национально-этнических ценностей. Такие маркеры стимулируют, поддерживают, и питают древнейший вектор нашего сознания: «Свой – Чужой». Глобализм, якобы, снимает этот вектор, нейтрализуя его. Однако реальные события показывают, что это далеко не так, о чем свидетельствует обострившийся именно в условиях глобализационных процессов кризис идентичности. Следовательно, активно идущий процесс глобализации и унификации не снимает проблемы идентичности, а обостряет ее, и вместо гомогенного индивидуализированного глобального мира мы наблюдаем сакрализацию идентичности, причем в ее культурно-этнической и религиозной форме. Почему это происходит?

На фоне глобализационных процессов размывания различий возникает все возрастающая неуверенность и чувство утраты устойчивого и надежного положения в мире, сопровождаемое тревогой, страхом, ощущением исторической обреченности и бездомности. Все это в свою очередь приводит к усилению этносоциальных процессов развала и распада, мораль-

ному, экономическому и интеллектуальному хаосу, потере нравственных приоритетов, резкой поляризации общества, разрушению социальных институтов. Человек ищет аварийную группу поддержки, в роли которой выступает этническая культура и религия, – происходит актуализация наиболее глубинных и устойчивых структур человеческой психики, того, что проверено временем и нельзя отнять.

Культурно-этническая идентичность обладает «большой эмоциональной силой этнических связей», считает Дж. Мак-Кэй [2, с. 399]. Этнические границы дают ответ на вопрос «Кто мы?», а культура – на вопрос «Какие мы?». Коллективные действия порождают общие верования, нормы, ценности, которые приводят к групповой солидарности. Идея общего происхождения становится основой социального действия. Причем актуализированная этничность в своей функции выхода из социальной фрустрации носит более или менее выраженный дифференциальный характер. Если чисто интегральная этничность в тяжелые для народа времена находит утешение и вдохновение в славных деяниях своего прошлого, в ценностях собственной истории и культуры, то выраженная дифференциальная этничность во всех бедах и несчастьях своего народа ищет виноватого, каковым оказывается чаще всего этнос, проживающий на данной или соседней территории, или легко выделяемая «виноватая» часть собственного этноса, объявляемая «переродившейся» [3, с. 45]. Дифференциальная этничность в чистом виде вырождается в идеологию расизма или нацизма, в практику апартеида или геноцида, становясь причиной терроризма и многочисленных локальных конфликтов в мире. Следовательно, кризис идентичности, заставляющий человека, с одной стороны, обратиться к наиболее исторически устойчивой ее форме – религиозно-этнической, с другой стороны, ведет к обострению межнациональных конфликтов, тогда как идеальным тоном диалога является интегрально ориентированная этничность или идеология готовности к благожелательному контакту, которая возможна только при условии взаимоуважения национальных культур. Необходима стратегия человека для и во имя человека. Важно, чтобы в глобализационном процессе личность не утратила своей идентичности, поэтому нужно отказаться от унификации. Глубокое знание традиций, обычаев, обрядов и ритуалов, основ ве-

роисповедания, истории и менталитета представителей того или иного народа и уважительное к ним отношение – совершенно необходимое условие успешной коммуникации и результативной деятельности на всех уровнях.

Нельзя забывать, что наиболее достойным модусом существования как мировой семьи народов, так и многонациональной федерации является дружба и взаимное уважение. Взаимобогащающий диалог «культурных миров» составляет основу их развития. Он позволяет им полнее раскрыть свои смысловые глубины, осознать свою уникальность и индивидуальную самобытность, которые обнаруживаются в зоне коммуникации и взаимосотнесения ценностей, норм, значений и смыслов.

Однако для разных этносов характерна различная интерпретация одних и тех же понятий, знаков, символов, и, в конечном итоге, разное мировоззрение и мироощущение. «Глубокие различия, существующие между психическим складом различных народов, приводят к мысли о том, что они воспринимают внешний мир совершенно различно» [4, с. 140]. Поэтому в процессе общения могут возникать специфические коммуникативные барьеры, которые имеют социальный, психологический, профессиональный или политический, но чаще этнонациональный и конфессиональный характер. Возникает интолерантность, которая, в свою очередь, существует в различных формах: она может быть как активной, так и пассивной. Пассивное проявление интолерантности, такое как неконтактность, неспособность к диалогу, замкнутость, даже более опасно. Активная интолерантность очевидна, с ней можно бороться, а пассивная, при умелом манипулировании сознанием опытными идеологами, может стать агрессивной, а значит и более опасной, часто приводящей к эскалации напряженности и даже открытым конфликтам.

В свете сказанного необходимо подчеркнуть, что сегодня актуальными как никогда становятся вопросы духовной безопасности подрастающего поколения, особенно в условиях мультикультурной и поликонфессиональной среды Юга России. «Тонкая, ювелирная согласованность человеческого поведения с требованиями стабильности окружающей среды – характерная особенность наступающей эпохи. Она требует нового миропонимания, новой нравственности и, в конечном итоге, нового духовного мира» [1, с. 43].

Духовная безопасность – один из видов национальной безопасности, представляющий собой состояние защищенности духовных ценностей, которое достигается посредством формирования системы обеспечения национальной безопасности духовной сферы современного российского общества. Такая система включает в себя обеспечение культурной, идеологической, информационной (информационно-технической, информационно-психологической), научной, образовательной, психологической и религиозной безопасности как ее подвидов и характеризуется способностью отражения явных и латентных внутренних и внешних угроз в области индивидуального, группового и массового сознания, а также иных духовных, в том числе материальных культурно-исторических и религиозных ценностей [5, с. 112].

Современная система высшего образования должна чутко отреагировать на веяния времени. Решению многих животрепещущих проблем может способствовать новая междисциплинарная магистерская программа «Духовно-нравственная безопасность подрастающего поколения в условиях мультикультурной и поликонфессиональной среды Юга России», направленная на формирование у магистрантов – будущих педагогов инновационного мышления и толерантной устойчивости.

Задачи программы:

- духовно-нравственное развитие и патриотическое воспитание будущих педагогов, обладающих толерантной устойчивостью и способных противодействовать негативным тенденциям в религиозной, культурной, информационной, научной, образовательной и идеологической сферах общественной жизни;
- организация комплексного научного изучения проблем обеспечения духовной безопасности;
- подготовка специалистов в области обеспечения духовной безопасности и противодействия развитию антисоциальных феноменов терроризма, экстремизма и социально опасных форм духовно агрессивного сектантства в рамках реализации государственной политики в сфере духовных отношений.

Осуществлению этих целей поможет создание учебно-методического комплекса с участием как новых, так и уже существующих образовательных центров и структур, таких как Центр изучения религиозных культур, Научно-методическая лаборатория религиоведческой экс-

пертизы (экспертиза учебно-методической литературы для школьников), Центр гендерного воспитания – Институт семьи, Центр национальных культур и музеев дружбы народов (сохранение и защита исторического наследия), Киноклуб (духовно-нравственное воспитание), Клуб любителей русского языка и литературы (защита русского языка как средства межнационального общения), Центр психологической реабилитации (помощь пострадавшим от деструктивного воздействия), Центр традиционных национальных ремесел, Центр песни и танца народов России.

Такая магистерская программа может быть создана на базе кафедры философии Волгоградского государственного социально-педагогического университета при активном участии ряда факультетов: исторического, филологического, факультета психологии и социальной работы, факультета технологии и сервиса, института искусств, кафедр психологии и педагогики.

Сохранение России как одной из ведущих стран современного мира, ее влияние в глобальном геостратегическом пространстве напрямую зависит от способности российской нации сохранить свою традиционную менталь-

ность. При этом обеспечение безопасности духовной сферы российского общества не предполагает конфронтацию с народами других государств и дискриминацию по этническому, расовому, религиозному и другим признакам [5, с. 123]. Российская национальная идея должна основываться на чувстве патриотизма и толерантности титульного, нациеобразующего этноса. Ибо без этих национальных качеств существование полиэтнической российской цивилизации было бы невозможно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Моисеев, Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле (по поводу книги И. Т. Фролова «О человеке и гуманизме») / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 32–45.
2. McKay, J. An exploratory synthesis of primordial and mobilizationist approaches to ethnic phenomena / J. McKay // Ethnic and Racial Studies. – 1982. – Vol. 5. – № 4. – P. 395–420.
3. Гусейнов, Г. Ч. Национальный вопрос: попытка ответа / Г. Ч. Гусейнов, Д. В. Драгунский // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 43–58.
4. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995. – 316 с.
5. Тонконогов, А. В. О концепции обеспечения духовной безопасности Российской Федерации / А. В. Тонконогов // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 6. – С. 11–125.

ББК 66. 011

О. А. Найда, О. С. Косивцова

ОСНОВА ПРОЦЕССОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПАТРИОТИЗМ ИЛИ НАЦИОНАЛИЗМ?

Волгоградская государственная академия физической культуры

E-mail: biblioteka@vgafk.ru

Статья посвящена анализу когнитивных оснований процессов национального взаимодействия и консолидации, определения принципиальных отличий патриотизма от национализма.

Ключевые слова: государственный патриотизм, гражданский и этнический национализм, национальное самосознание.

O. A. Naida, O. S. Kosivtsova

THE BASIS OF NATIONAL PROCESSES OF INTERACTION: PATRIOTISM OR NATIONALISM?

Volgograd State Academy of Physical Education

The article is devoted to analysis of the cognitive bases of national processes of interaction and consolidation, determining the fundamental differences between patriotism from nationalism.

Keywords: state patriotism, civic and ethnic nationalism, national identity.

Известно, что неурегулированность, общая напряженность и тем более острые конфликты в сфере национальных отношений ставят под сомнение как легитимность существующего политического режима, так и единство и терри-

ториальную целостность страны, отбрасывая общество в какое-то новое издание средневековья. Особую актуальность в этих условиях приобретает вопрос о когнитивной основе процессов национальной интеграции и консолидации.

На протяжении длительного периода истории страны такую функцию выполняла доктрина общегосударственного патриотизма и соответствующая декларируемым патриотическим ценностям политика и практика в области национальных отношений. Реализуемые федеральные программы по патриотическому воспитанию всех категорий граждан нашей страны продолжают эту историческую преемственность. Однако выдвигаются и другие предложения, которые вызывают решительные возражения.

В настоящее время все большее распространение получает точка зрения, согласно которой политической и духовной основой процессов национальной консолидации и интеграции должна являться доктрина «гражданского национализма». В плане чистой этимологии логика здесь присутствует: если речь идет о нации, то почему бы национализму не исполнять роль источника и катализатора национальных процессов? Но вот с точки зрения содержания этого явления и его функций возникает ряд трудноразрешимых вопросов.

Следует рассмотреть содержание, которое вкладывают авторы в это явление. Один из наиболее известных авторов данной концепции В. Тишков пишет: «Идеология гражданской нации включает принципы ответственного гражданина, единую систему образования, версию общего прошлого с его драмами и достижениями, символику и календарь, чувство любви к Родине (!!!??? – О. Н.) и лояльность государству, а также отстаивание национальных интересов. Все это составляет то, что называют национализмом в его гражданском и государственном варианте» [1]. Вникая в эти суждения, как теоретики патриотизма, отчетливо осознаем полную утрату объекта и предмета исследования. В самом деле, явление гражданского национализма наделяется высоким содержанием и смыслом за счет признаков, изъятых из содержания явления «патриотизм». О каком патриотизме может идти речь, если он лишен гражданственности (принципов ответственного гражданина), исторического прошлого (версию общего прошлого с его драмами и достижениями), уважения к законам и установлениям государства (лояльность государству), служения отечеству (отстаивание национальных интересов), уважительного отношения к государственной символике (флагу, гимну) и др. Если вышеперечисленные функции находятся в од-

ной плоскости, а «чувство любви к Родине» в другой, то патриотизм низводится до самых рудиментарных форм. Причем основанием «гражданского национализма» выступает почему-то не нация, а именно государство. Вообще, включение даже в таком обедненном варианте патриотизма в национализм, с одной стороны, нельзя квалифицировать иначе как интересный теоретический казус, а с другой стороны, весьма показательно в плане содержательного уровня проблематики патриотизма в современной литературе. Для многих исследователей он до сих пор остается категорией массовой агитации и пропаганды, в содержание которой можно включать какой угодно смысл.

При этом все большее распространение получает установка о существовании различных национализмов. «Гражданскому национализму, – по мнению В. Тишкова, – противостоит идеология этнического национализма от имени той или иной этнической общности, которая может составлять большинство или меньшинство населения, но которая определяет своих членов, а не сограждан, нацией и на этом основании требует «собственной» государственности или привилегированного статуса. Различия между двумя типами национализма существенны, ибо этнический национализм основан на идеологии исключения и отрицания многообразия, а гражданский национализм основан на идеологии солидарности и признания многообразного единства» [1].

За исключением «идеологии солидарности», которая всегда выступала прерогативой государственного патриотизма, эти утверждения относительно сущности и роли этнического национализма не вызывают возражений. Более того, основные положения близки марксистской трактовке национализма. Но этнический национализм – это и есть национализм как таковой, поскольку другого не существует, если, конечно, не выдавать патриотизм и его функции за национализм. Тезис о различных типах национализма не выдерживает серьезной критики, поскольку приверженцы этого расширительного подхода не могут внятно объяснить, почему два противоположных по своей сути и функциональной роли явления объединяются в одном понятии «национализм». Невозможно найти в этих новомодных концепциях попыток дать определение сущности и основной социальной роли национализма. Это далеко не случайно, так как логически исходный тезис, неза-

висимо от своего содержания – «прогрессивно-го» или «реакционного», полностью разрушает аргументацию о существовании «разных» типов национализма.

Проблему трактовки национализма нельзя относить к чисто умозрительным или сугубо академическим. Национализм – это суровая реальность современной России, которая проявляется в форме центробежных тенденций, ставящих под сомнение целесообразность существования и сохранения такого международно-признанного демократического принципа государственного устройства, как федерация; межнациональных конфликтов, существующих уже не на индивидуальном, а на достаточно масштабном уровне, втягивающих в свою орбиту значительные контингенты населения; жесткой самоидентификации населения по этническому признаку, противостоящей общегражданской идентичности; межконфессиональной розни и вражды.

Возникновение и организационное оформление националистических организаций и движений также является реальностью современной России. Хотя многие организации и прекратили свое существование в результате деятельности правоохранительных органов, однако их постоянная регенерация свидетельствует о неустранимости причин, порождающих данные явления. Все это и есть националистические проявления, обусловившие как исход из многих национально-государственных образований сотен тысяч представителей нетитульных наций, так и создавшие атмосферу и психологию национальной нетерпимости и вражды в центре и на местах. В таких условиях, разумеется, существует огромный запрос на идеи, взгляды и установки объединительного характера, способные мобилизовать и сплотить гетерогенное население страны на решение задач созидательного и конструктивного плана. Альтернативой национализму являются патриотические идеи, имеющие своим источником исторически значимое прошлое и настоящее своей страны. При этом в освещении прошлого наших народов не только должны исчезнуть «белые пятна», но и требуется проявление известного такта в интерпретации исторических явлений и фактов, не вписывающихся длительное время в официальную историю. О последнем следует специально отметить. Ведь если в недалеком прошлом отечественная историческая наука преимущественно описывала дружбу и сотrud-

ничество наших народов как в мирное, так и в военное время, то сегодня на первый план зачастую выдвигаются факты противоположного свойства: предательства, дезертирства, массового перехода на сторону противника представителей тех или иных народов. И поскольку социально-политическое единство советского народа в годы войны отодвигается на какой-то второстепенный план или вообще отрицается, а именно оно и обеспечивало, в конечном счете, победу, постольку возникает резонный вопрос об объективности многих современных исторических исследований. Речь здесь идет не о политической конъюнктуре в отношении к представителям национальных республик, а не более как о следовании историческим фактам в их сложном единстве, выявлении исторической истины.

При всей актуальности и важности национальной проблематики она тем не менее во многом обусловлена факторами сугубо социального толка. Это проявляется не только в том, что национальная идентичность по степени значимости уступает базовым социальным идентичностям, среди которых можно указать на соотнесенность человека с такими институтами, как семья, государство, профессия, определенное поколение, место проживания. Исторически принцип национальности как определенная идеология и соответствующая политическая практика также имел мало общего с этнической принадлежностью. Например, под дискурсом «нация» в ходе буржуазно-демократической революции во Франции понималась не новая качественная ступень в развитии этноса, а радикальный переход от ремесленных корпораций, сословий и привилегий к тому, что сегодня мы называем «обществом», установление новой формы государственного устройства в форме республики, введение института гражданства вместо подданства. Даже такой социальный и духовный феномен, как национальное и патриотическое сознание является не результатом некоего когнитивного прорыва, а опосредованным результатом единой государственной системы школьного и высшего образования, прямым следствием дисциплинарных воспитательных практик в рамках службы на основе всеобщей воинской повинности, законодательства, политического режима, а также многочисленных экскурсов в историю, этнографию, философию, поставленных на службу массовой агитации и пропаганды.

И сегодня многие национальные проблемы имеют чисто социальное измерение. Например, неконтролируемая миграция из республик Кавказа во многом объясняется низкими показателями занятости населения и общим уровнем доходов, которые значительно уступают среднестатистическим по РФ. Понятно, что создание новых рабочих мест в регионах, которые называют депрессивными, может существенно сократить миграционный поток, вызывающий известное напряжение в обществе.

Становлению такой относительно новой общности, как «россияне» препятствует не только собственно национализм как таковой. Последний имеет свойство проявляться именно в периоды общего социального неблагополучия, когда в обществе на первый план выдвигаются факторы конфликтогенного характера. Но обращаться к национальной идентичности и придавать ей преувеличенную значимость заставляет и явный дефицит общезначимых идей, придающих содержание и смысл общегражданской идентичности и стимулирующих процессы интеграции в самых различных сферах общественной жизни. Вряд ли эту функцию способна взять на себя какая-либо новая моноидеология, поскольку резкая имущественная дифференциация населения заранее обрекает эти теоретические и пропагандистские попытки на неудачу. Судьба дискуссии о новой национальной идее в этом плане весьма показательна. Тем не менее задача эта решается в рамках общей программы или общенационального проекта, которые в отечественной истории уже не раз выдвигались и реализовывались. Достаточно напомнить первую попытку европейской модернизации в период петровских преобразований, великие либеральные реформы середины XIX – начала XX вв., индустриализацию в СССР.

Такой проект в настоящее время предложен политической элитой России – это модернизация. Он активно обсуждается в средствах массовой информации и научной общественностью. Следует остановиться на рассмотрении некоторых аспектов модернизации, представляющих интерес в плане становления такого неотъемлемого элемента и основы патриотизма, как общественная солидарность, дефицит которой отмечается многими исследователями. Здесь интересно вспомнить некоторые поучительные исторические уроки предшествующих модернизаций, которые имели незавершенный

характер и потому несли в себе перманентные угрозы ремодернизации, то есть отката общества назад с весьма ощутимыми социальными потерями.

Главный урок всех незавершенных модернизаций заключается в том, что осуществить сколько-нибудь ощутимый рывок в области экономики и технологии невозможно без радикального и даже опережающего развития всех подсистем общества, то есть модернизации должно соответствовать и общество модерна. Параметры его хорошо известны: рынок, либеральная демократия, массовое товарное производство, наличие институтов социализации, науки и образования. Признаков может быть больше или меньше в зависимости от того, в какую эпоху они корреспондируются – прошлую или позапрошлую, поскольку процесс модернизации насчитывает свыше 400 лет, либо в современную, которая связывается с постиндустриальным, информационным обществом. Но неперенным условием успешной модернизации является ее обращенность не к узкой группе менеджеров, а к социуму в целом, поскольку конкурентоспособными и современными могут стать, даже в отдаленной перспективе, далеко не все отрасли производства по причине колоссальной протяженности страны и достаточно неблагоприятных природно-климатических условий, увеличивающих стоимость производства необходимых товаров.

Если под модернизацией вновь понимать «выбор основного звена» и соответственно направление огромных инвестиций в амбициозные проекты типа «Сколково», то за бортом модернизации окажется подавляющее большинство населения и кроме как очередного раскола социума это не вызовет. Между тем модернизация, как уже не раз отмечалось, это не обязательно обращение к самым высоким технологиям, поскольку многие жизненно важные отрасли производства нуждаются в обычной технике среднего уровня, например, в элементарной механизации ручного труда в сельском хозяйстве, в котором занята значительная часть населения страны. На современном этапе общественного развития вообще невозможно ограничиться преобразованиями исключительно в области техники, технологии и инноваций, поскольку уже в 30-х гг. прошлого века при осуществлении индустриализации политическая элита вынуждена была выдвинуть лозунг «Кадры решают все».

Еще более значимым становится в настоящее время «человеческий капитал», под которым понимается высококвалифицированный работник, обладающий такими качествами, как способность к творчеству, самостоятельность, независимость, инициатива и ответственность. Формирование и воспроизводство такого работника предполагает развитую науку и систему образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, наличие моральных и материальных стимулов трудовой деятельности. Поэтому модернизация сможет добиться постепенного перехода от экономики сырьевой направленности к экономике знаний и интенсивных инноваций как к своей декларируемой цели лишь при активном и заинтересованном участии всего социума. В рамках такой целостной модернизации могут быть созданы необходимые

предпосылки для самореализации личности и объединения общества на основе общезначимого проекта. Успехи в этой области в наглядной форме созданного и реализуемого инновационного продукта могут стать объектом патриотической и национальной гордости и придать высокие стимулы повседневной трудовой деятельности. Ведь вряд ли можно мириться с тем, что патриотическую и национальную гордость подпитывают сегодня в основном спортивные успехи, какими бы значимыми они ни были.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт ВПП «Единая Россия». – Режим доступа: www.edinros.ru; Общероссийский союз общественных объединений «российская нация». – E-mail: rosnation@mail.ru.

УДК 179.1 172.3
ББК 87.6+86.2

А. С. Разин

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ**

Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: razin-1978@yandex.ru

Современные общественные условия характеризуются подъемом различных форм национализма и расизма, движениями за права различных меньшинств, широким распространением и ксенофобии, появлением тоталитарных и фундаменталистских сект. На этом фоне государство и институты гражданского общества серьезное внимание стали уделять проблемам толерантности. Реализуются проекты, направленные на просвещение молодежи в целом и студентов в частности.

Ключевые слова: толерантность, мультикультурализм, компромисс, интолерантное поведение, образование, полиэтнический регион.

A. S. Razin

**TOLERANCE AND EDUCATION IN SPACE INTERETHNIC
AND INTERRELIGIOUS SOUTH RUSSIA.**

Volgograd State Agrarian University

Modern social conditions characterized by the rise of various forms of nationalism and racism, movements for the rights of minorities, widespread and xenophobia, the emergence of totalitarian and fundamentalist sects. Against this background, the government and institutions of civil society, paid particular attention to issues of tolerance. In particular projects aimed at the Enlightenment young people in general and students in particular.

Keywords: tolerance, multiculturalism, compromise, intolerant behavior on, multiethnic region.

В научной и публицистической литературе последнего десятилетия, а также в прессе увеличивается количество и качество публикаций, посвященных освещению сложных аспектов межэтнических отношений и конфликтных ситуаций. Все это привело к тому, что само понятие «толерантность» прочно вошло в наш обиход [1].

Следует отметить, что разные люди вкладывают в это слово разные смыслы. Языковеды определяют толерантность как терпимость, снисходительность к чужим недостаткам. Представители политической науки рассматривают толерантность как способность человека, общества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать мнение, отличное от своего. Психологи используют это понятие для обозначения способности понять другого человека, способности проникаться

и понимать ощущения других людей. В этом смысле толерантность раскрывается через понятия дружелюбия, спокойствия, мирной настроенности, как антипод агрессивности, злобности и раздражительности (толерантность представляет собой лишь одну из граней сложной проблемы становления гражданского, открытого общества. Другой гранью, тесно соприкасающейся с толерантностью, но не сводимой к ней, является мультикультурализм [2]).

Смысловым обобщением всех этих толкований является морально-нравственная установка человека на терпимость, снисходительность, понимание другого, а человек толерантный в свою очередь – это человек, который с уважением относится к интересам, привычкам, верованиям других людей, стремится понять их и достичь взаимного согласия без применения насилия, давления [3].

Автору представляется, что это чрезвычайно узкое толкование данной категории. Необходимо рассматривать толерантность как характеристику любых социальных структур (отдельного человека, социальной группы, общественного института или общества в целом), фиксирующую специфическую ориентацию на разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия с другими социальными структурами. Специфичность этой ориентации заключается в стремлении понять позицию другой стороны, объяснить ей свою позицию и в процессе диалога найти взаимоприемлемое компромиссное решение. Категорией, противоположной по своему социальному смыслу толерантности, является экстремизм, опирающийся на насилие как главный инструмент решения проблем [4].

В современных условиях необходимо принять как факт, что толерантность в первую очередь есть специфическая технология взаимодействия субъектов, которая обеспечивает достижение целей через уравнивание интересов, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемого компромисса.

Субъектами толерантности являются не только индивиды, но и социальные группы, а также общественные институты, на которые распространяется принцип толерантности, с которыми возможен поиск компромисса. Предметом толерантности понимается та характеристика личности, социальной группы или иного объединения людей, которая может быть полем согласования интересов, взаимопонимания, поиска компромиссов. Понятно, что у разных субъектов предмет толерантности может быть разным [5]. Кроме того, у каждого человека, каждой социальной группы, каждого общества есть некие пределы, некие зоны, где толерантность не допускается. Следовательно, необходимо выделить факторы, влияющие на толерантность:

- экономический фактор, то есть ситуация, в которой живут люди (трудно быть терпимым, снисходительным, уважительным и одновременно голодным и безработным);

- социокультурный фактор – толерантность это не только теоретическое понятие, но и элемент определенной культуры жизни, определенной культуры поведения.

Необходимо отметить, что толерантность в современной научной и публицистической

литературе зачастую понимается как односторонний процесс. То есть толерантной (терпимой и уважительной) должна быть только принимающая сторона, забывается, что толерантность это всегда двусторонний процесс (диалог) и те, кого принимают (внутренние мигранты из северокавказских республик, трудовые мигранты из ближнего зарубежья) также должны вести себя толерантно (терпимо и уважительно). Это характерно не только для межличностных отношений, но и для межкультурных взаимодействий. Так, например, лезгинка возле вечного огня это такое же проявление неуважения и интолерантного поведения, как и ксенофобские выходки скинхедов [6].

Реформы, начавшиеся в России в 1990-е годы, привели к созданию новой социально-экономической ситуации: отказ от командно-административной системы, переход к рыночной экономике, провозглашение суверенитета республик, стремление краев и областей к социально-экономической самостоятельности. Культурно-национальная ситуация в стране характеризуется этническим возрождением, всплеском национального и религиозного самосознания, стремлением народов к познанию собственных корней и истоков [7].

Вышеперечисленные процессы в значительной мере характеризуют современную ситуацию в Волгоградской области. Она имеет сложную этноконфессиональную структуру, на ее территории проживает более 130 этносов. Близость межнациональных конфликтов и войн порождает нестабильность в общественной жизни, оказывает влияние на межнациональные отношения, вносит изменения в жизнь каждого человека. Ситуация осложняется миграционными процессами [8].

Главной трудностью на пути гармонизации межэтнических отношений в регионе является отсутствие положительного образа этноконфессиональных отношений в сознании простых людей. Позитивный образ данных отношений – это, безусловно, важнейший элемент полиэтноконфессионального и поликультурного общества. В такие кризисные периоды истории нашей Родины исключительное значение имеет объединение всех реалистически мыслящих людей в деле стабилизации межэтнических и межконфессиональных отношений.

Решающая роль в этом процессе принадлежит системе образования, которая призвана смягчить отрицательные проявления разного

рода, создать условия для формирования и распространения тех ценностных ориентиров, которые предпочтительны как для личности, так и для общества.

В Волгоградской области, в одном из самых многонациональных и многоконфессиональных регионах, приоритетной задачей образования, является создание императивов, норм и эталонов, отражающих особенность социально-исторического опыта жизни народов, проживающих в области; привитие навыков межнационального общения; формирование умения преодолевать конфликтные ситуации; развитие интереса к историко-культурному наследию народов, проживающих на Юге России [9]. Освоение, понимание и принятие иной национальной культуры – важное требование нашего времени. И на первый план выходит проблема толерантности в межэтнических и в социальных отношениях. Толерантность должна стать культурной нормой поведения в обществе.

Развитие толерантности в образовании должно происходить путем диалога сотрудничества обучающей и обучаемой сторон, гуманизации процесса образования. Воспитанию толерантности может способствовать внедрение в образование элементов поликультурности.

В качестве конкретных задач можно выделить следующие:

- всестороннее овладение студентами культурой своего собственного народа как непременное условие интеграции в иные культуры;
- обучение правам человека и миролюбию;
- формирование у студентов представления о многообразии культур в России и мире;
- воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества;
- создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов;
- формирование умения и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур;
- воспитание в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

Вывод из вышесказанного может быть сформулирован следующим образом. Для решения проблемы толерантности необходимо не только пересмотреть традиционные установки, но и научиться терпимости к «другому», быть готовым к диалогу. Важнейшую роль в этом процессе могут и должны сыграть СМИ и система образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петрова, И. А. Этногенез и социогенез: проблемы взаимодействия / И. А. Петрова, Г. П. Кибасова, В. В. Жура // Вестник Волгоградского государственного университета: Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 2. – С. 11–16.
2. Alibhai-Brown, Y. Perspective on Multiculturalism / Y. Alibhai Brown // The lecture delivered at the London School of Economics on November. – № 9. – 2000. – Режим доступа: <http://www.fathom.com/feature/122364>.
3. Стризов, А. Л. Трансформация социальной ответственности и развитие общества модерна / А. Л. Стризов, С. Б. Токарева // Вестник Волгоградского государственного университета: Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2010. – Т. 2. – № 7. – С. 45–53.
4. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб; пер. с англ. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
5. Дилигенский, Г. Г. Люди среднего класса / Г. Г. Дилигенский. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
6. Разин, А. С. Кризис концепта толерантности в современных межэтнических и межконфессиональных отношениях / А. С. Разин // Нижнее Поволжье – территория согласия. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Волгоградском регионе: история и современность: материалы научно-практич. семинара. – Волгоград: Издательство ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. – С. 44–51.
7. Данакари, Р. А. Полиэтническое пространство России: движение от толерантности к доверию и дружбе между народами / Р. А. Данакари // Философия социальных коммуникаций. – 2011. – № 4. – С. 162–174.
8. Разин, А. С. Становление этноконфессиональных отношений в российском социуме: политико-философский анализ / А. С. Разин // Политика и общество. – 2013. – № 2. – С. 189–199.
9. Днепров, Т. П. Педагогический анализ понятий «национальная толерантность», «этническая толерантность» и «межнациональная толерантность» / Т. П. Днепров // Педагогическое образование в России. – 2010. – № 2. – С. 88–98.

УДК 371
ББК 74.04

Т. И. Питкиева

**СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦЕЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ**

**Калмыцкий государственный университет
Элистинский лицей**

E-mail: tpitkieva@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социального партнерства, осуществляемого Элистинским лицеем и позволяющего более успешно подготавливать учащихся к реальной жизни, к созидательной, подлинно гуманистической деятельности.

Ключевые слова: образование, процесс, полиэтничность, социальное партнерство, диалог, культура, гражданин, идентичность, проект, личность, взаимодействие.

T. I. Pitkueva

**SOCIAL PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF THE EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF THE LYCEUM IN A MULTIETHNIC REGION**

**Kalmyk State University
Elista Lyceum**

The article discusses the features of social partnership, implemented in Elista Lyceum which allows to prepare students for real life more successfully, more creative and sincere humanistic activity.

Keywords: education, process, polyethnicity, social partnership, dialogue, culture, citizen, identity, project, person, cooperation/interaction.

Глобализация в современном мире привела к процессам интенсивного взаимодействия народов, религий, интернационализации культур, стиранию границ между народами. В этих условиях воспитание гармонично развитой личности, способной принимать и уважать культурные ценности как своего народа, так и представителей другой культуры, выходит на первый план.

«Ценность культурного диалога состоит в том, что он создает духовное пространство для новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, усиливает различные формы человеческого сотрудничества, предполагающего свободу и ответственность человека, признание его самоценности» [2, с. 70].

В то же время нужно признать, что в обществе наблюдается рост ксенофобии, возникают другие специфические межнациональные проблемы, что связано с ростом национального самосознания. Не случайно Национальная доктрина образования в Российской Федерации одной из главных целей в образовании провозглашает «национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов», «формирование культуры мира и межличностных отношений», «развитие культуры межнациональных отношений» [1].

В связи с этим образовательный процесс должен обеспечивать интернационализацию

информации и различные направления национально-регионального обучения, связанные с этнокультурной спецификой региона. Соответственно, повышается роль образовательного учреждения в формировании у личности способности понимания, интерпретации, сохранения, развития и распространения национальных, международных и исторических культур в условиях плюрализма и разнообразия.

Особую актуальность данный процесс приобретает в полиэтничных регионах, каким является Республика Калмыкия, где проживают представители более 60 национальностей. При этом, «Калмыкия является благоприятным регионом не только для развития национальных культур, но и для взаимообогащающего диалога между народами» [3].

Необходимо понимать, что приверженность к своим национальным интересам не должна приводить к изоляционизму, национальной замкнутости, а должна сочетаться с инациональными интересами, формируя гражданскую идентичность, которая способствует социальной интегрированности индивида, сохранению целостности государства, обеспечивая условия для единства народа.

Отвечая на вызовы времени в области образовательной политики, МБОУ «Элистинский лицей» в качестве одного из основных приоритетов определил социальное партнерство, ко-

торое позволяет осуществить более успешно подготовку новых поколений к реальной жизни, к созидательной, подлинно гуманистической деятельности. Совместными усилиями осваивается опыт прошлого, обеспечивается этнокультурная преемственность, превращая культурный потенциал нации в достояние каждого человека. Социальное партнерство в лицейском образовательном пространстве – это прежде всего:

- повышение качества и разнообразия предоставляемых услуг образования;
- создание дополнительных условий для формирования ключевых компетенций (реализация компетентностного подхода);
- насыщение образовательного пространства лицея для удовлетворения потребностей участников учебно-воспитательного процесса в соответствии с индивидуальными интересами и запросами;
- научно-методическое сопровождение в целях повышения эффективности деятельности ученического и педагогического коллективов;
- дополнительные возможности для максимального раскрытия, поддержки и развития интеллектуального и творческого потенциала лицейцев;
- включение учащихся в социально-значимую деятельность, формирующую практическую направленность сознания учащихся и их гражданскую идентичность.

Конструируя социокультурное содержание образования в контексте обозначенной проблемы, МБОУ «Элистинский лицей» осуществляет социальное партнерство на всех уровнях взаимодействия:

а) на муниципальном уровне с МБОУ «Калмыцкая национальная гимназия им. А. Ш. Кичикова», МБОУ «Русская национальная гимназия им. С. Радонежского», МБОУ «Элистинский технический лицей»;

б) на региональном уровне с ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», ГУ «Институт комплексных исследований аридных территорий», ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии» РК, Отделением социальной помощи семье и детям Центра социального обслуживания населения РК, Национальным музеем РК им. Н.Н.Пальмова, Общественным национальным Казахским центром РК «Жерлестер»;

в) на федеральном уровне с ООО МАН «Интеллект будущего» (г. Обнинск), АНО

«Центр дополнительного образования – Альфа-диалог», Гимназическим союзом России ФОБР, АНПО «Школьная лига» (г. Санкт-Петербург), ГБОУ «Хакасская национальная гимназия-интернат им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан).

В результате такого многопланового взаимодействия в лицее были организованы интегрированные тьюторские группы для осуществления проектов по следующим направлениям:

- исследования в области естествознания, предпринимательства и журналистики (проект «Лицей в Школьной лиге РОСНАНО»);
- межнациональное взаимодействие и сотрудничество (проект «Национальное изобилие»);
- гражданско-патриотическое (проект «Память»);
- волонтерское движение (проект «Воскресная школа»);
- музейная деятельность (проект «Временная связующая нить»);
- социальное проектирование (проект «Я Гражданин»).

Социальное партнерство позволяет обеспечивать единство учебной, воспитательной и культурно-досуговой деятельности, а также их ценностное наполнение.

Необходимо отметить, что немаловажное значение в этом многообразном взаимодействии приобретает уровень образования и квалификации педагога-наставника, во многом определяющий открытость и содержательность лицейского культурно-образовательного пространства. Действия педагогического коллектива лицея направлены на создание системы консолидирующей деятельности всех социальных партнеров на основе проектной деятельности.

Следовательно, в современных условиях решение задач воспитания и социализации школьников в контексте национального воспитательного идеала, их всестороннего развития, наиболее эффективно в рамках организации социального партнерства, которое предоставляет возможности для приобретения учащимися ценностно-смысловых установок, социальных компетенций и получения мотиваций к познанию. Такое пространство способствует формированию гармоничной личности и ее способности к саморазвитию.

Приобретенный опыт социального партнерства позволяет усилить корпоративную атмосферу обучения, взаимное доверие и уважение, сотрудничество детей и взрослых; сочетать профильное лицейское образование с индиви-

дуальными траекториями развития; ориентировать усилия на создание проектных комплексов; учитывать возрастающий уровень потребностей обучающихся, их возможности и притязания; рационально организовать единое лицейское развивающее пространство.

Таким образом, формы социального партнерства, организованные в лицейском пространстве, дают основание заявлять об эффективности сложившихся взаимоотношений, используемых технологий.

УДК 21
ББК 86.2

Е. Г. Олейникова, С. С. Симонова

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ

**Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации**

E-mail: gattogatto@mail.ru

Статья посвящена исследованию представлений студентов Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы о религиозной ситуации и состоянии межконфессиональных проблем в Волгоградской области.

Ключевые слова: религия, конфессия, религиозная ситуация, межконфессиональные отношения, межконфессиональные проблемы.

E. G. Oleynikova, S. S. Simonova

INTERFAITH PROBLEMS IN THE VOLGOGRAD REGION IN THE PERCEPTION OF STUDENTS

**Volgograd branch the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration**

The article investigates the representations of students Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration about the religious situation and the state of interfaith issues in the Volgograd region.

Keywords: religion, religious denomination, religious situation, interfaith relations, inter-religious problems.

Глобальные политические и социально-экономические трансформации, происходившие в России в конце XX века, обусловили значительные изменения социокультурного пространства. В большой степени изменились и религиозная ситуация, межконфессиональные отношения.

Согласно статистике тех лет, значительно увеличилось число россиян, называвших себя верующими. По данным исследований ВЦИОМ, в 1970-х гг. уровень религиозности в городах СССР составлял 10–15 %, однако уже в 1995 г. – 60,8 % [1, с. 114–115].

Социологические исследования, проводившиеся под руководством Ю. А. Левады, обнаруживали стойкую тенденцию сокращения людей, позиционировавших себя как неверующие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации».
2. Арнольдов, А. И. Путь к храму культуры: Образование как социокультурный феномен / А. И. Арнольдов. – М.: Грааль, 2000. – 107 с.
3. Лиджиева, И. В. К вопросу об этнокультурном развитии региона (по материалам мониторинга этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия) / И. В. Лиджиева, С. Н. Немгирова // Вестник КИГИ РАН. – 2014. – № 1.

В 1989 г. таковыми себя называли 65 % респондентов, в 1994 г. – 39 %, в 2004 г. – 30 %. Одновременно росло количество тех, кто считал себя православными: 1989 г. – 30 %, 1996 г. – 56 %, 2004 г. – 61 %. Причем социологи отмечали, что динамике религиозной принадлежности свойственны не только количественные, но и возрастные, гендерные и иные изменения. Если в начале 1990-х годов в массе к верующим причисляли себя главным образом женщины, пожилые респонденты, люди с неполным средним образованием, то за 1990-е годы наблюдался максимальный рост числа тех, кто называл себя верующими не только среди пожилых россиян, но и, напротив, среди молодежи, мужчин, респондентов с высшим образованием [2, с. 80–119].

В Волгоградской области, как и во многих регионах России, исторически сложилось этнокультурное и конфессиональное многообразие, но количественно преобладало православное население. В начале XX века 94 % жителей Царицынского уезда принадлежали к Русской православной церкви, 0,9 % были старообрядцами, 1 % – протестантами, 4 % – буддистами, 0,1 % жителей исповедовали другие религии. В начале XXI века в Волгоградской области было зарегистрировано 363 религиозных организации, принадлежавших к 20 вероисповеданиям. Из них приходы Русской православной церкви составляли 56,7 % [3].

Исследуя новые тенденции в религиозной ситуации, ученые часто приходят к выводу, что в настоящее время среди тех, кто называет себя верующими, можно выделить несколько групп. Для одних принадлежность к тому или иному вероисповеданию обусловлена всем комплексом их восприятия действительности, для других – в большей степени социокультурными факторами, традицией. К примеру, социологическое исследование, осуществленное учеными Волгоградского государственного университета в 2005 г., привело их к следующему выводу. В Волгоградской области «истинно религиозных» респондентов оказалось значительно меньше (2,1 %) по отношению к заявившим себя «верующими» (76,2 %). Для большей части респондентов, определивших себя как верующие, религия – это культурная традиция, через которую осознается связь с прошлым, с предками [4, с. 142].

В настоящее время вопросы межэтнических и межконфессиональных отношений приобретают особую актуальность как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Особенно важно, на взгляд авторов, анализировать представления молодежи, ее видение современного состояния и перспектив данной проблемы. В начале 2014 г. авторами был проведен социологический опрос среди студентов Волгоградского филиала РАНХиГС, в котором участвовало около 100 человек. Целью опроса являлось выяснение позиций молодых людей в вопросах межконфессионального взаимодействия. На вопрос «Считаете ли вы себя верующим человеком?» 85 % респондентов ответили утвердительно, 14 % – отрицательно, 1 % – затруднились с ответом.

Опрос показал, что подавляющее большинство отвечавших (98 %) идентифицируют себя

с христианством как религией и культурной традицией. Менее 1 % указали другие религии, остальные затруднились с ответом. При ответе на данный вопрос респондентам давалась возможность указать не только принадлежность к определенной религии, но и к определенной конфессии. Из тех, кто указал своей религией христианство, 33 % уточнили, что являются православными. Остальные не указывали принадлежность к конкретной конфессии.

Один из поставленных вопросов предлагал назвать основные источники получения знаний о религии и религиозной ситуации в стране: семья, друзья, школа (вуз), СМИ и социальные сети, самообразование (чтение религиозных источников, общение со священнослужителями и др.). Получены следующие результаты. Около 60 % респондентов основным источником религиозных представлений назвали семью, около 25 % – СМИ и социальные сети, 10 % – самообразование, остальные затруднились с ответом.

На вопрос «Как часто Вы посещаете (совершаете) богослужения?» предлагалось три варианта ответа: регулярно; в дни главных религиозных праздников; никогда. В результате 49 % респондентов указали, что посещают храмы в дни главных праздников, один-три раза в год. Интересно, что 15 % среди давших такой ответ затруднились ответить на вопрос, являются ли они верующими. В связи с этим можно предположить, что посещение богослужений для них скорее всего обусловлено традицией, имеет социально-культурные, а не религиозные причины. Среди источников получения знаний о религии и религиозной ситуации в ответах данной группы преобладали СМИ и социальные сети.

14 % опрошенных отметили, что посещают богослужения регулярно. Характерно, что в этой группе большинство респондентов назвали основным источником получения религиозных представлений семью и самообразование. 37 % дали ответ, что никогда не посещают и не совершают богослужений. Однако ровно половина из них, отвечая на предыдущие вопросы, назвали себя верующими. Основным источником получения знаний о религии практически все они назвали СМИ и социальные сети.

На вопрос «Является ли для Вас вероисповедание человека важным фактором при решении вопроса: общаться с ним или нет?» подавляющее большинство (80 %) респондентов дали отрицательный ответ. 10 % ответили положительно, причем более половины давших такой

ответ назвали себя неверующими. Остальные 10 % с ответом затруднились.

Вопрос «В каком регионе (с точки зрения религиозной составляющей) Вы предпочли бы жить?» предполагал три варианта ответа: 1) «в регионе, населенном представителями одной религии»; 2) «в регионе, населенном представителями многих религий»; 3) «для меня это не имеет значения». Третий вариант выбрали 71 % опрошенных, первый – около 28 %, второй – менее одного процента. Характерно, что среди тех, кто указал на предпочтение жить в регионе, населенном представителями одной религии, около 40 % позиционируют себя как неверующие.

На вопрос «Как вы оцениваете отношения между представителями разных религий в Волгоградской области?» 49 % респондентов ответили, что считают их напряженными, 25 % – нормальными, 10 % – враждебными, остальные затруднились с ответом.

На вопрос «Существует ли, по Вашему мнению, опасность конфликтов на религиозной почве в Волгоградской области?» утвердительный ответ дали 75 % опрошенных, отрицательный – 18 %, остальные затруднились с ответом.

Проведенный опрос позволил сформулировать некоторые выводы об отношении студентов к проблемам межконфессионального взаимодействия. Большинство молодых людей идентифицируют себя с христианством, причем многие скорее как с социально-культурной традицией, а не религией. Основными источниками получения знаний о религии являются семья, СМИ, социальные сети, но не школьное и вузовское образование. Подавляющее большинство опрошенных достаточно толерантны в вопросах межконфессионального взаимодействия – для них вероисповедание человека не является важным фактором при решении вопроса: общаться с ним или нет. Конфессиональное многообразие региона не оценивается ими негативно.

Однако очевидно восприятие межконфессиональных отношений, сложившихся в регионе, как недостаточно благополучных; признание опасности конфликтов на религиозной почве.

По мнению авторов, обеспокоенность должен вызывать тот факт, что значительная часть студентов получает основные знания о религиозной ситуации из средств массовой информации и социальных сетей, где как известно, нередко встречаются материалы провокационного характера, представляющие межконфессиональные отношения в негативном виде. Практика последних лет показывает, что количество публикаций, теле- и радиопередач на религиозную тематику возросло многократно. Некоторые журналисты стали специализироваться на данной проблематике. Появилась даже Гильдия религиозной журналистики. Но тем не менее публикуется множество статей и выпускается в эфир множество теле- и радиопередач, подготовленных журналистами, слабо представляющими специфику религиозной тематики. Нередко подобные выступления вместо того, чтобы нести мир и формировать толерантное общество, сами являются источником социальной напряженности и религиозного конфликта [5].

В то же время, вузовские программы далеко не всегда уделяют достаточно внимания проблемам межконфессионального взаимодействия в региональном аспекте, хотя именно квалифицированное, непредвзятое освящение межконфессиональных отношений, их обсуждение в студенческой аудитории могло бы дать ощутимые позитивные результаты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гараджа, В. И.* Социология религии / В. И. Гараджа. – М.: Институт «Открытое Общество», 1995. – 236 с.
2. *Левада, Ю. А.* Мониторинг перемен: основные тенденции / Ю. А. Левада // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 3(71). – Май-июнь. – С. 80–119.
3. Православная энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/155148.htm>
4. *Барышникова, И. В.* Религиозная ситуация в Волгоградской области / И. В. Барышникова, Е. О. Беликова, А. Г. Нестерова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: исследования молодых ученых. – 2008. – № 7. – С. 139–144.
5. Пресса и религиозные конфликты в современной России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baznica.info/article/pressa-i-religioznye-konflikty-v-sovremenn/>

УДК 316.472.4
ББК 60.54

Л. В. Намруева

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ:
ДИАГНОСТИКА, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
(на материале опросов 2000-х гг.)***

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

E-mail: lnamrueva@yandex.ru

В статье рассмотрены результаты социологических исследований, которые позволяют определить характер взаимоотношений между представителями различных этнических групп республики.

Ключевые слова: калмыцкий этнос, полиэтнический российский регион, открытость/закрытость, смешанный брак, ассимиляция.

L. Namrueva

**INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC OF KALMYKIA:
DIAGNOSTICS, DEVELOPMENT TRENDS
(on materials of surveys 2000s)**

**Kalmyk Institute for Humanities research of the Russian
Academy of Sciences (RAS)**

In the article the results of the sociological research, which allow us to determine the nature of relations between representatives of ethnic groups of the Republic.

Keywords: Kalmyk ethnicity, multi-ethnic Russian region, openness/closedness, intermarriage, assimilation.

Республика Калмыкия представляет собой полиэтнический российский регион, в котором представители разных этнических групп, отличающиеся языком, вероисповеданием, психологией, элементами культуры, постоянно и тесно контактируют друг с другом. Настоятельной необходимостью является изучение и прогнозирование межэтнических отношений в таких сообществах для их совершенствования, предотвращения разного рода конфликтов, разработки мер по их предупреждению.

Ниже представлен анализ отдельных результатов социологического исследования, проведенного в 2009 (N=318) и 2013 (N=407) гг. отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

В исследовании 2009 г. был проанализирован характер межэтнических взаимоотношений в повседневной жизни. Половина опрошенных отметила, что никогда не сталкивалась с негативным отношением к себе на национальной основе. Это является свидетельством нормальных межэтнических отношений, сложившихся в республике. Ответы оставшейся части гово-

рят об обратном. Так, треть респондентов-калмыков (32 %) и пятая часть респондентов-русских (20 %) заметили, что внешних признаков нет, но чувствуется недоброжелательность [1].

Сравнительный анализ данных позволяет констатировать, что русское население республики сталкивается с затруднениями в личном общении, на бытовом уровне чаще, чем титульное население. Респонденты-русские в 2,5 раза чаще, чем калмыки испытывают ограничения в получении работы.

Анализируя ответы в зависимости от возраста респондентов, видно, что половина опрошенных никогда не сталкивалась с негативными проявлениями в межэтнических взаимоотношениях. Однако 41 % молодых респондентов до 20 лет признались, что чувствуют недоброжелательность, хотя внешне это никак не обнаруживается. Это намного больше, чем в других возрастных группах. Молодежь (20 %) гораздо чаще, примерно в два раза, сталкивается с затруднениями в личном общении, чем респонденты постарше. Более зрелые респонденты чаще испытывают ограничения в получении работы, так же почти в два раза.

Если рассматривать полученные результаты в зависимости от места проживания анкетируемых, то выявляется следующее: сельские респонденты (34 %) ощущают недоброжелательность чаще, чем жители города (26 %) и район-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нация и государство в мировой истории» (проект КИГИ РАН «Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе РФ: конструирование этничности»).

тра (32 %). Зато у горожан чаще встречаются затруднения на бытовом уровне и при устройстве на работу. В городе интенсивность межэтнической коммуникации сильнее, и к тому же конкурентность при трудоустройстве гораздо ярче выражена, чем в сельской местности.

Результаты анкетного опроса, проведенного в 2013 г., позволяют определить оценку состояния межэтнических отношений в Калмыкии. В среднем 27 % респондентов оценивают межэтнические отношения в республике как хорошие, считая, что здесь не существует причин для беспокойства. Более половины опрошенных (50,8 %) удовлетворены характером межэтниче-

ских контактов, однако отмечают, что в этой сфере существуют проблемы, которые, безусловно, требуют своего решения. Следует отметить, что этого мнения в большей степени придерживаются респонденты калмыки и русские (56,3 %). Дали плохую оценку состоянию межэтнических отношений (сумма двух вариантов ответов) каждый девятый опрошенный калмык (10,9 %), почти пятая часть респондентов, представляющих другие этнические группы (22,2 %). Они считают, что в республике накопилось множество проблем, требующих незамедлительного решения. Это мнение характерно лишь единицам респондентов-русских (3,1 %).

**Оценка состояния межэтнических отношений в Калмыкии
(в этническом и гендерном разрезе)**

Варианты ответов	Калм.	Рус.	Др. этн. гр	Муж.	Жен.
Хорошее, нет проблем, которые могут беспокоить	26,8	26,0	31,7	28,2	26,9
Удовлетворительное, но есть еще нерешенные проблемы	56,3	56,3	39,7	53,7	53,3
Скорее плохое: накопилось множество проблем, требующих незамедлительного решения	7,4	3,1	12,7	5,3	8,5
Плохое: практически проблемы в этой сфере не решаются	3,5	—	9,5	3,7	3,3

Проведенный анализ показал, что состояние межэтнических отношений в республике в целом удовлетворительное (см. таблицу). Однако, несмотря на здоровый в целом этнический климат, существуют ситуации, в которых имеется нежелательный аспект межэтнических взаимоотношений, которые требуют своего глубокого всестороннего изучения.

Исследование восприятия межэтнического брака в полиэтническом обществе весьма актуально. Это объясняется рядом причин: во-первых, считается, что этот брак способствует укреплению дружественных отношений между народами; во-вторых, межэтнический брак способствует знакомству с инациональной культурой; в-третьих, такая форма брака может способствовать снятию межэтнической напряженности и размыванию этностереотипов, формирующих негативный образ представителей иной этнической принадлежности. А с другой стороны, межэтнический брак может рассматриваться и как обстоятельство, приводящее к разрушению этнической идентичности, и чем слабее этнические границы, тем интенсивнее происходит этот процесс.

Традиция заключать браки в пределах своей этнической общности является «стабилизатором этноса», механизмом, обеспечивающим

воспроизводство не только тех или иных культурных особенностей, но прежде всего этнического самосознания, ощущения психологической связи со своим народом. Исследователи отмечают, что распространенность среди малочисленных этносов внутриэтнических браков, предпочтение их другим, несомненно, способствует сохранению этнического ядра народа, особенно малых по численности, ибо в однонациональной среде больше возможностей сохранить национальный язык, обычаи, традиции, свою самобытность в отличие от смешанных семей, в которых процесс маргинализации неизбежен [2].

В статье анализируются данные пяти исследований, проведенных в 2005, 2008, 2010, 2012 и 2013 гг. отделом социально-политических и экологических исследований КИГИ РАН. В анкетном опросе 2005 г. выборка составляла 432 человека, из них горожан – 47,7 %, сельчан – 52,3 %. Калмыки составляют 69,2 % от выборочной совокупности, русские – 21,3 %, представители других этнических групп – 9,5 %. В массовом опросе 2008 г. участвовало 705 жителей столицы из восьми районов республики. Калмыков опрошено 66,7 %, русских – 25,1 %, представителей диаспор, представляющих народы Северного Кавказа – 8,2 % [3].

В анкетном опросе 2010 г. были опрошены только калмыки, выборочная совокупность составила 283 респондента, большинство из них являются студентами очного и заочного обучения калмыцких филиалов московских вузов. В 2012 г. в анкетировании участвовала молодежь до 30 лет ($N=652$) [4]. Из них калмыки составляют 65,2 %, русские – 23,0 %, представители других этнических групп – 11,8 %, горжане – 65,4 %, сельчане – 34,6 %. В исследовании 2013 г. ($N=407$) калмыков было опрошено 59,2 %, русских – 24,6 %, представителей других этнических групп – 16,2 %.

Казанские исследователи отмечают, что важным индикатором межэтнических отношений является ориентация респондентов на этнически смешанные контакты в семейно-брачной сфере. Как правило, положительная ориентация на этническое смешение в брачной сфере сопрягается с толерантностью в других сферах жизни, и может, таким образом, замерять уровень межэтнической напряженности в обществе [5].

В анкетных опросах ставился вопрос об отношении к межэтническим бракам в разных формулировках: отношение к межэтническому браку вообще, к проективному браку своих детей, возможности самому респонденту вступить в межэтнический брак. В поле внимания результаты респондентов двух основных этнических групп республики – калмыков и русских, а также группы, объединяющей другие этнические общности, преимущественно народов Северного Кавказа.

Исходя из результатов пяти исследований, видно, что большинство опрошиваемых титульной группы (в диапазоне от 58 до 67 % – суммирование ответов, в которых указано, что «национальность в браке не имеет значения») положительно оценивает смешанный брак, то есть большая часть респондентов-калмыков открыта для позитивного взаимодействия с представителями иной культуры. Об этой тенденции свидетельствует также и тот факт, что от 20 до 29 % опрошенных сами не желают вступать в смешанный брак, не будут возражать против такого союза своих родственников. Замечено, что выбор этого ответа со временем несколько уменьшается. О закрытости к межэтнической интеракции, наличии неприятия к представителям других этнических групп свидетельствуют ответы от 7 до 13 % респондентов, эта часть считает нежелательными смешанные браки.

Результаты четырех исследований показывают, что у респондентов-русских отношение к смешанному браку подверглось большим изменениям. Если в 2005 г. 78 % опрошенных положительно воспринимали эту форму брачного союза, то в 2008 г. их количество значительно уменьшилось – до 59,9 %, а еще через четыре года оно также снизилось – до 53,4 %. Напротив, на протяжении анализируемого периода увеличивается число тех, кто выберет спутника (цу) своей этнической группы, но против смешанного брака других ничего не будет иметь против (от 15 до 30 %). Почти в пять раз увеличилось количество ответов негативного восприятия межэтнического брака. В 2005 г. 3,3 % респондентов-русских, в 2008 г. – 6,2 %, а в 2012 г. – 15,3 %, в 2013 г. – 6,3 % опрошиваемых заявили, что такие браки не желательны. Таким образом, можно говорить о закрытости, ксенофобии у части этой этнической группы.

Анализ ответов респондентов третьей группы показывает, что положительное отношение к смешанным бракам со временем становится преобладающим. Так, в 2005 г. 40,4 % опрошиваемых, в 2008 г. – 67,9 %, в 2012 г. – 66,2 %, в 2013 г. – 70 % респондентов отметили, что национальность в браке не имеет значения. Изменяется в сторону уменьшения амбивалентное отношение, которое характеризует, с одной стороны, принятие смешанных браков других, а с другой – неприятие его относительно себя. Это отношение было свойственно в 2005 г. для 42,9 %, в 2008 г. – для 18,9 %, в 2012 г. – для 13,0 %, в 2013 г. – для 12,7 % опрошенных. Увеличивается количество ответов, характеризующих негативное восприятие межэтнических семей (9–16 %). Эта часть опрошиваемых закрыта к различным формам этнических контактов, испытывает неприятие к ним.

Во всех трех группах в выборе супруга(ги) важным является личностный компонент (симпатии, чувства, качества человека). А культурологический компонент (желание знать культуру, соблюдать традиции, обычаи народа, к которому принадлежит избранник(ца)) занимает второе место, значительно уступая эмоционально-личностному фактору. Это свидетельствует о некоторой закрытости к контактам с другими группами и отсутствие мотивации к активному приобщению их этнокультурных элементов.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что ассимиляционный потенциал у калмыков

и представителей других этнических групп значительно выше, чем у русских, которые в меньшей степени одобряют межэтнические браки. В целом, десятая часть всех опрошенных независимо от этнической принадлежности отвергает создание межэтнических семей. Это свидетельствует о стремлении к закрытости, замкнутости в своей этнической общности, то есть установка отвержения «чужих» в пользу «своих» сохраняет свою значимость и в условиях социальной трансформации. Отмеченное в общественном мнении нежелание поддерживать межэтнические контакты свидетельствует о некоторой психологической изолированности опрошенных, диктуемых, видимо, желанием сохранить свой этнический облик, страхом подавления своей национальной культуры иными этнокультурами. Более того, можно сделать вывод о существовании в латентной форме интолерантных установок в их общественном сознании, демонстрируемое ими избегание как межэтнического общения, так и нежеланием иметь представителя иной этнической принадлежности в качестве родственника. Вместе с тем в общественном сознании проявляется тенденция снижения напряженности в межэтнических отношениях, характерная для недавнего прошлого, и для респондентов актуализируется фор-

мирование культуры межэтнического общения в полиэтнической среде. Необходимо постоянно анализировать, какие факторы в современных условиях способствуют формированию социально-психологических барьеров в межэтническом взаимодействии, усложняют межэтнические интеракции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Намруева, Л. В.* Межэтнические отношения в оценке различных этнических групп (на материале опроса 2009 г. в Калмыкии) / Л. В. Намруева // Социальное самочувствие населения в современной России: тезисы Всерос. науч.-практ. конф., г. Ставрополь, 4–5 октября 2010 г. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН 2010. – С. 145–149.
2. *Шахбанова, М. М.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях / М. М. Шахбанова // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 88–97.
3. *Намруева, Л. В.* Отношение к межэтническим бракам в современной Калмыкии / Л. В. Намруева // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 2. – С. 168–176.
4. *Намруева, Л. В.* Открытость/закрытость молодежи к принятию иноэтнических ценностей / Л. В. Намруева // X конгресс этнологов и антропологов России: тезисы докладов, г. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол.: М.Ю. Мартынова и др. – М.: ИЭА РАН. 2013. – С. 33.
5. *Столярова, Г. Р.* Межэтническое взаимодействие: дискурсы и практики / Г. Р. Столярова // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований: сб. статей к юбилею Л. М. Дробизевой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 194–206.

УДК 316.472.4
ББК 60.54

Е. Г. Ефимов

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ez07@mail.ru

Статья посвящена феномену социальных сетей как фактора формирования социокультурного пространства юга России. На основе изучения результатов контент-анализа новостных сообщений ТРК «Вести» описаны риски сетей для пользователей. Автор приходит к выводу, что региональная специфика сетей проявляется в преобладании пользователей сети «Одноклассники». Выделяются и описываются характерные особенности рисков в сети «ВКонтакте» как пространства взаимодействия молодежи. В заключение раскрываются негативные риски использования сетей в образовательной сфере.

Ключевые слова: социальные сети, контент-анализ, «Одноклассники», «ВКонтакте», образование, риски, аддикция.

E. G. Efimov

SOCIAL NETWORK AS THE FORMATION FACTOR OF SOCIOCULTURAL SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA

Volgograd State Technical University

Article is devoted a phenomenon of social networks as formation factor of sociocultural spaces of the south of Russia. On the basis of studying of results of the content-analysis of news messages of Broadcasting Company «Vesti» risks of networks for users are described. The author comes to a conclusion that regional specificity of networks is shown in prevalence of users of a network «Odnoklassniki» («Schoolmates»). Prominent features of risks in a network «VKontakte», as spaces of interaction of youth are allocated and described. Negative risks of use of networks in educational sphere in summary reveal.

Keywords: social networks, the content-analysis, «Odnoklassniki», «VKontakte», formation, risks, addiction.

Влияние социальных сетей на российское общество в целом и социокультурное пространство юга России может оцениваться с нескольких точек зрения. Одним из критериев может считаться статистический показатель, согласно которому социальные сети являются самым посещаемым ресурсом Интернета, охватывая 34 % населения страны [4]. В то же время влияние социальных сетей распространяется не только на статистически очерченную аудиторию пользователей, но и на все общество в целом. Политические группы, экономические корпорации и образовательные учреждения активно используют новые ресурсы как неотъемлемый фактор своей эволюции.

Социальные сети являются одной из форм коммуникации, предоставляя пользователям возможность игнорировать пространственную отдаленность и осуществлять взаимодействие, невзирая на культурные и социальные рамки. С другой стороны, представляя собой социально-технический феномен, сети как отражают процессы, происходящие в обществе, так и сами обладают собственной динамикой развития, задавая пользователям рамки общения внутри них. Именно поэтому можно рассматривать их как фактор, то есть детерминант поведения и социальных процессов, их движущую силу и условия.

Анализируя научные исследования социальных сетей, следует отметить, что их оценка как фактора развития социокультурного пространства с социальной точки зрения носит оценочный характер, в том числе из-за отсутствия правового регулирования развития этого сектора интернет-пространства. Наиболее актуальной представляется проблема изучения рисков, связанных с развитием социальных сетей, поскольку именно они являются главной движущей силой развития любой технологии, отражая ключевые противоречия между производителем и потребителем.

Материалами для анализа послужили данные контент-анализа новостных сообщений ТРК «Вести» (на сайте www.vesti.ru) за 2011–2013 гг. Поиск сообщений осуществлялся по ключевому слову «социальные сети», всего было выделено 3577 сообщений, из них проанализированы 3231. Методом качественного контент-анализа были выделены негативные сообщения (1052) и проведена их классификация. Первичная классификация была проведена в зависимости от социальных групп, которые ока-

зывают наиболее существенное влияние на формирование представления о рисках.

Наибольшее влияние на развитие социальных сетей оказывают государство как социальная группа через акцентирование общественного мнения на проблемах использования сетей для нарушения правовых норм (439 сообщений) и сами пользователи, устанавливающие этические границы взаимодействия в сети (459 сообщений). Крайне незначительным является упоминание об аддикции в отношении социальных сетей (56), что объясняется их широким внедрением в повседневные практики большинства россиян. Также не существенным является упоминание о рисках, связанных с техническим аспектом развития социальных сетей и деятельностью производителей (98).

Переходя на региональный уровень развития проблемы, автор обратил более пристальное внимание не на сети в целом, а на те из них, которые имеют наибольшую аудиторию в нашем регионе. Согласно исследованию, проведенному 6–13 июля 2012 г. среди жителей г. Волгограда, Волжского, Камышина, Михайловки, Урюпинска и Фролово в возрасте 16 лет и старше (1391 тыс. чел.), наиболее востребованными сетями среди пользователей Интернета в нашем регионе являются «Одноклассники» (71,1 %) и «ВКонтакте» (64,4 %). Доля пользователей западных сетей составляет в совокупности 33,8 %, где наибольший вес имеет Facebook (20,9 %). Эти показатели отличаются от общих по стране, согласно которым на первом месте находится «ВКонтакте», а «Одноклассники» занимают вторую строчку.

На следующем этапе анализа были выделены главные риски применительно к разным типам сетей, а также сделан акцент на двух крупнейших сетях в нашем регионе (см. таблицу).

Из полученных данных можно сделать несколько выводов о сферах влияния социальных сетей. Сеть «Одноклассники», доминирующая в нашем регионе, не несет ярко выраженных потенциальных угроз. По результатам того же социологического исследования этот ресурс не является сетью какой-либо статистически четко очерченной социальной группы, а просто ресурсом, которым пользуется большинство респондентов. Основной вектор взаимодействий внутри этой сети направлен внутрь нее и концентрируется на общении пользователей между собой. Это подтверждается и ресурсом AppData, содержащим статистику приложений

различных социальных сетей. Согласно данным сайта на 30.03.2014 г., в сети «Одноклассники» на первом месте приложения, созданные для

обогащения коммуникационных возможностей («Поздравительные открытки – Весна», «Открытки», «Пообщаемся» и т. д.)

Риски социальных сетей в освещении ТРК «Вести»

Сети Риски	ВКонтакте				Одноклассники			
	всего	2011	2012	2013	всего	2011	2012	2013
1. Нарушение правовых норм	66	24	28	14	8	2	3	3
1.1. Акции протеста	5	1	4	0	0	0	0	0
1.2. Мошенничество	5	0	3	2	0	0	0	0
1.3. Безопасность детей	14	3	8	3	2	1	1	0
1.4. Хакерство	5	1	2	2	3	0	1	2
1.5. Нарушение авторских прав	30	17	9	4	1	1	0	0
2. Социальная сеть	8	1	1	6	1	0	0	1
3. Социальные нормы	89	21	30	38	6	0	3	3
3.1. В/насилие над личностью	4	0	4	0	0	0	0	0
3.2. В/насилие над животными	1	0	0	1	1	0	0	1
3.3. Суицид	10	0	9	1	0	0	0	0
3.4. ЕГЭ	24	14	1	9	0	0	0	0
3.5. Дезинформация	1	1	0	0	0	0	0	0
4. Аддикция	5	1	1	3	5	1	2	2

Однако если необходимо узнать о влиянии социальных сетей именно на молодежь, то более существенным представляется анализ данных о сети «ВКонтакте». К сожалению, одним из главных рисков данной сети является ее использование в учебном процессе. Темы можно разделить на прямые и косвенные. К первому случаю относятся сообщения о социальных сетях в рамках сдачи ЕГЭ. Ко второму – те сообщения, в которых говорится о негативном влиянии на подростков-учащихся в целом.

Использование социальных сетей для махинаций во время проведения ЕГЭ становится одной из главных проблем при проведении данного вида контрольных испытаний. Как показал анализ, эта тема, в отличие от других, освещается ежегодно (2011 г. – 27 сообщений, 2012 г. – 10 сообщений, 2013 г. – 24 сообщения) и каждый раз в одно и то же время (май-июнь) [3].

Данная тема является достаточно показательной, поскольку затрагивает множество аспектов использования сетей в образовательном процессе.

Во-первых, речь идет о полном отсутствии правовой регламентации использования подобных ресурсов. Первый крупный скандал имел место в 2011 г., когда 6 июня проходил экзамен по математике. За день до него в сети «ВКон-

такте» появились правильные ответы, а в день экзамена в ней находились и общались около 165 тысяч школьников [5]. Сразу после этого Рособрназор стал готовить иск к сети «ВКонтакте», однако уже тогда специалисты высказывали большие сомнения в правовых основаниях подобного шага. Астамур Тедеев, доктор юридических наук, профессор ВШЭ сказал, что «если Рособрназор подаст иск против социальной сети, его в суде, безусловно, примут. Но каков будет исход дела, я судить не берусь. Когда школьник размещал в сети конфиденциальную информацию – бланки с заданиями, он нарушил закон. А сеть – нет. К тому же, в положении о ней наверняка сказано, что сеть не несет ответственности за то, что размещает. Ответственность лежит на собственнике информации. А это – школьник. Юристы сети скажут: мало ли кто у нас что размещает, мы думали, это невинные картинки. Пока что наш закон четко регулирует ответственность за распространение материалов очень определенного содержания, например, детской порнографии» [2]. Опять же в данном случае речь можно вести об использовании социальных сетей для обмена готовыми материалами на любом экзамене в принципе, как, например, во время вступительных испытаний на юридическом факульте-

те в МГУ. В итоге, Росособнадзор пришел к соглашению с руководством социальных сетей о блокировании противоправных ресурсов, однако повторяющиеся из года в год сообщения об использовании сетей в противоправных целях говорят о недостаточной эффективности данной политики.

Следует добавить, что, по мнению ряда авторов, правовое обеспечение использования любой педагогической технологии является необходимым, поскольку позволяет фиксировать, классифицировать и систематизировать основные ее элементы, что позволяет их сравнивать и исследовать на более качественном уровне [6, с. 87].

Во-вторых, речь идет о социально-антропологическом аспекте распространения сетей, согласно которому сети и мобильные устройства воспринимаются как неотъемлемая часть социальных практик. Используя сеть для распространения заданий по ЕГЭ и нарушая закон, ученик делает это даже несмотря на то, что в социальной сети сохраняется информация обо всех его действиях и вычислить нарушителя при желании не составляет никакого труда.

Косвенные темы, формирующие негативный имидж социальных сетей в образовательной сфере, имеют отношения сообщения о интернет-аддикции в сетях, различных формах их использования в правонарушениях в отношении детей и подростков и т.д. Можно выделить несколько схожих типов подобных тем:

1) Демонстрация сцен насилия – в апреле 2012 г. в новостях рассказывалось об избиении школьницами девочки-инвалида в Калининграде, которую они сами снимали на камеру телефона и выложили в социальную сеть. К подобного рода примерам можно отнести и распространение в сетях видеозаписей о насилии над животными. Наибольший резонанс эти сообщения вызывают тогда, когда их авторами являются школьники.

2) Самоубийства – в феврале 2012 г. широко освещалась серия самоубийств подростков. И хотя прямо социальные сети не упоминались, в видеосюжетах постоянно демонстрировались страницы подростков в социальных сетях (прежде всего «ВКонтакте»).

3) Аддикция – прямо не связана с учащими-ся как отдельной социальной группой, однако часто в сюжетах акцентируется внимание о за-

висимости именно этой группы от сетей и гаджетов.

В отличие от рисков как государственной проблемы или связанных с производителями сетей, которые показывают различную динамику, проблема аддикции, также как и освещение ситуации с ЕГЭ существует перманентно и ее освещение показывает положительную динамику. Уже отмечено, что социальные сети обладают большим, чем все остальные ресурсы аддитивным потенциалом, поскольку затрагивают все сферы жизни человека. Особенно подчеркивается тот факт, что для современной молодежи, которая уже растет в цифровой среде, отличается от предыдущих поколений по мировоззрению и структуре самосознания личности [1, с. 132–133].

В итоге, можно сделать вывод, что социальные сети не только оказываются фактором формирования социокультурного пространства Юга России, но и отличаются спецификой. Хотя в целом сетевое пространство отличается отсутствием значительных рисков, благодаря преобладанию в регионе пользователей «Одноклассников», молодежь, являясь пользователями «ВКонтакте», находится в пространстве рисков. Большинство из них прямо или косвенно затрагивает образовательный процесс и, к сожалению, носит перманентный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Плешаков, В. А. Киберонтология и психология безопасности информационной сферы: аспект киберсоциализации человека в социальных сетях интернет-сред / В. А. Плешаков // Вестник православного Свято-тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: педагогика, психология. – 2010. – № 4 – С. 131–141.
2. Росособнадзор подаст иск к «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/06/15/pravila-site.html>
3. Скандалы, связанные с публикацией результатов ЕГЭ в интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20130527/939655887.html>
4. Соцсети возглавили список посещаемости в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/01/27/seti-site.html>
5. Тесты попали в Сеть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/06/14/ege-site.html>
6. Тимкин, С. Л. Некоторые аспекты обоснования и обеспечения качества сетевого образовательного процесса / С. Л. Тимкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: проблемы высшего образования. – 2004. – № 2. – С. 87.

УДК 338.23
ББК 65.30-18

А. Н. Леонтьев

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ КОМПОНЕНТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ*

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: leont@vstu.ru

Промышленная политика, помимо политических и экономических факторов, должна учитывать свойства социальной среды. А именно этнический, национальный, конфессиональный, ментальный и другие аспекты. Все неэкономические влияния образуют этносоциальную компоненту промышленной политики.

Ключевые слова: промышленная политика, компонента, фактор, этнос, этническая группа.

A. N. Leontyev

ETHNOSOCIAL COMPONENTS OF INDUSTRIAL POLICY

Volgograd State Technical University

Industrial policy, in addition to political and economic factors, should consider the characteristics of the social environment. That is ethnic, national, religious, mental and other aspects. All non-economic impact of ethno-social component form of industrial policy.

Keywords: industrial policy, the component factor ethnicity, ethnic group.

Промышленная политика – деятельность государства в области промышленности. Комитет по промышленной политике органа законодательной власти Совета Федерации РФ предмет своего внимания определяет как «совокупность действий государства как института, предпринимаемых для оказания влияния на деятельность хозяйствующих субъектов (предприятий, корпораций, предпринимателей и т. д.), а также на отдельные аспекты этой деятельности, относящиеся к приобретению факторов производства, организации производства, распределению и реализации товаров и услуг во всех фазах жизненного цикла хозяйствующего субъекта и жизненного цикла его продукции» [3, с. 5].

Развитие этого подхода подвело к пониманию нового уровня промышленной политики в качественной связи с процессами инновации и модернизации. По мнению Б. Ю. Титова, инновационно-промышленная политика – это государственная политика, направленная на «выявление и капитализацию сравнительных конкурентных преимуществ российской экономики». Другими словами, на использование тех исторических, географических, национальных и других факторов, развитие которых выведет на более высокий уровень конкурентоспособности по сравнению с иностранными конкурентами [4, с. 3].

Промышленная политика является направлением экономической политики государства,

которую, в свою очередь, нельзя понимать изолированно, в отрыве от социальной политики. Попытка прояснить закономерности процессов, возникающих в результате переплетения действий государства в сфере стимулирования развития производства и связанных с данной деятельностью социальных процессов, но с акцентом на этнической составляющей, представляет собой предмет настоящего исследования.

Конкурентные преимущества российского общества лежат не только в сфере экономики, но имеют также исторические и социальные основания. При этом можно обратить внимание и более глубинное происхождение особенностей российского общества, привлекая к анализу закономерности этногенеза.

Так, профессор Гарвардского университета Фрэнк Доббин указывает на то, что при анализе политической сферы и социума в целом вовсе не обязательно разбираться в деятельности групп интересов, микроэкономических моделях и организационных ресурсах. Он рекомендует искать логику, лежащую в основе политики. Ф. Доббин приходит к выводу, что «политика разных стран подчиняется совершенно разной логике и может опираться на закономерности естественного отбора (natural selection)» [2, с. 41].

Другими словами, необходимо искать, в том числе, биологические основания социальных взаимодействий, определять связь и взаимопроникновение этнического и социального, что поможет более адекватно объяснять политику и экономику, а в данном случае определять

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-13-34014

конкурентные преимущества национального многообразия российского социума для формирования промышленной политики.

Целью настоящей статьи является выделение некоторых закономерностей образования сообществ, вызванных промышленной политикой, и определение этнической составляющей данного процесса. Выделение данных феноменов поможет более адекватно понимать и формировать направления совершенствования законодательства в целях развития социально-экономической системы российского общества.

Актуальность темы связана с необходимостью предлагать новые решения проблемы стимулирования развития промышленности, поиск иных базовых оснований организации сообществ. Это поможет преодолеть трудности, связанные с развитием инновационной деятельности по модернизации производственного потенциала страны в целом, регионов и отдельных муниципальных образований в частности.

В промышленности способы и методы дифференциации и интеграции определяются в первую очередь требованиями технологии производства, и только во вторую очередь особенностями работников, участников производственного процесса. Но существуют связи и отношения, которые не определяются технологией и имеют неэкономические основания, но при этом оказывают существенное влияние на процессы, связанные с организацией производства.

Например, специфическое ощущение чести и личного достоинства, впитанный с детства дух постоянного соперничества, не позволяют реализовать себя в рамках сложных иерархических отношений большого трудового коллектива. Такие люди комфортней чувствуют себя при отсутствии производственной иерархии, в рамках индивидуальной производственной деятельности или в рамках семейного хозяйства.

Национальная культура, в том числе и культура общения и взаимодействия, не только накладывает ограничения, но и сама выступает активной составляющей при формировании способов совместной деятельности. Культура по своей изначальной и универсальной сущности деформирует формы взаимодействий, сглаживает качества, необходимые для выживания в дикой природе, подменяя их качествами, необходимыми для совместной деятельности. Агрессия замещается терпимостью.

И наоборот, качества, которые сформировались в аграрном обществе, в доиндустриальную

эпоху, продолжают проявляться как рудименты в формах организации индустриального и постиндустриального общества, участвуют в формировании определенных специфических форм связей и отношений, не свойственных современности. Такие отношения и образуют компоненту политики.

Здесь необходимо развести понятия «фактор» и «компонента». Фактор – это действующая сила, причинная составляющая взаимодействия. Фактор своим действием порождает изменение структуры системы. Возникают подструктуры, которые определяются как компоненты. Основная предпосылка их возникновения – необходимость противодействия факторам. Если фактор – это причина, то компонента – это следствие, неразрывно связанное с причиной. Компонента – это реакция системы путем изменения структуры, актуализирующей воздействием, фактором. Фактором выступает политика, в данном случае промышленная политика, а компонентой – социальные структуры, содержащие, в том числе, этническую доминанту.

Этносоциальной компоненте промышленной политики предстоит социально-профессиональная компонента, которая представляет собой формы объединения работников по месту и роли в производственной или другой экономической (хозяйственной) деятельности. Так, например, шахтеры и металлурги, моряки и летчики, врачи и учителя обладают чувством профессиональной сопричастности и солидарности, несмотря на национальные различия и государственную принадлежность. И эта солидарность часто противостоит соображениям выгоды.

Предлагается рассмотреть это явление подробнее. Структурным элементом производства является промышленное предприятие, с которым связано большое количество работников. Сама структура производства побуждает их к объединению, солидарности на основе совместной деятельности. Конкуренция сглажена производственным распорядком и функциональной ответственностью.

Но в рамках производственных отношений существуют и другие формы взаимодействия. На производственную иерархию накладывается сеть родственных, дружеских, враждебных, этических, имущественных и других личностных связей и отношений, но уже не связанных с организацией производства. И это оказывает существенное влияние на функционирование

производства в целом, в том числе и на его развитие.

В условиях многонационального российского государства одним из оснований формирования социальной солидарности является общность этнической принадлежности, которая находит свое проявление в экономико-хозяйственной деятельности. Религиозные, культурные, языковые, бытовые основания определяют форму участия человека в социально-экономической деятельности, в том числе и в промышленном производстве, влияют на место и роль в общественном разделении труда.

Существуют поверхностные описания феномена этнической специализации, когда торговля или производства определенного вида товаров концентрируется в руках представителей конкретного этноса, будь то выращивание определенного вида сельхозпродукции (овощеводство, овцеводство), оказания услуг (ремонт обуви) или другой деятельности.

Менее явные процессы лежат в основе возникновения сообществ, которые трудно назвать этническими. Например, казаки, сибиряки, поморы, кавказцы. Здесь в основе лежит не только этническая общность, но прежде всего общность места проживания и связанная с этим специализация видов деятельности. Вторичным критерием выступает формирование эмоциональной связи, ощущения, напоминающего этническую близость.

Возникает ситуация, когда промежуточное, пограничное, маргинальное (в научном смысле слова) положение дает преимущество. Возможность избирательного подчинения правовым или культурным ограничениям позволяет выбирать такую композицию прав и обязанностей, которая снимает социальные ограничения на обогащение.

Например, все мировые религии запрещают ростовщичество, и наиболее радикально этот запрет проявляется в исламе. Однако банковская система как ростовщичество эпохи модерна существует и имеет глубокие исторические корни. В средневековье ростовщичество понималось как греховная, постыдная деятельность, которой могут заниматься только изгои. Ростовщики, которыми, как правило, были иноверцы, формировали этнические кластеры, противостоящие окружению, но обладающие собственными правилами и порядками, что аналогично формированию этносоциальной компоненты. В последствии это стало основой

экономического преимущества и формирования замкнутого банкирского сообщества.

Аналогичные процессы можно наблюдать в социальных основаниях формирования дореволюционного купечества. Абсолютное большинство успешных династий предпринимателей из русских были старообрядцами. Это Рябушинские, Морозовы, Строгановы, Прохоровы, Абрикосовы и другие. Пограничная социальная позиция (православные христиане, но особые), с одной стороны, формировала солидарность и взаимопомощь, но, с другой стороны, определяла жесткую этику в отношении единоверцев, в том числе и в сфере бизнеса. За пределами узкого круга «своих», существовали исключительно правовые ограничения, формируемые государственной политикой на фоне религиозной терпимости или нетерпимости.

Похожие процессы можно проследить в среде эмигрантов, гастарбайтеров, иностранцев, временно приехавших на заработки, этнических группировок, различных землячеств, национально-культурных автономий и т. п. В рамках данных общностей маргинальность промежуточного положения компенсируется внеправовыми формами регулирования, имеющими религиозные или национально-культурные основания, а языковый барьер обеспечивает идентичность.

Особую загадку представляют интеграционные основания сообществ российских вьетнамцев, которые сохраняют свою латентность и замкнутость, но уже имеют существенные позиции в сфере торговли и производства одежды, в полной мере проявляя себя в качестве этносоциальной компоненты промышленной политики.

Таким образом, признав связь между этническими и социальными механизмами формирования общностей, в срезе формирования и реализации промышленной политики, можно говорить о формировании и актуализации этносоциальной компоненты промышленной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов, В. Муниципальный уровень промышленной политики: специфика, опыт, принципы совершенствования / В. Анисимов, Ю. Винслав // Российский экономический журнал. – 2001. – № 8. – С. 17–18.
2. Доббин, Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли / Ф. Доббин // Экономическая социология. – 2012. – Т. 13. – № 5. – С. 34–56.

3. *Завадников, В.* О промышленной политике Российской Федерации / В. Завадников // Общество и экономика. – 2007. – № 2. – С. 5–39.

4. *Титов, Б. Ю.* Инновационно-промышленная политика / Б. Ю. Титов // Приложение 3 к Ежегодному эконо-

мическому докладу 2008 года Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» «Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.biblioglobus.ru/docs/Annex_3.pdf

УДК 316.013

ББК 60.59 (2РосКал)

С. Н. Немгирова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Институт комплексных исследований аридных территорий

E-mail: nereatsof@mail.ru

В статье на основе эмпирических данных рассмотрена роль этнокультурных объединений в социальной адаптации мигрантов – обеспечении информационных, образовательных, культурных и иных потребностей, связанных с национальной принадлежностью.

Ключевые слова: миграция, мигранты, адаптация, этнокультурные объединения.

S. N. Nemgirova

ETHNO-CULTURAL ASSOCIATIONS AS THE SUBJECTS OF MIGRANT'S SOCIAL ADAPTATION IN THE REGIONAL SOCIETY

Institute of Integrated Research Arid Areas

In the article on the basis of the empirical data we examine the role of ethno-cultural associations in the social adaptation of migrants – providing informational, educational, cultural and other needs related to their nationality.

Keywords: migration, migrants, adaptation, ethno-cultural associations.

В условиях глобализации, растущих внутренних и внешних миграционных потоков требуются новые концептуальные подходы к формированию и осуществлению миграционной и этнокультурной политики на уровне как Российской Федерации, так и ее субъектов. Экономические, демографические, политические и социальные причины приводят к росту миграционных процессов и на территории Республики Калмыкия, которая является национальным субъектом Российской Федерации с полиэтническим составом постоянного населения. В 2012 г. 30,5 % общей численности мигрантов в регионе приходилось на внешнюю миграцию, включающую межрегиональную и международную [1, с. 82]. Республика Калмыкия представляет собой зону интенсивных миграционных процессов: по сравнению с предыдущим годом, число прибывших в республику из регионов России увеличилось на 37 % [2]. Наиболее тесные миграционные связи складываются с относительно близкими регионами в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах и с Московской областью.

Являясь формой адаптации к меняющимся условиям, миграция выполняет важные функ-

ции – территориальное перераспределение населения и обеспечение определенного уровня его подвижности. Миграция увеличивает или уменьшает численность населения отдельных территорий, способствует расширению кругозора людей, «накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур» [3, с. 322].

В современной науке выделяют следующие стадии миграционного процесса: первая стадия представляет собой процесс формирования миграционной мобильности населения, которая зависит от демографических, этнических, генетических и социально-экономических характеристик; вторая стадия – это совокупность переселений, совершающихся в определенное время в рамках той или иной территории; третья стадия представляет собой процесс приживаемости мигрантов на новом месте жительства, приспособления мигранта к новым условиям жизни и его обустройство на новом месте [4]. Одной из задач государственной миграционной политики Российской Федерации является со-

действие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом [5]. Как правило, мигранты в новой этнической среде начинают испытывать языковые, религиозные, социокультурные проблемы, решение которых призвана обеспечить деятельность этнокультурных общественных объединений (ЭКОО).

В 2013 г. Институтом комплексных исследований аридных территорий методом полуструктурированного интервью был проведен экспертный опрос лидеров зарегистрированных в Управлении Министерства юстиции России по Республике Калмыкия этнокультурных общественных объединений – Республиканского общества калмыцко-корейской дружбы, Казахского культурного центра «Жерлестер», Калмыцкой общественной организации «Дагестанская диаспора», Общественно-культурного объединения чеченцев «Согласие» («Барт»), общественных организаций «Азербайджанский конгресс» и «Культурный центр турок-месхетинцев» по теме: «Этноконфессиональное и межкультурное взаимодействие в Республике Калмыкия».

Результаты исследования показывают, что этнокультурные организации республики представляют культуру своих народов, дагестанская диаспора ставит своей целью работу с представителями всех дагестанских народов, проживающих на территории региона. Пропагандируя культуру преимущественно своих этнических групп, ЭКОО вовлекают в свою деятельность и старожильческое население региона, в организации работы культурного центра турок-месхетинцев принимают участие дагестанцы, азербайджанцы, казахи.

Основной причиной создания этноориентированных организаций послужила активная миграция населения в республику в 1990-е гг. Оторванные от своих корней представители этнических диаспор, занимающие активную гражданскую позицию, стали образовывать ЭКОО с целью сохранения своей национальной культуры, этнокультурной самобытности, языка, налаживания связей с исторической родиной, оказания помощи друг другу.

Приоритетными направлениями деятельности этнокультурных объединений республики является социализация представителей своего этноса в региональное сообщество, сохранение и развитие этнической культуры, культурно-

просветительская деятельность. В работе этнокультурных организаций социально-культурной сфере уделяется большое внимание: организуются различные виды клубов по интересам для разных возрастных групп, курсы по изучению этнического языка и истории и т. п. Тем самым ЭКОО являются сосредоточием культурной жизни ее членов.

Приобщая к своей деятельности подростков и молодежь Республики Калмыкия, ЭКОО используют различные средства по ознакомлению их с культурой своего этноса, которые можно объединить по следующим направлениям: культуроохранное (изучение языка, истории, миграции этноса и т. п.), культуротворческое (освоение народной художественной культуры через участие в национальных и религиозных праздниках, ансамблях) и образовательное.

На успешную адаптацию мигрантов в новом социуме влияет множество факторов, таких как жизненный опыт и миграционные установки индивида, возможность трудоустройства, толерантность и религиозные верования старожильческого населения, сконструированный образ мигранта в СМИ. ЭКОО региона готовы помогать гражданам не только в удовлетворении этнокультурных потребностей, но и по целому спектру других вопросов – поиск работы, правовая защита и т. д.

Положительным последствием трудовой миграции эксперты считают «приток дешевой рабочей силы в регион», отрицательными – «возможное ухудшение криминогенной обстановки», «исчезновение калмыков как нации», «рост неконтролируемой миграции», «нарастающее беспокойство в обществе из-за незнания культуры приезжающих народов». Члены Азербайджанского конгресса помогают мигрантам в оформлении документов, дают разъяснения, оказывают юридические консультации.

Не имеющие регистрации в органах юстиции этнокультурные объединения республики также проводят большую работу по сохранению межнационального мира и согласия, обеспечению информационных, образовательных, культурных и иных запросов и потребностей приезжих. Так, деятельность татарского национального центра «Бягт», который был создан в 2001 году на базе Северного дома культуры Лаганского района Республики Калмыкия, направлена на сохранение родного языка, пропаганду быта, традиций и культуры алабугинских татар. В 2012–2013 гг. участники центра при-

нимали активное участие в районных праздниках «День рыбака», «Цаган-Сар», «Масленица», в районном фестивале народного творчества «Мы – дети твои, Россия!», выставке декоративно-прикладного творчества «Радуга дружбы». На районных праздниках национальный центр «Бягт» оформляет этнографическую кибитку, где размещают предметы национального быта татарского народа. Коллектив центра проводит работу по сбору устного национального творчества для подготовки брошюры, посвященной истории алабугинских татар, куда войдут песни, легенды, сказки татарского народа.

В целях возрождения и сохранения обычаев, самобытности корейской культуры на базе Восходовского сельского дома культуры Октябрьского района Республики Калмыкия был создан корейский культурный центр «Чин-Сен» («Дружба»). Коллектив центра ставит перед собой задачи укрепления дружбы и сотрудничества между народами республики посредством фольклора, обеспечения связей с общественными организациями корейцев в других регионах России и за рубежом. Культурный центр «Чин-Сен» проводит не только свои национальные праздники, но и участвует в организации праздников Зул, Цаган Сар, Масленица, Рождество. Участники центра радуют своими выступлениями жителей района и республики, в их репертуар входят национальные танцы, песни о родине, о любви и дружбе. В центре проводятся занятия по изучению корейского языка, что позволяет участникам центра на равных общаться со своими соплеменниками из Сеула, искать новые возможности для развития центра.

В Яшалтинском районе Республики Калмыкия действует турецкий культурный центр «Гюн-Эль». Компактное проживание турок-месхетинцев в с. Ульяновское способствует социализации подрастающего поколения в своей национальной среде. Представители турецкой диаспоры, соблюдая свои традиции, уважают традиции других народов, являются участниками всех культурно-досуговых мероприятий, которые проходят в Яшалтинском районе.

Если говорить об опыте взаимодействия этнокультурных объединений с органами власти,

то здесь налажены широкие контакты и с региональными, и с местными органами власти. Сегодня взаимодействие национально-культурных организаций и власти наполняется новым содержанием. Это, с одной стороны, формирование системного социального партнерства, с другой – профилактика возможных проблем в этноконфессиональной сфере. Так, по приглашению властных структур представители этноориентированных организаций участвуют в совещаниях, «круглых столах», конференциях, предвыборных кампаниях, праздничных мероприятиях. Администрация г. Элисты предоставила помещения культурному объединению чеченцев и казахскому культурному центру.

Таким образом, анализ деятельности этнокультурных объединений показывает, что они, создавая особое культурное пространство, предназначенное для проведения досуга и межличностной коммуникации внутри этнической группы, обладают немалыми возможностями и предпосылками для того, чтобы совместно с органами власти выступать своеобразными социальными регуляторами в успешной адаптации мигрантов в региональном сообществе, профилактике делинквентного поведения. Отсутствие открытых межнациональных конфликтов в условиях роста миграции иноэтнического населения в регион – заслуга в том числе и этнокультурных организаций Республики Калмыкия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.
2. Общие итоги миграции населения Республики Калмыкия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://statrk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statrk/resources.htm
3. Демографический понятийный словарь / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.
4. Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik.htm>
5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons>

УДК 316.4
ББК 60.5

Е. Н. Васильева, Е. О. Данилова

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Волгоградский государственный университет

E-mail: vasilevaen@yandex.ru, vorontsova91@mail.ru

В работе методом качественного анализа исследована деятельность некоммерческих общественных объединений, направленная на адаптацию мигрантов, а, следовательно, оказывающая влияние на миграционные процессы и социально-экономическую ситуацию на Юге России.

Ключевые слова: некоммерческие общественные объединения, социально-экономическое пространство, трудовые мигранты, экономическая активность.

E. N. Vasileva, E. O. Danilova

THE ROLE OF NON-PUBLIC ASSOCIATIONS IN ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE LABOR MARKET OF VOLGOGRAD REGION

Volgograd State University

In this paper, the method of qualitative analysis investigated the activities of non-profit associations, aimed at the adaptation of migrants, and therefore have an impact on migration and socio-economic situation in the south of Russia.

Keywords: Non-profit associations, socio- economic space, migrant workers, economic activity.

За последние несколько лет Юг России стал центром притяжения мигрантов. Трудовой потенциал переселенцев становится одним из главных ресурсов региона, где мигранты уже сформировали особое социальное пространство. Исследование базируется на представлениях о социальном пространстве, обоснованных П. Бурдьё [2]. Экономические отношения мигрантов протекают в экономическом поле, где между коренным населением и мигрантами идет постепенное распределение жилищных фондов, перераспределение в сфере занятости: традиционные для мигрантов сферы приложения труда (сельское хозяйство, торговля, транспорт) сменяются профессиями, требующими высокой квалификации. Второй важный постулат для данного исследования – выявление в качестве фактора, определяющего городское пространство, численности населения. В своих работах Н. В. Дулина и Н. А. Овчар говорят, что изменение численности населения города – это своеобразный отклик на изменяющиеся объективные условия, в том числе и на принятые управленческие решения хозяйствующих субъектов [3].

В последние годы прирост населения в ряде регионов РФ идет в основном за счет миграции. Численность экономически активного населения Юга России в 2012 г. достигла 6993,5 тыс.

чел., а уровень занятости населения – 61,6 %, уровень безработицы (6,2 %) превышает общероссийский показатель (5,5 %), при этом в Волгоградской области – 6,0 %. Старение и изменение численности населения приводит к демографической нагрузке в регионе, что влияет на снижение и неравномерность уровня экономической активности населения. Так, на 1 января 2013 г. численность постоянного населения области составила 2583,0 тыс. чел. В области устойчиво сохраняется численное преобладание женщин (53,7 %) над мужчинами (46,3 %). Естественная убыль населения в 2012 г. составила 4793 чел., а миграционный отток – 7030 чел. По прогнозу Росстата, снижение численности населения Волгоградской области продолжится и к 2031 г. численность населения может составить 2298,0 тыс. чел., то есть уменьшится еще на 285,0 тыс. чел. [4].

От численности населения зависит объем получаемых регионами федеральных средств, поэтому важно, чтобы Волгоградская область была пространством, не только имеющим выгодное экономическое и геополитическое положение, но и привлекательным для миграции. В современном составе Южный федеральный округ включает Республику Адыгею, Республику Калмыкию, Краснодарский край, Астраханскую, Волгоградскую и Ростовскую области [10]. В. Н. Петров отмечает, что современные этнические миграции интенсифицируются под влиянием явно выраженной экономической вынуж-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014.6)

жденности: из трудоизбыточных в труднедостаточные районы, из депрессивных регионов в регионы с благоприятной экономической конъюнктурой. В этих случаях факторами, стимулирующими этническую миграцию, становятся нищета и социально-экономическое бесправие, поиск более благоприятных условий для социальной самореализации личности и обеспечения лучших перспектив для семьи [5].

Следовательно, комплексная задача – выявить факторы, способствующие формированию в Волгоградской области социального пространства, адаптивного для мигрантов. И хотя на территории региона с 1990-х гг. сохраняется комплекс проблем в социально-экономической сфере, необходимо определять условия, при которых постоянное население и мигранты, оказывающие решающее влияние на формирование населения и его основные демографические характеристики, будут иметь равные возможности для проявления экономической и социальной активности. Новизна исследования в том, что в качестве основного агента адаптации мигрантов к социокультурным особенностям Волгоградской области предлагается рассматривать региональные некоммерческие общественные объединения, в том числе национальные. Формирование и сфера социальной активности некоммерческих общественных объединений в Волгоградской области приходится на начало 1990-х гг., их создание было тесно связано с нерешенностью социальных проблем коренных народов. Уже на начальной стадии своей деятельности они в открытой форме представляли интересы коренных народов и выступили своеобразным посредником между региональными органами власти и этносами. Были сформированы и механизмы взаимодействия: организация конференций, семинаров, созывы съездов коренных народов, участие в разработке программ социально-экономического развития отдельных этносов [1].

Этнокультурные и религиозные объединения отнесены к группе социально ориентированных, которые «представляют собой сформированную в организованные группы часть населения, идентифицирующую себя с целевой группой, интересы которой защищают и реализуют. Они являются выразителями общественного мнения отдельных групп общества и способны организованно участвовать в решении вопросов, касающихся жизнедеятельности общества» [6].

На территории Волгоградской области на 8 ноября 2012 г. были зарегистрированы в установленном законом порядке: 1951 некоммерческая организации, 1906 общественных объединений, 156 фондов, 194 некоммерческих партнерства, 120 автономных некоммерческих организаций, 1142 ТОСа, 28 национальных общественных объединений, 93 казачьих организации (общества, объединения, иных организаций), 394 религиозных организации, 27 политических партий, 78 ветеранских организаций, а также 2 специализированные некоммерческие организации управления целевым капиталом [7]. Однако, по данным Управления Министерства юстиции РФ по Волгоградской области, уже на 1 июля 2013 г. в регионе зарегистрировано 62 национальных общественных объединения (44 – региональных, 18 – городских и районных), из них 49 национальных общественных организаций, 9 национально-культурных автономий, 4 фонда. Несколько организаций ликвидированы или находятся в стадии ликвидации по инициативе налоговой инспекции.

Статистические данные свидетельствуют как о сокращении некоторых объединений, так и о развитии – остаются лишь социально активные, результативные. Определение специфики и места общественных объединений зависит от их взаимодействия с органами исполнительной власти, органов местного самоуправления Волгоградской области при решении социально-экономических проблем, а также степени контроля со стороны органов власти, насколько выполняются функциональные обязанности. Специализированным региональным органом, курирующим проблемы межэтнических отношений в регионе, является Комитет по делам национальностей и казачества администрации Волгоградской области. Уже изначально при создании данного органа в 2001 г. была заложена структура, в которой один из блоков курирует проблемы межэтнических отношений. Основными функциями министерства являются: мониторинг состояния; участие в предупреждении межэтнических конфликтов и экстремизма; содействие проведению этнокультурных мероприятий и развитию этнокультурного образования; разработка законопроектов и экспертиза взаимодействия с общественными, политическими, религиозными и национальными организациями [8].

Существуют площадки для широкого обсуждения социально значимых проблем. Практи-

ка свидетельствует о наличии различных форм взаимодействия государственных структур с представителями общественных объединений. Так, с 2010 г. при главе администрации региона действует Консультативный совет по национальной политике, состоящий из представителей органов власти различных уровней. В работе Совета принимают участие не входящие в его состав представители национально-культурных объединений. В задачи Совета входит поддержание межэтнического согласия, осуществление экспертизы правовых актов, подготовка докладов, содействие деятельности национально-культурных объединений, содействие развитию межрегиональных и международных связей [9].

Некоммерческие общественные объединения в Волгоградской области выступают посредниками между обществом и государством. Значительная часть считает приоритетными направлениями в своей уставной деятельности вопросы просвещения, пропаганды здорового образа жизни, организации досуга, защиты прав находящихся в трудной жизненной ситуации, то есть сектор социальной направленности и в том числе помощь в адаптации мигрантов. Что касается адаптации мигрантов в сфере занятости, то следует отметить, что в настоящее время она проявляется еще недостаточно отчетливо и во многом определяется перманентным процессом поиска наиболее оптимальных форм в условиях постоянно меняющегося федерального и регионального законодательства.

В рамках работы над грантом Президента РФ (проект МК-2659.2014.6) было проведено качественное социологическое исследование. Методом фокусированного интервью с руководителями некоммерческих общественных объединений (объем выборки составил 28 организаций, генеральная совокупность – 72) выявлена степень участия объединений в адаптации на рынке труда вновь прибывших в регион. В выборку вошли социально активные зарегистрированные организации. Осевое кодирование позволило сделать следующие выводы. Социально-экономическая поддержка вновь прибывших в Волгоградский регион не является основной задачей или целью членов объединений, однако считается значимой (представители объединений «стремятся оказать помощь своим соотечественникам, насколько это бывает возможно... это одна большая дружная семья, где люди помогают друг другу и не бро-

сают на произвол судьбы»). Были выявлены следующие виды помощи:

- правовая (консультации юриста, помощь в получении гражданства) – «помощь в регистрации, в размещении, рассказать им о правах, обязанностях, как себя вести, по каким законам себя вести, говорим о законах РФ. Мы им рассказываем все эти вопросы, которые для них необходимы каждодневно. Кроме этого, мы оказываем юридическую помощь. У нас есть юрист, мы приглашаем его, проводим консультации. Это что касается правовой помощи, кроме этого помогаем в решении вопросов текущего характера, перспективного характера. Оказываем помощь индивидуально, коллективно...»;

- духовно-культурного развития (выпуск журналов и газет, благотворительные концерты) – «У нас получают такие праздники многонациональные... Мы все дружны. Нам приятно, радостно, когда в наших праздниках участвуют представители разных национальностей. Таких праздников нужно проводить больше. Это объединяет, делает нас еще ближе, открывает нам новые идеи...»;

- социально-экономическая (адаптация, изучение языка, реализация социальных проектов, открытие парков культуры, спортивных площадок, помощь в трудных жизненных ситуациях) – «Для этого у нас есть 2 преподавателя русского языка и литературы. У нас есть комната, мы приглашаем на занятия, преподаватели составляют график... проходят курсы адаптации»; «Если нужны деньги, кому 500 р, кому 1000 р., кому 5 тыс. рублей, кому 10 тыс. руб....»; «Азербайджан строит парк Дружбы, разве не символ дружбы между Россией и Азербайджаном?»; «Наши соотечественники, которые приезжают в Россию, уже знают русский язык. Наша помощь заключается в том, что мы их собираем, спрашиваем, изучаем проблемы, стараемся оказать помощь, если им трудно в изучении, размещении, работе, проживании, медицине, или же социальных вопросах. Сам председатель организации руководит этими вопросами, дает распоряжения, в дальнейшем контролирует действия».

Проведенный анализ показывает, что при наличии препятствий мигранты в целом адаптируются к экономической ситуации региона, однако, несмотря на поддержку общественных объединений, деятельности в сфере содействия трудоустройства недостаточно. Трудности

и проблемы можно кратко резюмировать следующим образом: отсутствие специализированных некоммерческих объединений в регионе, занимающихся вопросами миграционного учета и трудоустройства, что ведет к увеличению экономического дисбаланса. Возникают трудности с поиском работы, проявляется правовая неграмотность. Несмотря на это, преимущество объединений состоит в том, что они значительно ближе к населению и, соответственно, могут лучше оценить потребности. Вовлечение некоммерческих национальных объединений в процесс адаптации мигрантов на рынке труда существенно снижает негативные риски экономической активности.

Решение данного вопроса возможно путем принятия опыта других регионов. В Российской Федерации существует несколько зарегистрированных объединений, работающих с трудовыми мигрантами: Нижегородская региональная общественная организация «Конгресс ираноязычных народов»; Нижегородская региональная благотворительная общественная организация «Центр помощи мигрантам»; Всероссийское общественное движение «Союз народов России»; Саратовская региональная общественная организация "Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник»" и некоторые другие. Основной сферой их деятельности является представление интересов мигрантов и национальных меньшинств в органах государственной власти, юридическая помощь гражданам (консультация, представление интересов в суде, информирование мигрантов об их правах, помощь в оформлении документов, помощь мигрантам в поиске работы).

Анализ некоммерческих общественных объединений позволяет прийти к выводу: работа с мигрантами влияет на положение региона и требует более полного социологического исследования вышеуказанных объединений. В заключение можно с уверенностью утверждать, что работа некоммерческих общественных объединений в Волгоградской области способствует социальной стабильности; развитию экономической активности этнических групп; формированию новых технологий социальной поддержки; сохранению культурного, образовательного и научного потенциала общества; защите интересов населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белозерова, М. В. Опыт взаимодействия органов региональной власти и национальных ассоциаций в 90-е гг. XX в. / М.В. Белозерова // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. – Томск, 2007. – С. 265.
2. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые; пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. Дулина, Н. В. Экономическая социология одного города: пространство Волгограда (исторические штрихи к портрету города) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 16(119) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2013. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 14). – С. 41–45.
4. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / под. ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. – М. – Ростов н/Д, 2013. – 114 с.
5. Петров, В. Н. Условия образования и виды этнических миграционных процессов в современной России / В. Н. Петров // Этнические мигранты в принимающем обществе. Ч. 1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии. – Краснодар: Просвещение-ЮГ, 2005.
6. Программа поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградской области на 2012–2014 годы / Общественная палата Волгоградской области. – [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа. – URL: <http://opvlg.ru>
7. Постановление от 29 декабря 2012 г. № 649-п «Об утверждении долгосрочной областной целевой программы "Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградской области" на 2013–2015 годы» / Правительство Волгоградской области. – [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа. – URL: inform.volgaret.ru
8. Положение о Министерстве по делам национальностей и казачества Волгоградской области. Утв. постановлением губернатора Волгоградской области от 22 мая 2012 г. № 378. // Информационно-правовой портал «Гарант». – [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа. – URL: <http://www.garant.ru/news/510380/>
9. Постановление главы администрации Волгоградской области № 1466 от 3 сентября 2010 г. «О консультативном совете по национальной политике при главе администрации Волгоградской области» // Информационно-правовой портал «Гарант». – [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: URL: <http://www.garant.ru/news/510380/>
10. Указ Президента РФ № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849», Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // Информационно-правовой портал «Гарант». – [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа. – URL: <http://www.garant.ru/news/510380/>

УДК 314.7.044

*Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко***ЮГ РОССИИ И ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ОСНОВНЫЕ
МИГРАЦИОННЫЕ РЕЦИПИЕНТЫ И ДОНОРЫ СТРАНЫ*****Тюменский государственный университет**

E-mail: gr136@mail.ru, vlad_davidenko@mail.ru

В статье классификация регионов Юга России и Тюменской области дана по миграционным характеристикам и показано, как специфические по многим параметрам два автономных округа Тюменской области задают особый региональный контекст в направлении масс миграционных потоков и в формировании их общей картины результативности по Югу России.

Ключевые слова: межрегиональные миграции, миграционные доноры, миграционные реципиенты.

*G. F. Romashkina, V. A. Davydenko***THE SOUTH OF RUSSIA AND THE TYUMEN REGION AS THE MAIN
MIGRATORY RECIPIENTS AND DONORS OF THE COUNTRY****Tyumen State University**

The article provides a classification of the regions of Southern Russia and the Tyumen region is given on migration characteristics and shows how specific on many parameters two Autonomous district of Tyumen region define specific regional context in the direction of mass migration flows, and in the shaping of their overall picture of success the South of Russia.

Keywords: inter-regional migration, migration donors, migration recipients.

Юг России является одним из самых неоднородных в мире регионов по целому ряду социально-экономических, географических, демографических, природно-климатических, этнических, религиозных, политических и прочих признаков. Поэтому сравнительный анализ большинства итоговых параметров жизнедеятельности Юга России необходимо дополнять более детальным исследованием ее однородных частей. Это относится не только к социально-экономическим, но и к миграционным связям между регионами. Итоговая результативность межрегиональных миграционных связей складывается из множества частных межрегиональных потоков, то есть потоков между парами регионов. Согласно миграционной теории и практике, тон в направлении основной массы миграционных потоков и в формировании картины результативности задают основные межрегиональные миграционные реципиенты и основные межрегиональные миграционные доноры [1].

На результативность частных межрегиональных потоков в первую очередь влияют факторы чисто экономического характера. Так, с переходом к рынку начала развиваться трудовая миграция, которая стала буквально спасательным кругом для нашего общества во время кризиса и массовой потери работы; трудовая

миграция стала важнейшим амортизатором социального недовольства, поскольку именно благодаря ей была создана альтернативная сфера занятости. Многие фирмы, используя дешевый труд мигрантов, спаслись от банкротства. Спасен был потребительский рынок [2].

С теоретической и практической точек зрения очевидно, что чем выше различия в уровнях экономического развития пар регионов, тем более однонаправленным является характер миграционного обмена между ними. В данной статье рассматриваются миграционные взаимодействия следующих регионов Юга России, которые имеют значение для Тюменской области: Краснодарский край, Волгоградская область, Ростовская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Ставропольский край. Важно отметить существенный рост исхода мигрантов из Республики Дагестан в северные нефтегазодобывающие регионы. Так, за последние пять лет только официально зарегистрировано приехавших 22,6 тыс. человек в ХМАО и 5,4 тыс. человек в ЯНАО, а выехало в Дагестан 1,8 и 1,6 тыс. человек из ХМАО и ЯНАО. В качестве принимающего региона из Тюменской области выделяется Краснодарский край (кроме традиционной точки притяжения – г. Москвы), в который за 5 последних лет из северных округов выехало почти 13 тысяч человек из ХМАО-Югры и более 6,5 тысяч человек из ЯНАО (табл. 1; рис. 1).

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ (проект № 12-03-00304 а).

Таблица 1

**Структура миграционных потоков в Тюменской области
по преимущественным регионам исхода в РФ за 2008–2012 гг., количество человек**

Регионы	ХМАО-Югра		ЯНАО		Тюменская область (без АО)	
	прибыло	убыло	прибыло	убыло	прибыло	убыло
Республика Дагестан	22647	1819	5398	1616	451	217
Краснодарский край	5360	12964	3554	6658	1132	2479
Волгоградская область	2620	2636	1592	1991	378	248
Чеченская Республика	2369	739	781	402	285	281
Ростовская область	1901	2627	1430	1981	465	944
Ставропольский край	1001	3148	2355	2443	438	549
Республика Ингушетия	408	272	139	85	401	434

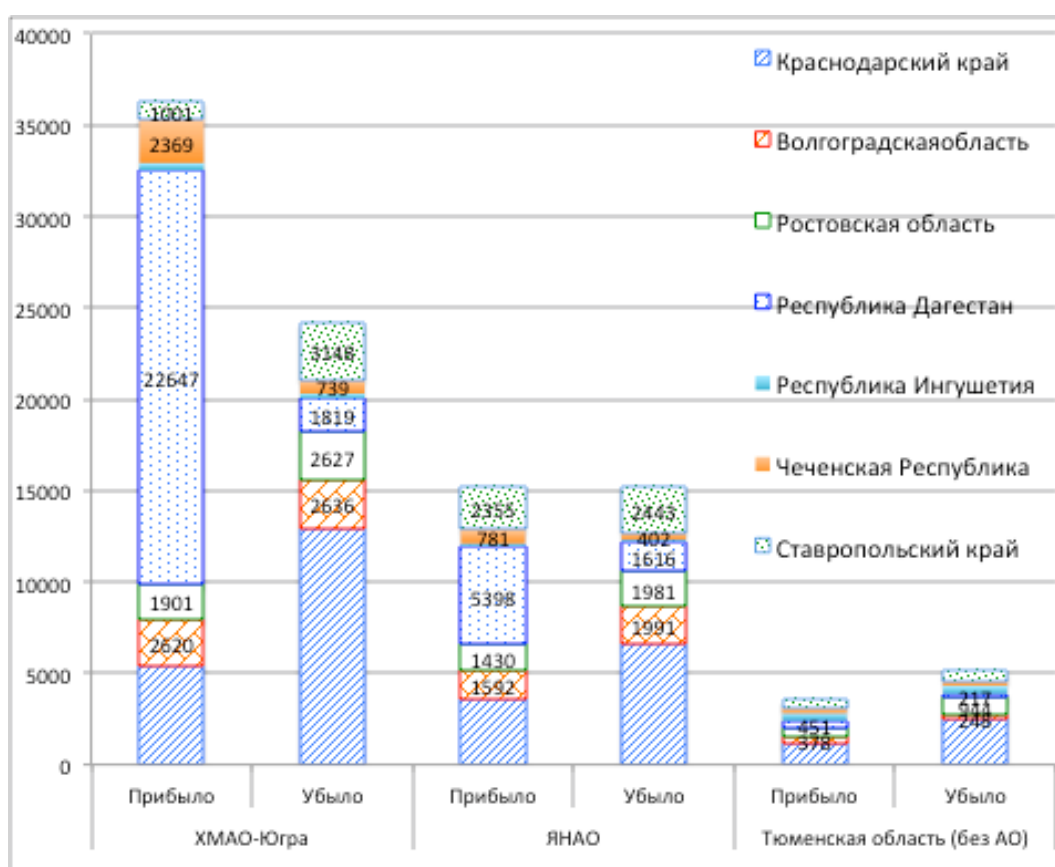

Рис. 1. Структура прибывших (убывших) из регионов РФ за 2008–2012 гг. в Тюменскую область по наиболее популярным направлениям в РФ

Источник: [3].

Миграционные потоки выталкивающего-притягивающего характера, создаваемые между основными реципиентами и донорами, определяют сущностную картину основной части направлений межрегионального обмена населением Юга России и Тюменской области. Из данных табл. 1 и рис. 1 видно, что основной межрегиональный миграционный реципиент

для Тюменского региона – это Краснодарский край (который в последние годы по результативности межрегиональных миграционных связей приближается также и к Москве, и к Санкт-Петербургу). Краснодарский край фактически стал не только основной российской курортно-рекреационной зоной, но в социально-экономическом плане значительно развивает сельское

хозяйство и промышленность. Краснодарский край является «миграционным магнитом» для населения из других регионов. Единственным препятствием для притока переселенцев в него являются сверхвысокие цены на землю и жилье, которые уступали аналогичным ценам в Москве и в Санкт-Петербурге. Работники нефтегазодобывающего сектора заработанные на нефтепромыслах «северные деньги» и «северные пенсии» везут в Краснодарский край, обеспечивая на «Большой земле» платежеспособный спрос, тем самым способствуя развитию ее экономики. Специфические социокультурный опыт и культурные навыки приезжающих в «теплые края» северян авторы в контексте миграционных теорий и практик пока «элиминируют», хотя эти переменные также имеют значение для воспроизводства социокультурного потенциала Юга России.

В число основных миграционных доноров вошла Республика Дагестан. На взгляд авторов, миграционные потоки, выходящие из этого региона для Тюменской области, имеют не только экономическую природу, сколько являются следствием военно-политических событий конца XX – начала XXI веков, и требуют более углубленного анализа в обоих регионах. Тюмен-

ский Север по-прежнему является трудовдефицитным регионом, и не перестав быть местом «длинных денег», он в значительной степени остался местом больших карьерных возможностей для молодых специалистов.

ХМАО-Югра и ЯНАО – это два региона, доминирующие как основные миграционные реципиенты страны, которые притягивают народонаселение, по тем или иным причинам уходящее из глубин Юга российских территорий.

В качестве принимающего региона лидирует ХМАО-Югра, в котором за последние пять лет прибыло 294 тыс. человек, что составило около 19 % населения 2013 года, а уехало из региона 17 % населения. В ЯНАО приехали из других регионов и стран зарубежья с 2008 по 2013 год 119 тыс. человек, что составило 22 % населения 2013 года, а уехало в другие регионы 23 % населения. На юге Тюменской области (без АО) за последние пять лет прибыло 191 тыс. человек, что составило 14 % населения 2013 года, а уехало из региона 10 % населения (рис. 1). Наиболее полная и более рельефная картина динамики миграционных потоков Тюменской области по преимущественным регионам исхода в РФ за 2008–2012 гг. представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика миграционных потоков в Тюменской области по преимущественным регионам исхода в РФ, кол-во чел.

Регионы		Годы				
		2008	2009	2010	2011	2012
	ХМАО. Население	1491240	1504319	1521222	1537134	1561238
	Прибыло	45072	40798	45333	75506	87799
	Выбыло	43340	35877	41588	66727	82800
Прибыло из	Краснодарского края	890	672	734	1215	1849
	Республики Дагестан	3188	2827	3645	6013	6974
	Чеченской Республики	288	277	339	571	894
	Ставропольского края	479	368	448	797	1001
	Республики Ингушетия	80	53	50	100	125
Убыло в	Краснодарский край	2033	1665	1853	3678	3735
	Республику Дагестан	747	1188	1004	1070	1819
	Чеченскую Республику	100	116	110	168	245
	Ставропольский край	578	485	534	651	900
	Республику Ингушетия	24	45	44	36	123

Окончание табл. 2

Регионы		Годы				
		2008	2009	2010	2011	2012
	ЯНАО. Население	524012	522966	524141	524925	536558
	Прибыло	13685	12282	12921	35839	44217
	Выбыло	17699	14699	17874	29590	45344
При- было из	Краснодарского края	485	397	446	954	1272
	Республики Дагестан	522	625	634	1470	2147
	Ставропольского края	318	304	298	650	785
	Волгоградской области	214	186	195	487	510
Убыло в	Краснодарский край	903	753	1019	1880	2103
	Республику Дагестан	182	237	273	251	673
	Ставропольский край	360	345	354	575	809
	Волгоградскую область	274	247	352	532	586
	Тюменская область (юг). Население	1315355	1324409	1333432	1343206	1361642
	Прибыло	26569	22947	27148	49014	64962
	Выбыло	19102	16912	19409	35778	48170
При- было из	Краснодарского края	124	147	149	254	458
	Ростовской области	66	75	66	82	176
	Республики Дагестан	53	74	49	108	167
	Ставропольского края	66	41	65	127	139
	Республики Ингушетия	71	70	62	107	91
Убыло в	Краснодарский край	258	254	275	945	747
	Ростовскую область	94	59	91	418	282
	Республику Дагестан	29	37	44	29	78
	Ставропольский край	72	74	69	180	154
	Республику Ингушетия	43	60	62	169	100

Источник: [3].

Экономические показатели локальных миграционных реципиентов и доноров Юга России и Тюменской области имеют, на взгляд авторов, ключевое значение для направления тех или иных векторов миграционной активности. На рис. 2 представлена динамика среднегодовой номинальной заработной платы во всех Федеральных округах РФ и ЯНАО и ХМАО Тюменской области по отношению к средней заработной плате РФ. Как видно, регионы в функции местных доноров и реципиенты имеют значения для миграционных процессов в качестве основных экономических

индикаторов даже в случае их падения: чем выше относительные показатели по заработной плате, тем выше привлекательность региона (и наоборот).

На рис. 3. представлена динамика среднегодовой заработной платы в регионах Юга России, УрФО и Тюменской области, и видно, что разрывы между ними в среднегодовых заработных платах еще больше, что, в свою очередь, еще сильнее детерминирует интенсивность и направленность векторов миграционной активности между соответствующими парами этих регионов.

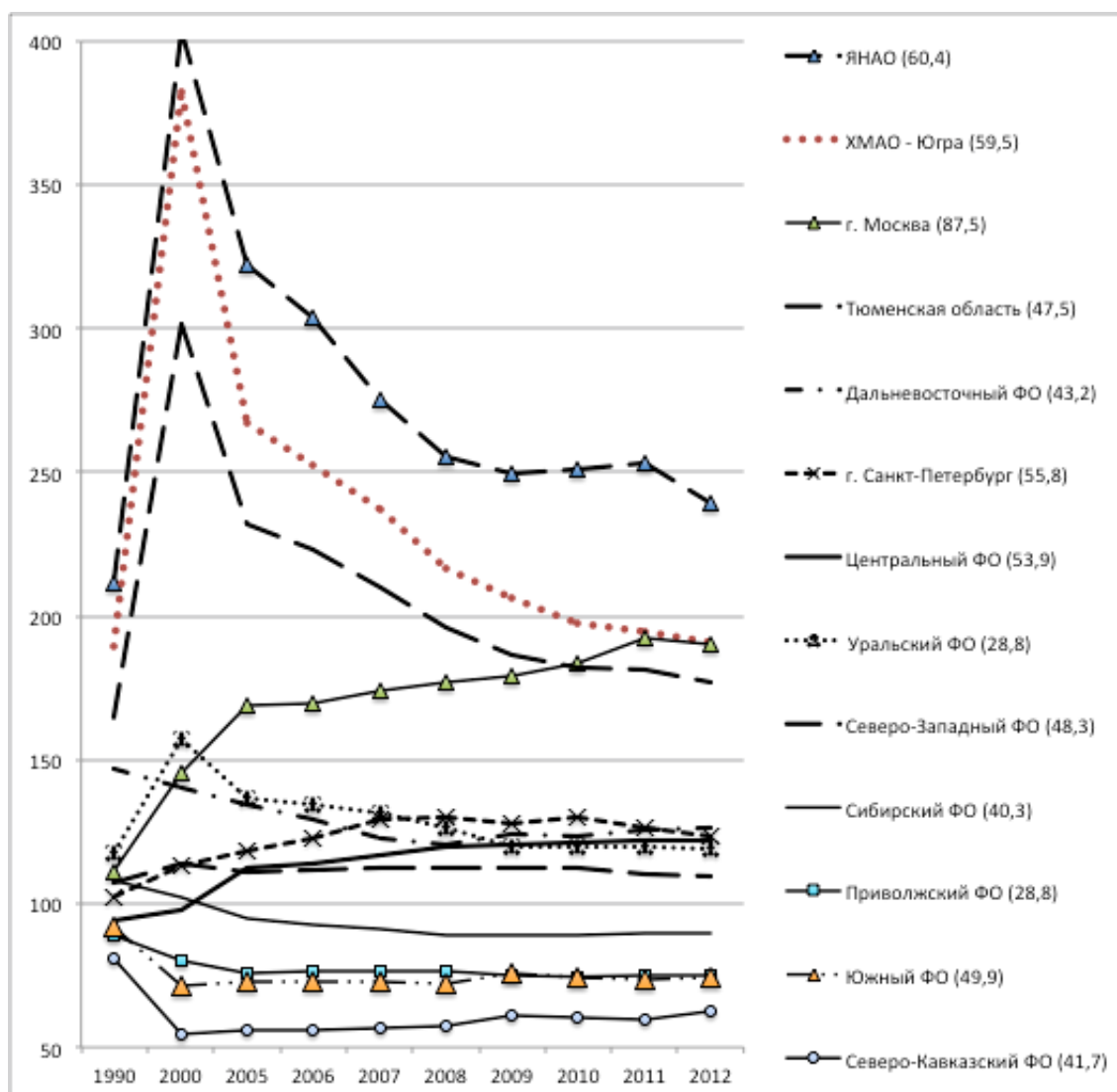

Рис. 2. Динамика среднегодовой номинальной заработной платы в Федеральных округах РФ и субъектах Тюменской области по отношению к средней заработной плате РФ и других регионов. В скобках указана доля прибывших в данный регион из других регионов РФ от всего миграционного потока (мера привлекательности региона)

Источник: [4].

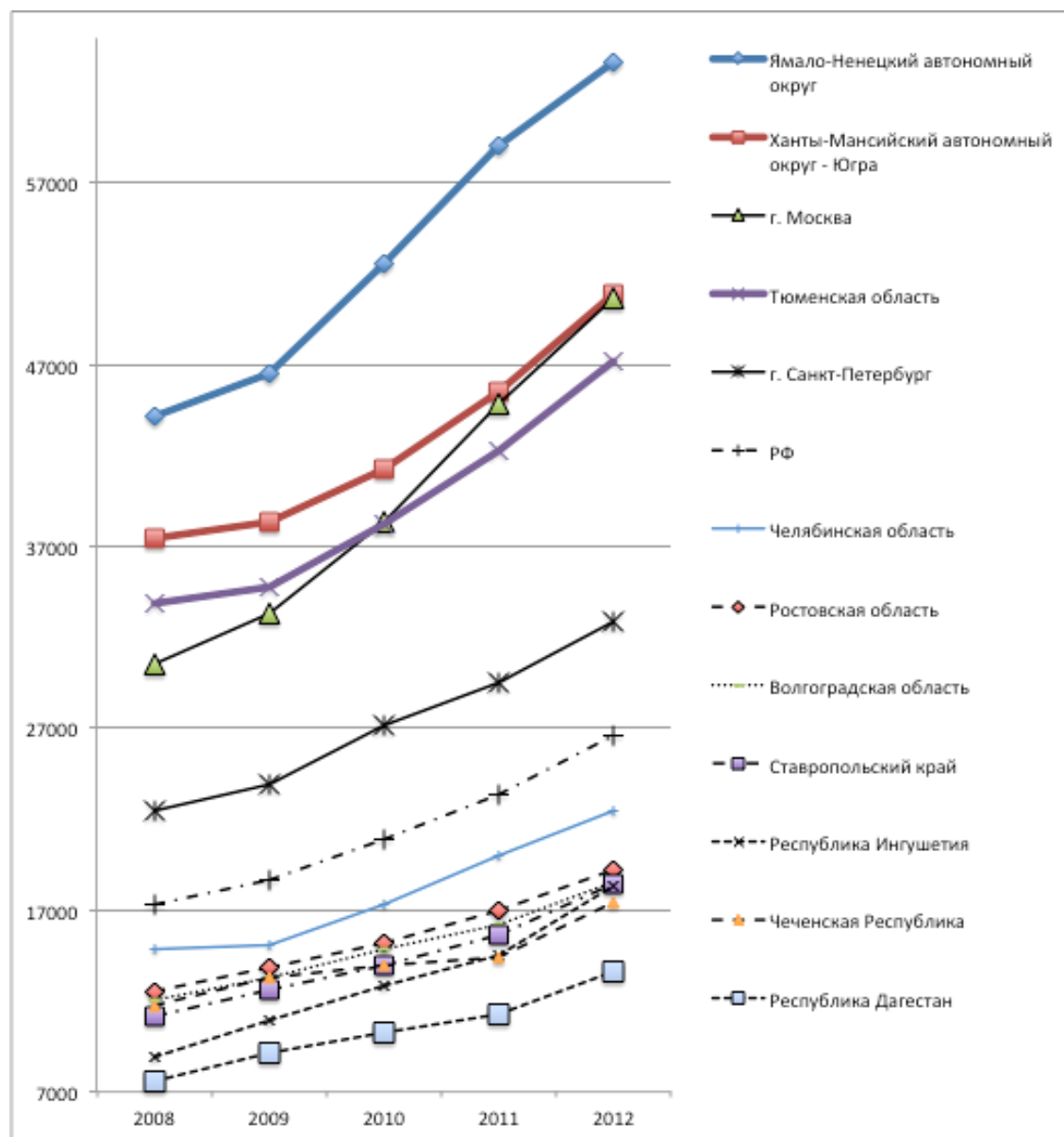

Рис. 3. Динамика среднегодовой заработной платы в регионах Юга России, УрФО и Тюменской области, рублей

Источник: [4].

В заключение предлагается рассмотреть данные рис. 4, где показаны миграционные потоки Тюменской области в 2008–2012 гг. (без внутрирегиональной миграции). Видно, что регионы ХМАО-Югра и ЯНАО функционируют как местные реципиенты: через эти территории

миграционные потоки все последние годы в Тюменскую область растут.

Для справки: все население Тюменской области на конец 2012 года: ХМАО-Югра – 1561 тыс. чел., ЯНАО – 536 тыс. чел., юг Тюменской области (без АО) – 1361 тыс. чел.

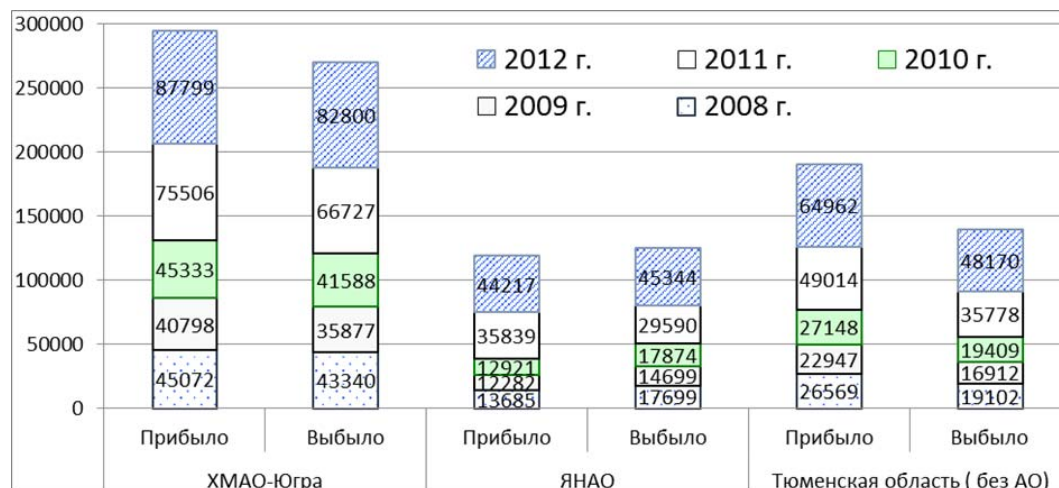

Рис. 4. Миграция в Тюменской области, 2008–2012 гг. (без внутрирегиональной миграции)

Источник: [3].

Хотя необходимо обратить внимание на то, что приезжает в Тюменский регион людей ненамного больше, чем уезжает. Это говорит о том, что миграционная ситуация в Тюменской области в целом консолидировалась, и в настоящее время воспроизводятся в основном те миграционные потоки, которые не мешают спокойно жить и работать местным жителям, позволяя им лишь мечтать о переселении в более благоприятные теплые места «Большой земли».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографические контуры регионов России / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: Экон-Информ, 2009. – 171 с.
2. Зайончковская, Ж. Миграция вышла из тени / Ж. Зайончковская // Отечественные записки. – 2004. – № 4.
3. Демографический ежегодник (2003–2013): Стат. сб. в 4 ч. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2013.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. – М.: Росстат, 2013.

УДК 37.034(571.122)
ББК 74.200.51(2Рос-6Хан)

Е. Н. Икингрин, Г. Г. Кругликова

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА

Нижевартровский государственный университет

E-mail: ikingrinen@mail.ru, krug-galina@yandex.ru

Статья посвящена анализу толерантности и интолерантности школьников Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. Рассмотрены факторы, влияющие на толерантность подростков.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, межнациональные отношения, традиции, социально-психологический климат, конфликты.

E. N. Ikingrin, G. G. Kruglikova

TOLERANT AND INTOLERANT BEHAVIOR OF SCHOOL CHILDREN IN THE NIZHNEVARTOVSK AREA

Nizhnevartovsk State University

The article deals with the analysis of tolerant and intolerant behavior of school children in the Nizhnevartovsk Area, Khanty-Mansiysk Autonomous District – Yugra. The Factors impacting tolerance in adolescents are considered.

Keywords: tolerance, intolerance, international relations, traditions, social and psychological climate, conflicts.

В статье «Россия: национальный вопрос» В. В. Путин писал: «Для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличе-

ния, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей

страны является гражданское и межнациональное согласие» [1].

В современных условиях экономической нестабильности, социального расслоения общества, размывания нравственных ориентиров, снижения культурных ценностей, с одной стороны и, ориентации на толерантность в различных областях жизнедеятельности человека – с другой, обостряется проблема взаимоотношений людей, и в этом плане поиск конкретных принципов, подходов и условий к целенаправленной организации воспитания толерантности прежде всего подрастающего поколения становится одной из важнейших задач общества, социальных институтов, отвечающих за духовное, нравственное развитие личности. В этой связи появилась потребность в проведении эмпирических исследований по проблеме толерантности в подростковой среде.

Проблема формирования толерантности в образовательном учреждении является в настоящее время одной из наиболее важных, поскольку социокультурные условия современного общества способствуют проявлению интолерантности как в межличностных отношениях, так и во взаимоотношениях развивающейся личности.

Для изучения толерантности в подростковой среде в мае 2013 г. в школах Нижневартовского района Ханты-Мансийского округа-Югры было проведено социологическое исследование, опрошен 381 учащийся 7–8 классов. Все вопросы анкеты так или иначе связаны с проблемой толерантности-интолерантности.

Для изучения социально-психологического климата среды, в которой находятся подростки, и ее влияния на толерантность учащимся были заданы два вопроса: «С каким настроением ты чаще всего идешь в школу?» и «Дайте, пожалуйста, характеристику вашему классу (какой он?)». С хорошим настроением идут в школу 32 % респондентов, с нейтральным – 59 % и плохим – 9 %. Если среди девочек с плохим настроением идут в школу 4 % опрошенных, то среди мальчиков – 13 %. У семиклассников на-

строение относительно школы хуже, чем у восьмиклассников. Относительно большее число учащихся с плохим настроением идет в школу в Излучинске (ОСШ № 2) (22 %), в Агане (21 %), в Покуре (18 %) и Чехломее (17 %) при среднем показателе – 9 %.

По данным опроса, в дружном классе учатся 47 % подростков, в не очень дружном – 44 % и совсем не дружном – 9 %. Самый недружный класс, по мнению учащихся, в Покуре (36 % опрошенных отметили, что они учатся в классе, в котором постоянно возникают конфликты между учениками). Показатель очень тревожный.

В дружном классе 76 % опрошенных считают себя терпимыми по отношению к другим национальностям (толерантными), в не очень дружном классе доля таких ребят составляет 71 %, в совсем не дружном – 54 %. Цифры говорят сами за себя, в недружных классах уровень интолерантности выше примерно в 1,5 раза.

Толерантность зависит от психологического состояния человека, об этом пишут многие исследователи-психологи, и это демонстрируют результаты исследования. Среди тех, кто с хорошим настроением идет в школу, считают себя толерантными 78 %, с нейтральным – 72 %, а среди тех, кто с плохим настроением идет в школу, считают себя толерантными лишь 49 % опрошенных.

Для замера уровня толерантности-интолерантности был задан вопрос «Есть ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?». Вопрос был открытым, респонденты без подсказки должны были написать национальности. Для удобства все ответы мы сгруппировали в варианты «нет, нету», «да, есть», «затрудняюсь ответить», «ничего не написали».

Практически каждый третий (30 %) респондент назвал национальности, которые ему в целом неприятны.

В табл. 1 даны ответы на вопрос: «С каким настроением ты чаще всего идешь в школу?» в зависимости от вопроса «Есть ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?».

Таблица 1

Влияние вопроса «С каким настроением ты чаще всего идешь в школу?» на вопрос «Есть ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?», %

С каким настроением ты чаще всего идешь в школу?	Если ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?				
	Нет, нету	Да, есть	Затрудняюсь	Не ответили	Итого:
С хорошим	57,9	20,7	0,0	21,5	100,0
С нейтральным	48,4	32,0	0,9	18,7	100,0
С плохим	29,4	55,9	0,0	14,7	100,0
В целом:	49,7	30,5	0,5	19,2	100,0

Данные в таблице говорят о связи социального-психологического самочувствия и уровня толерантности. Среди респондентов, которые с хорошим настроением идут в школу, 21 % ответил, что есть национальности, которые в целом им неприятны, среди тех, кто с нейтральным настроением идет в школу, таких 32 %, а среди идущих в школу с плохим настроением – 56 %.

Какие национальности наиболее неприятны учащимся? Более одной трети (38 %) ответивших на этот вопрос назвали ту или иную национальность и практически каждый пятый не ответил на этот вопрос. Следовательно, можно предположить, только половина подростков, считает, что нет национальностей, которые в целом неприятны учащимся. Больше всего не любят азербайджанцев и других представителей народов Кавказа.

Практически нет разницы в уровне толерантности у учеников 7 и 8 классов: 52 % опрошенных восьмиклассников ответили, что нет национальностей, которые им в целом неприятны, и также ответили 48 % семиклассников. Девочки более толерантны, чем мальчики. Если среди девочек 23% опрошенных ответили, что есть национальности, которые им в целом неприятны, то среди мальчиков таких 37 %.

Для замера уровня толерантности подросткам был задан вопрос «Приходилось ли тебе быть свидетелем или участником конфликтов между молодыми людьми разной националь-

сти?». Очень показательные ответы получены при рассмотрении этого вопроса с вопросом «Если ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?». Среди тех, кто никогда не был ни участником, ни свидетелем конфликтов между молодыми людьми разных национальностей, 22 % опрошенных ответили, что есть нации, которые в целом им неприятны, среди свидетелей конфликта – 34 %, среди участников – 58 %. Можно предположить, что достаточно большая часть учащихся готовы свои интолерантные установки перенести в конкретные поступки. Половина опрошенных подростков была или свидетелями или участниками конфликта на национальной почве.

В табл. 2 даны ответы на вопрос «Ощущаешь ли ты свою принадлежность к какой-либо национальности со своим языком, обычаями и традициями?» в зависимости от вопроса «Если ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?». Несколько парадоксально, но факт: среди тех, которые не самоиндицируют себя по национальному признаку, интолерантны 35 %, среди причисляющих себя к нескольким нациям – 29 %, а из тех, которые себя относят к определенной нации, интолерантны 27 %. Таким образом, наблюдается более высокий уровень толерантности среди учащихся, которые ощущают свою принадлежность к одной или нескольким нациям.

Таблица 2

Влияние вопроса «Ощущаешь ли ты свою принадлежность к какой-либо национальности со своим языком, обычаями и традициями?» на вопрос «Если ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?», %

Ощущаешь ли ты свою принадлежность к какой-либо национальности со своим языком, обычаями и традициями?	Если ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?				
	Нет, нету	Да, есть	Затрудняюсь ответить	Не ответили	Итого:
Да	52,2	26,7	0,6	20,6	100,0
Нет	48,3	35,0	0,0	16,7	100,0
Причисляю себя к нескольким национальностям	53,6	28,6	1,8	16,1	100,0
В целом:	51,1	29,8	0,6	18,5	100,0

Опрос показал также, что те, кто хорошо знает обычаи своего народа, более толерантны, чем те, кто их совсем не знает. Так среди хорошо знающих свои обычаи одна треть (31 %) респондентов отметила, что есть национальности, которые в целом им неприятны, а среди тех, кто совсем не знает свои обычаи, таковых 67 %, то есть в два раза больше.

На вопрос «Есть ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?» учащиеся разных школ ответили по-разному. Более трети опрошенных учащихся ответили, что нет национальностей, которые им в целом неприятны, в МБОУ Ваховской ОСШ (74 %), МБОУ Излучинской ОСШ ИОП № 1 (74 %) и МБОУ Ватинской ОСШ (70 %). Большое чи-

сло опрошенных указало на то, что есть национальности, которые в им в целом неприятны в таких школах, как МБОУ Покурская ОСШ (73 %), МБОУ Большетарховская ОСШ и МБОУ Чехломеевская ОСШ (по 67 %) и МБОУ Ларьякская ОСШ (63 %).

Данные, приведенные в табл. 3, свидетельствуют, что любой конфликт может перейти в конфликт межнациональный. Немного мень-

ше возможность перерастания конфликта между старшими и младшими молодыми людьми в межнациональный конфликт, по сравнению с конфликтом между «богатыми и бедными» и территориями (интолерантных по отношению к нациям – 51 % респондентов, участвующих в конфликте «старших-младших», 67 % – участвующих в конфликтах «богатые-бедные» и 66 % – в территориальных).

Таблица 3

Конфликты разного типа и есть ли национальности, которые в целом неприятны респондентам

Конфликт разного типа	Есть национальности, которые в целом неприятны в % к числу выбравших вариант «есть»			
	Никогда не был ни участником, ни свидетелем	Был(а) свидетелем	Был(а) участником	Назвали нации, которые неприятны
Приходилось ли тебе быть свидетелем или участником:				
– конфликтов между молодыми людьми из богатых и бедных семей	25,0	45,9	66,7	30,0
– конфликтов между молодыми людьми разной национальности	21,9	32,7	58,3	29,4
– конфликтов между молодыми людьми с разных территорий	25,1	29,5	65,6	30,1
– конфликтов между более старшими и младшими молодыми людьми	19,9	30,9	51,0	29,5

В целом, наибольшее число свидетелей или участников в конфликтах между старшими и младшими – 62 % опрошенных, из них 14 % являются участниками, доля которых от «свидетелей-участников» составляет 23 %. На втором месте по числу «участников-свидетелей» – межнациональные конфликты (50 % опрошенных), из них 10 % участников конфликтов. На третьем месте – конфликты между живущими на разных территориях: 37 % «свидетелей-участников» и 9 % участников, и на четвертом месте – число свидетелей и участников конфликтов между молодыми людьми: из богатых и бедных семей – 19 %, из них участников – 3,3 %.

Показательны результаты ответов на вопросы «Испытываешь ли ты дискомфорт, общаясь с представителями других национальностей?» и «Есть ли какие-либо национальности, которые тебе в целом неприятны?». Среди тех, кто испытывает дискомфорт 74 % респондентов назвали нации, которые им неприятны, а среди не испытывающих дискомфорт таких 23 %, среди затруднившихся ответить – 39 %. Доля интолерантных по отношению к нациям среди тех, кого раздражает, когда начинают говорить на другом языке, 54 %, доля интолерантных среди

тех, кому интересно и любопытно – 22 % опрошенных.

Итак, по результатам опроса считают себя интолерантными 12 % учащихся, 30 % назвали национальности, которые им в целом неприятны, 22 % ответили, что они испытывают раздражение, когда в его присутствии начинают говорить на другом языке. Каждый десятый (11 %) подросток испытывает дискомфорт, общаясь с представителями других национальностей. Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что интолерантен примерно каждый пятый подросток. В старших (9–11) классах картина такая же.

Данные опроса наглядно демонстрируют, что у детей всех национальностей есть друзья других национальностей. Относительно больше дружат с украинцами (хохлами), татарами, азербайджанцами. Парадокс в национальных отношениях в том, что, например, такие национальности, как азербайджанцы, таджики, с одной стороны, «не любят», а с другой – с ними дружит довольно большое число подростков.

Интересуются обычаями и традициями народов нашей страны, народов мира 57 % опрошенных подростков. 19 % опрошенных заяви-

ли, что это им не интересно, затруднились ответить 24 % подростков.

Результаты исследования по проблемам толерантности школьников Нижневартковского района подтверждают выводы многих ученых, что условия проживания большого числа этносов на ограниченной территории приводит к росту межэтнической напряженности. В связи с этим социально-психологические взаимодействия этнических групп часто приобретают конфликтный характер. Сегодня этническая нетерпимость уже является реальной формой проявлений кризисных трансформаций многонационального общества. Данные тенденции характерны и для Ханты-Мансийского округа-Югра. Поэтому, несмотря на то, что явных конфликтов в Нижневартковском районе практически нет, но напряженность межнациональных отношений среди подростков существует.

Достаточно большая часть учащихся готова свои интолерантные установки перенести в конкретные поступки. Результаты опроса наглядно демонстрируют необходимость комплексного решения этой проблемы: создание хорошей социально-психологической обстановки в классе, школе, поселке; изучение культуры национальностей, проживающих на территории муниципального образования, и культуры народов России и мира, рассказ на положительных качествах и обычаях присущих той или иной национальности, о национальных героях и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Путин, В. В. Россия: национальный вопрос / В. В. Путин. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

УДК 133
ББК 71.0

В. Н. Бадмаев

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА РОССИИ
КАК КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ**

Калмыцкий государственный университет

E-mail: badmav07@yandex.ru

Статья посвящена анализу социокультурного пространства Юга России как культурного пограничья. Отмечается, что категория транскulturации позволяет выстроить модель общероссийского цивилизационного поля.

Ключевые слова: культурная идентичность, транскulturация, диалог культур, Юг России.

V. N. Badmaev

**SOCIO-CULTURAL AREA OF THE SOUTH OF RUSSIA
AS A CULTURAL BORDERLANDS**

Kalmyk State University

This article analyzes the socio-cultural area of the South of Russia as a «cultural borderlands». It is noted that the category of transculturation model allows to build nationwide civilizational fields.

Keywords: cultural identity, transculturation, dialogue of cultures, South of Russia.

Социокультурное пространство России, характеризующееся полиэтничностью, многоконфессиональностью, условно можно представить в виде следующих культурно-конфессиональных составляющих – восточноевропейские регионы доминирующее и территориально и по численности населения (более 80 процентов населения страны), исламские (республики Северного Кавказа и Поволжья) и буддийские (Калмыкия, Бурятия, Тува) культурные анклавы. Следует отметить, что если православно-культурная составляющая вполне самостоятельна и идентифицирует себя как один из центров христианского мира, то остальные культурно-цивилизационные единицы (исламская и буддистская) имеют свои центры притяжения за пределами Российского государства. Они представляют собой интегрированные в Россию фрагменты других локальных цивилизаций. Их конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичности выходят за пределы российского социокультурного пространства. С распадом Советского Союза, с кризисом единой общесоветской идентичности цивилизаци-

онные различия регионов стали актуализироваться, а регионализация страны по признаку традиционной принадлежности к мировым религиям обретать особое значение.

Все это требует серьезного анализа происходящих в регионах России социокультурных процессов с целью предотвращения сценария «столкновения цивилизаций» и дезинтеграционных тенденций, представляющих угрозу территориальной целостности и национальной безопасности российского государства. Особое значение эти вопросы приобретают для тех регионов, которые в силу своего географического, пограничного месторазвития находятся на перекрестке взаимодействий цивилизаций, культур и в силу этого выступают в роли контактных зон, пространств, культурно-информационных «хабов». Для многих регионов России фактор приграничности становится актуально острым в контексте «форсайт-прогнозов» о практической неизбежности осыпания России по всему ее фронтиру. Пограничные пространства выступают промежуточной зоной, коммутирующей, транслирующей средой, сопричастной

как внешнему, так и внутреннему пространству. Историческая логика движения через пограничные регионы миграционных, этнокультурных, экономических, информационных потоков способствует снижению барьерных и усилению контактных функций территорий, где создаются новые практики взаимодействия с пограничными государствами, цивилизациями, культурами.

В данном контексте следует остановиться на следующих принципиальных моментах, требующих, на взгляд автора, как методологического уточнения, так и некоторой контекстуальной проработки при изучении социокультурного пространства Юга России.

Диалогичность социокультурного пространства России. Социокультурное пространство России характеризуется таким свойством, как диалогичность. Оно представляет собой не только сферу сосуществования различных культур и религий, но и возможность их диалогического взаимодействия. Причем речь идет именно о диалогическом сопряжении культур, входящих в евразийское культурное пространство, а ни в коем случае не о доминировании, поглощении одной культурой других.

Культурное пространство – это особый коммуникационный универсум, где коммуникации между локальными культурами осуществляются в процессе диалога между ними. При этом диалог, взаимопроникновение являются не только способами взаимодействия культур, но и непременным условием их развития. Наиболее ценным в диалоге культур является не область их смыслового совпадения, а, напротив, не пересекаемая по смыслу область культур, вынуждающая вести диалог между культурами в виде деятельности по переводу смысла и значения символов иной культуры на язык собственной. Действительно, без таких необходимых элементов, как различия, неповторимость, своеобразие, культурный диалог был бы бессмысленным, но при абсолютном различии он стал бы невозможным.

Пограничность социокультурного пространства России. Термином «пограничные культуры» обозначаются целостные общности, исторически сформировавшиеся на рубежах, границах между христианским, исламским, буддийским и языческим мирами и включающие в себя (в различных комбинациях) многие их элементы. Пограничные культуры – полиэтнические по преимуществу объединения, которые

складывались на протяжении многих веков в результате симбиоза – синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстоящих друг от друга культур. Особенность исторического опыта народов-носителей пограничной культуры заключается в повышенной способности к сосуществованию и взаимообогащению различных этносов, религиозных, социальных и иных групп.

Являясь гетерогенными по преимуществу, пограничные культуры обладают такими свойствами, как полиморфность, толерантность, лабильность, предрасположенность к энергичному восприятию, усвоению, к творческой переработке чужих культурных ценностей, готовность поделиться своими. Именно указанные свойства помогли народам-носителям этих культур играть роль своеобразных мостов между различными цивилизациями и культурами.

В этой связи Ю. М. Лотман отмечал: «Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обоим пограничным культурам, обоим взаимно прилегающим семиосферам. Граница би- и полилингвистична. Граница ... трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиосферу, оставаясь, однако инородными» [1, с. 262].

Границы – самый напряженный, конфликтный, смыслообразующий участок культурного пространства, определяющий отношения Свой-Чужой. Для пограничных культур свойственно не только столкновение разных культурных традиций, но и стремление к их симбиозу. Пограничье – это зона амбивалентностей, где понятия «свое» и «чужое» парадоксально пересекаются.

Транскультурность поликультурного пространства Юга России. В конце 1980-х годов в США формируется так называемое «пограничьеведение» (border studies), зародившееся как попытка осмысления прежде всего мексикано-американского культурного опыта, а затем разросшееся до крупной междисциплинарной области исследования. Важнейшим термином, которым оперируют исследователи пограничья, является «транскультурация». Транскультурация подразумевает включение не одной, а нескольких культурных точек отсчета, пересечение нескольких культур, курсирование между ними и особое состояние культурной потусто-

ронности – не там и не здесь или и там, и здесь, в зависимости от индивидуального переживания этого состояния. Транскультурация основывается на «культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры встречаются, но не сливаются, сохраняя свое право на «непрозрачность»» [2, с. 211]. То есть необходимо признание не только права на различия, но и права на непрозрачность, понимаемую не как закрытость внутри непроницаемой автократической культуры, но как утверждение своей особой сущности в рамках собственной уникальности. Непрозрачности могут взаимодействовать, сосуществовать, сплетаться в различные «кросскультурные узоры и букеты».

Какие же методологические подходы можно использовать в поиске моделей социокультурного развития региона, выстраивании концепции национальной идентичности в контексте поликультурного пространства Юга России? И есть ли какие-либо основания для этого?

Как представляется автору, да. Необходимо обратиться в данном контексте к наследию известного французского исследователя Ф. Броделя, одного из основоположников исторического подхода к проблеме французской национальной идентичности.

В книге «Что такое Франция?» Ф. Бродель так отвечает на поставленный им в заглавии вопрос: «Франция – это и множественное число, и единственное; ей присуща и тяга к разнообразию, и к единству... Больше, чем любая другая страна, Франция разрывается между этими двумя полюсами, и большинство ее пружин натянуто до отказа именно из-за этого внутреннего противоречия. Во многом эта особенность Франции объясняется ее географическим положением, в котором заложена идея слияния, встречи, перекрестка. Франция – это ловушка, где разным народам волей-неволей приходится смешиваться друг с другом» [3, с. 57].

На взгляд автора, данный методологический посыл Ф. Броделя вполне применим и для социокультурного анализа регионального пространства Юга России. Специфику социокультурного пространства Юга России как пограничной территории определяет доминанта многоликости, многообразия, которая преобладает над единством. Преобладание многообразия над единством обусловлено тем, что реальность пограничных пространств – постоянное и край-

не противоречивое взаимодействие различных культурных традиций и начал. При этом многообразие составляющих территорию элементов цементирует не какая-то одна национальная идея, пронизывающая собой все (которая может быть представлена во множестве этнических, культурных, языковых вариантов), а само взаимодействие разнородных начал выступает в качестве архетипа, лежащего в основе социокультурной системы региона. История региона свидетельствует о сочетании и переплетении основных типов межцивилизационного и межкультурного взаимодействия – противостояния, симбиоза и синтеза.

Калмыки в социокультурном пространстве России как явление транскультурации. Среди народов Юга России определенным образом отличаются калмыки, потомки кочевников, средневековых ойратов Джунгарии. Это единственные представители буддийской культуры на Юге России и на Европейском континенте в целом. В начале XVII века калмыки, совершив трансконтинентальный (позже ставший и транскультурным) переход из Азии в Европу, добровольно вошли в состав Российского государства.

В монголоязычном мире калмыки идентифицируются как оторвавшаяся часть, осколок большого азиатского культурного континента. Здесь следует отметить, что, согласно С. Хантингтону, народы могут пересекать границы континентов, но не цивилизаций, и будущее глобального мира имеет перспективу столкновений по линиям цивилизационных разломов. Выходец из Европы в Азии и выходец из Азии в Европе закрепляется ценой *утраты* (курсив мой. – В. Б.) своей исходной цивилизационной идентичности. Как же в данном контексте идентифицировать калмыцкий этнос, совершивший транскультурный переход из Азии в Европу и ставший единственным буддийским народом на европейском континенте? Как этнос, утративший свою исходную культуру или приобретший новую идентичность?

По мнению автора, более перспективным и эвристичным будет использование в анализе этнокультурной идентичности калмыцкого этноса таких динамичных категорий, как транскультурация, культурное пограничье.

В этом контексте калмыки предстают не как «этнос без культуры», а как «этнос между культурами», создавший и сохранивший свою самобытную (пограничную) культуру. Феноменальность позиционирования калмыков, кото-

рые, будучи классическим восточным (по антропологии, менталитету, языку, религии, культуре) народом, проживают в Европе на границе между большим христианским миром, с одной стороны, и мусульманским – с другой, может быть рассмотрена в контексте транскультурной теории.

Категория транскulturации позволяет выстроить модель общероссийского цивилизационного поля, основанную на признании равных прав за различными культурными и конфессиональными общностями. Она обеспечивает максимальное сохранение самобытности и возможность структурной адаптации народов к единому общероссийскому социокультурному пространству, выявление конструктивных принципов взаимодействия различных этнонациональных, конфессиональных и социокультурных групп, в ходе которого и возникает определенная степень взаимопонимания и принятия другого. Данная модель предполагает идею строительства полинациональной, поликультурной общности на основе двойной и не взаимоисключающей идентичности (культурно-этнической и государственно-гражданской), что представляется наиболее конструктивным и

перспективным в решении задачи строительства и укрепления Российского государства. Эта формула сложной, многомерной этнической и политической идентичности предусматривает стратегию постепенной деэтнизации государственности и деэтатизации этничности, не ставя под сомнение существующий институт этнотерриториальных, православные по генезису, составляющие этнокультурное ядро страны, автономий. Здесь подразумевается, конечно же, не становление некой обезличенной, по существу над-национальной общности, а обретение такого духовно-психологического состояния народов России, при котором их принадлежность к гражданам единого Российского государства будет играть все большую роль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лотман, Ю. Понятие границы. Семиосфера / Ю. Лотман. – СПб., 2000. – 704 с.
2. Тлостанова, М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности / М. В. Тлостанова // Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности : науч. альм. / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. – М., 2010. – С. 191–217.
3. Бродель, Ф. Что такое Франция? Люди и вещи / Ф. Бродель. – М., 1995. – 244 с.

УДК 37.017.92
ББК 71.4

Л. В. Щеглова, А. Ю. Клейтман

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: culture1@mail.ru

Статья посвящена изучению роли и задач культурологического образования в процессе становления феномена межличностного доверия

Ключевые слова: культурологическое образование, межличностное доверие, социальная солидарность, гуманизация образования.

L. V. Shcheglova, A. Y. Kleytman

HUMANISTIC POTENTIAL OF CULTURAL STUDIES IN THE FORMATION OF INTERPERSONAL TRUST

Volgograd State Pedagogical University

The article studies the role and tasks of cultural education in the process of formation of the phenomenon of interpersonal trust

Keywords: culturological education, interpersonal trust, social solidarity, education humanization.

В современном российском образовании сложно переоценить роль и значение дисциплин культурологического цикла. Формирование интеллектуально и этически развитого, способного к конструктивному взаимодействию и даль-

нейшему саморазвитию профессионала – важнейшая метазадача культурологии. Изменение различных сторон общественного сознания должно сопровождаться разъяснением подлинного понимания феномена культуры, развитием са-

морerefлексии, критического мышления, пониманием подлинного значения ценностей, добытых трудом и опытом жизни различных этнических, религиозных и других сообществ.

В большинстве европейских стран существовала традиция объединения науки и образования в университетах, соответственно и университетское образование предполагало ориентацию прежде всего на интеллектуалов [1, с. 308]. Однако информатизация и технизация общества, сопровождающаяся демократизацией социальной практики, привела в сфере образования к переориентации на подготовку не интеллектуала, а прежде всего специалиста и гражданина. Сегодняшняя ориентация на компетентностный подход предполагает возрождение уровня фундаментальной подготовки, несущего интеллектуальную и этическую нагрузку.

Одними из важнейших результатов высшего образования, безусловно, являются социализация и инкультурация, социокультурная идентификация личности, то есть самоопределение человека в современном культурном времени и пространстве, установление им своей социальной (в том числе профессиональной), этнической, политической, конфессиональной и другой идентичности [2, с. 307]. Эти процессы не ограничены рамками университетских аудиторий, но базовые знания об окружающем человеке социальном мире, механизмах культуры, системе норм и ценностей, которые регулируют жизнь общества, иерархии этих ценностей и тому подобное, являются предметом изучения культурологического блока. Но, пожалуй, совершенно особое значение культурологическое знание приобретает в рамках формирования в условиях университетского образования такого важнейшего социального навыка, как межличностное доверие.

Современный человек постоянно находится в ситуации выбора. Выбор жизненных ценностей, путей и стратегий поведения, идентичностей и способов самопрезентации. Доверие как базовая установка и условие существования общества как такового является своего рода невидимым клеем, залогом солидарности и конструктивного взаимодействия личностей. В переходные эпохи наряду со сломом традиционных представлений о человеке и его месте в бытии, ускорением социокультурного времени и наращиванием темпа исторических изменений происходит и переосмысление роли феномена доверия в жизненном мире современно-

го человека. Установка на подозрительность, недоверчивое отношение к окружающим людям как к *a priori* потенциальным врагам и недоброжелателям – закономерная плата современного человека за комфорт и кажущуюся безопасность индивидуалистического постиндустриального общества.

Масштабы социального доверия не являются само собой разумеющейся статичной величиной. Социальное доверие – сложный социальный феномен, символический по форме и конвенциональный по существу. Можно согласиться со словами Л. Гудкова, по мнению которого «накопленное, институционализированное доверие к неопределенно многим другим, партнерам или участникам социальных взаимодействий является важнейшим показателем социального капитала данного общества, его способности к самоорганизации... доверию обучаются, оно входит в качестве составной части в общую систему социализации» [3, с. 41]. Иначе говоря, человек традиционного общества доверяет только своим, тем, кому предписано доверять в соответствии с традицией или обычаем, в то время как человек в современном обществе доверяет другим в соответствии с обобщенными правилами взаимодействия, заданными преобладающими в данном обществе социальными институтами. Чем более сложно устроено общество, тем сложнее и вариативнее взаимосогласованы зоны, уровни и модусы социального доверия. Психологическое (спонтанное, эмоционально насыщенное) доверие другому человеку принципиально отличается от доверия социально инспирированного, институционально закрепленного в культуре и транслируемого посредством системы образования, в первую очередь образования социогуманитарного.

Современное общество как никогда остро нуждается в доверии на всех уровнях. Сейчас можно констатировать процесс разложения российской духовности и самобытности, и не последнюю роль в этом играет фактор доверия, дефицит которого ощущается во всех сферах общественного и индивидуального бытия. Доверие, отражающее характер и тенденции развития общества, уровень его солидарности и конфликтности, является категорией динамичной, изменяющейся в соответствии с доминирующими тенденциями общественного развития в области социально-экономических, политических, культурных отношений. Особенно

это характерно для обществ трансформационного типа, в которых происходит конструирование нового социального порядка, а критическому осмыслению подвергается все то, что считалось незыблемым и истинным прежде. В обществе трансформационного типа складывается специфическая социокультурная ситуация, характеризующаяся тем, что старый мир активно разрушается, присутствует четкое понимание того, что возврата к нему уже нет, но видение нового мира еще не сложилось и к чему придет общество в результате трансформации с высокой точностью достоверности ответить невозможно.

Безрадостное или горькое восприятие современности смешивается ностальгией по изрядно идеализируемому прошлому [4, с. 63]. Навязанная свыше реформация, неконгруэнтность заведомо популистских лозунгов об истинной демократии и насущное положение дел в стране надолго обосновали в сознании людей неблагоприятность, отчуждение по отношению к полярно стоящим к ним частям социума (как в горизонтальной плоскости – к власти, так и горизонтально параллельной им плоскости – к людям с иным мировоззрением, жизненными принципами).

Исследования ИС РАН четко продемонстрировали, что в российском обществе на современном этапе присутствуют несколько типов мировоззрения, в соответствии с которыми россияне разделились на традиционалистов и модернистов, а также тех, кто не смог определиться в своих мировоззренческих установках (так называемый смешанный тип, воплощающий в себе коллективистские и модернистские, индивидуалистические ценности) [5, с. 161]. Как видно, в России на данный момент времени присутствуют ценностные системы, противоположные по своей сути и социокультурному типу, следствием этого является нетолерантность взаимодействия людей и социальных групп, отличных друг от друга, нетерпимость их волеизъявления.

Можно согласиться с утверждением П. М. Козыревой, согласно которому проблема доверия непосредственно связана с развитием стабилизационных и интеграционных процессов, крайне необходимых российскому обществу. Основными содержательными моментами стабилизационной политики являются сплочение различных групп и слоев населения, гармонизация социально-экономических и социально-

политических интересов, предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам общественной жизни, налаживание сотрудничества и тесного взаимодействия всех соперничающих политических сил. Безусловно, важнейшее значение в этом процессе имеет система высшего образования, в первую очередь гуманитарного. Все последние годы сознание россиян находилось под мощным прессом разрушительных, деструктивных процессов, провоцирующих рост неудовлетворенности различными сторонами жизни, вызывающих массовое недовольство, усиливающих разобщенность и снижение доверия. Сейчас от недостатка доверия страдают как отдельные люди, так и все общество. В периоды таких коренных общественных преобразований и обострения конфликтов поиск новых путей повышения доверия приобретает особую актуальность [6, с. 44].

На взгляд авторов, именно дисциплины культурологического цикла открывают широкие перспективы в развитии личности современного профессионала. Они не только формируют корпус специальных знаний, но интенсивно содействуют развитию личности молодого специалиста, реализуя творческий потенциал, способность к саморефлексии, самостоятельности, стимулируя инновационное мышление, оказывая влияние на жизненные ориентиры человека. Именно это определяет стратегию развития высшего образования в России. Культура становится основой подготовки специалиста, так как открывает широкие возможности для изучения духовного наследия, дает ориентир в жизни современного общества, определяет вектор интересов и мировосприятие личности.

Культурология помогает систематизировать исторические и гуманитарные знания, осмыслить взаимосвязь явлений общественной жизни в едином контексте, раскрыть единство и целостность мировой цивилизации, состоящей из множества уникальных этнокультурных общностей. Знание культурологии существенно для достижения духовной зрелости, для формирования способности мыслить о социальных и человеческих проблемах с научных позиций, для умения считаться с плюрализмом мнений и ценностей, для воспитания в человеке способности доверять другому, доброжелательности, гуманности, милосердия и благородства. Создание атмосферы глубокого уважения к куль-

туре народов, стремление к взаимопониманию и сотрудничеству способствуют утверждению гуманизма в отношениях между людьми, развивают чувство ответственности за исторические судьбы мировой культуры.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что доверие как базовый экзистенциальный феномен человеческого бытия является важнейшим механизмом социального взаимодействия и социально-психологической установкой на общность представлений, ценностей и культурных идеалов. Различные уровни доверия в обществе (социальный и межличностный) являются значимым фактором социального капитала и обеспечивают возможность нормального функционирования и воспроизводства общества, а культура доверия, формируемая в современном образовательном процессе во многом благодаря культурологическим дисциплинам, является залогом нормальной жизнедеятельности гуманистического устройства общества в целом.

УДК 316.4
ББК 60.59 (Рос. Калм)

И. В. Лиджиева

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЛМЫКИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

E-mail: irina-lg@yandex.ru

В статье на основе анализа результатов мониторинга этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия рассмотрено этнокультурное пространство в контексте миграционных процессов.

Ключевые слова: этнокультурное пространство, межнациональные отношения, миграция, национально-культурные общественные организации.

I. V. Lidzjeva

ETHNO-CULTURAL SPACE OF KALMYKIA IN THE CONTEXT OF MIGRATION PROCESSES

The Kalmyk Institute for Humanities research of the Russian Academy of Sciences

In article on the basis of the analysis of the results of ethno-confessional and inter-cultural interaction in the Republic of Kalmykia considered ethno-cultural space in the context of migration processes.

Keywords: ethno-cultural space, interethnic relations, migration, national-cultural public organizations.

В условиях глобализации мирового сообщества расширяются возможности для интенсивного взаимодействия народов и интернационализации культур. Глобализация содействует не только перемещению людей из одной части земли в другую, но и возникновению коллизий между представлениями людей, принадлежащих к разным культурам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Щеглова, Л. В. Ценности и цели в преподавании культурологи / Л. В. Щеглова // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему: Программа: тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС. АСТЕРИОН, 2008. – 560 с.
2. Гончаров, С. А. Роль культурологии в инновационном образовании / С. А. Гончаров // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему: Программа: тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС. АСТЕРИОН, 2008. – 560 с.
3. Гудков, Л. Доверие в России: смысл, функции, структура / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 2(112). – С. 8–42.
4. Хоскинг, Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза / Дж. Хоскинг; пер. с англ. // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 4. – С. 59–69.
5. Красилова, А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе / А. Н. Красилова // Мир России. – 2007. – № 4. – Том XVI. – С. 160–180.
6. Козырева, П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала / П. М. Козырева // Социс. – 2009. – № 1. – С. 43–54.

Калмыцкая степь, расположенная на перекрестке цивилизаций – Европы и Азии, стала своеобразной платформой, где исторически происходили процессы взаимодействия различных культур и религий. Мигранты не только осваивались на новых землях, но и распространяли среди других народов свои ценности, при этом заимствовав элементы духовной и ма-

териальной культуры у автохтонных народов. В современный период разные этнические общества как носители определенных культурных традиций осознают необходимость поиска наиболее адекватных способов для успешной адаптации и достижения взаимопонимания. Как было отмечено главой республики А. Орловым, «Калмыкия всегда являлась и является регионом стабильности на Юге России, где в мире и согласии проживают представители разных национальностей, религиозных конфессий» [4, с. 2]. Республика Калмыкия – один из многонациональных субъектов Российской Федерации, на территории которого проживают представители более 60 национальностей, из них 162,7 тыс. калмыков (56,2 %), 85,7 тыс. русских (29,6 %) и 50,1 тыс. представителей других национальностей (14,2%) [6, с. 22]. Тем не менее ряд авторов отмечает: «Республики Северного Кавказа: Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Северная-Осетия-Алания, Чеченская республика,... где происходит вытеснение нетитульного населения, что ведет к формированию мононациональных образований» [1, с. 172–173].

За последние десятилетия Республика Калмыкия, в которой были сохранены мир и спокойствие в самые сложные годы новейшей истории России, становится миграционно привлекательным регионом, о чем свидетельствуют данные о национальном составе населения и положительной динамике числа прибывающих в Республику Калмыкия за последние годы. Согласно данным отдела Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия, численность иностранных граждан, прибывающих на территорию субъекта, имеет тенденцию ежегодного роста в среднем на 25,6 %. Так, если в 2009 г. было зафиксировано 6511 человек, в 2010 г. – 7229 человек, в 2011 г. – 10492 человека и в 2012 г. – 11888 человек. За последние годы наибольшую долю поставленных на миграционный учет составляют граждане бывших союзных республик СССР (58,8 %), из них: граждан Республики Узбекистан – 25,7 %, Республики Казахстан – 10,1 %, Азербайджанской Республики – 7,8 %, Украины – 7,4 %, Республики Таджикистан – 4,1 %, Республики Армения – 3,3 %, Киргизской Республики – 1,7 % [2].

Динамичность этнокультурных процессов современного российского общества, включенного в процессы глобализации, а также потребность в управлении и оптимизации межнацио-

нального и межкультурного взаимодействия актуализируют необходимость разработки на региональном уровне политики, исходным пунктом которой является мониторинг социального самочувствия населения и характера межнациональных отношений. Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, задачей научного сообщества является своевременное выявление факторов, которые могут вызвать напряженность в сфере этнокультурного взаимодействия. Такая постановка проблемы определила содержательную направленность социологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий по теме «Этноконфессиональное и межкультурное взаимодействие в Республике Калмыкия». Объектом исследования выступили представители этносов, проживающих на территории региона, в возрасте от 18 лет и старше. Для сбора первичной информации использовались методы анализа документов и массового анкетного опроса. Выборка массовых опросов проектировалась как территориальная и квотная по полу, возрасту и национальности в соответствии со Всероссийской переписью 2002 и 2010 гг. Объем выборки в 2011 г. составил 386 чел., в 2012 г. – 386 чел., в 2013 г. – 509 чел.

Согласно результатам социологического опроса, если в 2012 г. только 37,0 % респондентов оценивали межнациональные отношения в республике в целом как благоприятные, то в 2013 г. – 44,4 %. Интересен тот факт, что в 2013 г. такого мнения придерживались 64,9 % калмыков, что почти в два раза больше, чем в 2012 г. Можно предположить, что рост данного показателя вызван прежде всего сдвигами в решении социально-экономических проблем в регионе, подтверждением чему является более высокий показатель благоприятной оценки сельскими жителями, нежели городскими. Между тем незначительная тревога в данной сфере сохраняется у лиц в возрасте 18–29 лет, большинство из которых (57,4 %) оценивает межнациональные отношения в республике как стабильные, но не беспроблемные. Как благоприятные оценивают межнациональные отношения в регионе 44,2 % русских (в 2012 г. – 34,6 %), 43,3 % представителей других национальностей (50,8 % – в 2012 г.). О преобладании гармоничных отношений между разными народами, проживающими на территории республики, свидетельствуют продолжающие снижаться пока-

затели оценки межнациональных отношений как «напряженных, тревожных».

Динамика оценки межнациональных отношений респондентами в месте своего проживания в 1999–2013 гг. показывает, что максимальный уровень положительных оценок респондентов в местах своего проживания приходится на начало 2000-х гг. и 2013 г., которые характеризуются относительной стабильностью, в отличие от переходного периода конца XX в. и периода преобладания посткризисных тенденций.

Следует предположить, что позитивные сдвиги в оценках состояния межнациональных отношений в регионе также связаны с реализацией национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» (Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.), который реально обеспечивает решение проблем роста занятости и доходов населения, его расселения и реализации самоуправления, развития инфраструктуры. Создание благоприятных условий для развития этого сектора связано с субсидированием кредитов, организацией закупок продукции на местах, поставкой сельскохозяйственной техники на условиях лизинга и т. д. При этом существует риск возникновения общеэкономического кризиса по причинам ресурсо-экологического характера, то есть из-за чрезмерного давления на экосистемы традиционных видов хозяйственной деятельности, что в конечном итоге отразится на состоянии межнационального взаимодействия в республике.

Хозяйственная система южного макрорегиона значительно стратифицирована, ее укрупненные сегменты исторически складывались под влиянием этнокультурных, ресурсных, коммуникационных, природных и других факторов. Геоклиматические условия обусловили специализацию Калмыкии как животноводческого сектора на Юге России [3, с. 94].

Положительно относятся к увеличению численности представителей других национальностей в республике 32,0 % опрошенных, что на 8,7 % больше, чем в 2012 г. Но при этом 34,1 % сельских жителей не одобряют процесс миграции на территорию республики. Следует предположить, что именно мигранты (в основном представители этнических групп Северного Кавказа, для которых животноводство явля-

ется характерной отраслью хозяйствования) становятся конкурентами на рынке труда. Рост численности внешних мигрантов привел и к увеличению конкуренции в строительстве, торговле и сфере услуг. В условиях безработицы данный процесс может послужить катализатором негативных явлений в сфере межнационального взаимодействия.

Между тем к миграции положительно относятся 55,3 % респондентов с неполным средним образованием, и только 27,5 % – с высшим. На взгляд автора, проявление толерантности со стороны первой группы в данном случае связано с недопониманием сущности экономических закономерностей. При этом подавляющее большинство респондентов готово принять человека другой национальности как гражданина государства, делового партнера, коллегу по работе, соседа и друга. В то же время представителя другой национальности как члена семьи рассматривают одинаково стабильно и в 2012 г., и в 2013 г. 55 % респондентов. Более консервативны в этом вопросе респонденты мужского пола, проживающие в сельской местности, как калмыки, так и представители других национальностей. Можно предположить, что такие настроения связаны со стремлением к сохранению своего народа в полиэтническом пространстве. Традиционализм в семейно-брачных отношениях характерен для респондентов данной группы, что еще раз объясняет консервативность взглядов по данному вопросу. Сложившееся положение еще раз подтверждает гипотезу о влиянии социально-экономических причин на межнациональные отношения.

В ходе межкультурного взаимодействия мигранты и представители принимающего общества сталкиваются с проблемой адекватного взаимопонимания. Барьеры межкультурного общения могут быть преодолены на основе формирования межкультурной компетентности участников диалога. Отсюда возрастает роль национально-культурных общественных объединений (НКО), которые являются одним из принципиально важных субъектов этнокультурного пространства региона направленных на формирование межкультурной компетентности. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, в Республике Калмыкия зарегистрированы 9 НКО, основными направлениями деятельности которых в Калмыкии являются: приобщение жителей республики к культурным ценностям народов, проживаю-

щих на территории региона; возрождение, сохранение и развитие национальной культуры и традиций своего народа; изучение родного языка; оказание правовой, социальной и иной поддержки представителям своей диаспоры; установление контактов с исторической родиной [5]. На территории региона также активно действуют и незарегистрированные НКОО, которые вносят свой вклад в создание этнокультурного облика республики.

Был проведен опрос экспертов, в качестве которых выступили представители органов власти, национальных культурных и религиозных организаций, СМИ и научной общественности. 66,7 % экспертов указали на то, что НКОО оказывают содействие в гармонизации межнациональных отношений в республике, 33,3 % опрошенных затруднились ответить. Абсолютное большинство экспертов согласно с мнением о том, что взаимодействие НКОО с органами власти влияет на ситуацию в сфере межнациональных отношений. 53,3 % экспертов оценивают это взаимодействие как эффективное, двустороннее, 40 % считают, что оно ограничивается лишь обменом общей информацией. В качестве новаций взаимодействия органов власти и управления с НКОО необходимо выделить поддержку проектов и программ, инициируемых национально-культурными объединениями, которые осуществляются через бюджетное финансирование, гранты, социальный заказ. В этих условиях актуализируется задача оптимизации государственной политики, направленной на интеграцию этнических диаспор в социокультурное пространство республики.

Таким образом, анализ статистических и социологических данных, полученных в ходе исследования, свидетельствует о том, что этнокультурное пространство в Республике Калмыкия характеризуется относительной стабильностью при наличии небольшого уровня тревожности населения. По мнению автора, беспокойство связано с социально-экономическими и бытовыми причинами, которые обусловлены ростом миграционных процессов на территории Калмыкии. Данное явление можно объяснить межнациональной стабильностью региона, этнической толерантностью старожилов как части населения, территориальной привлекательностью, животноводством как основной отраслью экономики. Все это, в свою очередь, ведет к росту конкуренции на региональном рынке труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографические контуры регионов России / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: Экон-Информ, 2009. – 174 с.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности отдела Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия на 2012 год и плановый период 2013, 2014 и 2015 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.fms08.ru/>
3. Матишов, Г. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Г. Г. Матишов, Л. В. Батиев, Д. Г. Котеленко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. – Т. II. – 176 с.
4. Межнациональное согласие – это диалог и кропотливая работа // Элистинская панорама. – 2012. – № 11(1791). – 25 января.
5. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://unro.minjust.ru/>
6. Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2012: Стат. сб./ Калмыкиятат. – Элиста, 2012. – 299 с.

УДК 008
ББК 71

Я. С. Полякова

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Волгоградская государственная академия физической культуры

E-mail: polyakova93@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблемы культурно-цивилизационной идентичности и цивилизационному выбору России в современных условиях.

Ключевые слова: культурно-цивилизационная идентичность, самоидентификация, неоевразийство, многополярный мир.

Y. S. Polyakova

THE PROBLEM OF THE CULTURAL-CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIA IN THE NEW CONDITIONS

Volgograd State Academy Of Physical Culture

The article is devoted to problems of cultural and civilizational identity, and civilizational choice of Russia in modern conditions.

Keywords: cultural and civilizational identity, identity, neo-eurasianism, the multipolar world.

Проблема культурно-цивилизационной самоидентификации, цивилизационного выбора России в современных условиях – одна из актуальных проблем как научного дискурса, так и социально-политической практики. После крушения социализма, распада СССР и выбора нового пути развития российское общество переживало глубокий кризис идентичности, обусловленный разрушением базовых основ социального бытия, идейных ориентиров, духовно-нравственных ценностей, снижением авторитета и роли российской культуры в общемировом цивилизационном процессе. Модернизация российского общества, построение рыночной экономики поставили Россию перед сложным выбором, нередко принимающим альтернативный характер: между либерально-демократическими преобразованиями и модернизацией страны, с одной стороны, и сохранением культурной самобытности и традиционных основ бытия – с другой. Последние десятилетия характеризуется активным поиском ответов на проблемы культурно-цивилизационной идентичности российского общества, вариантов и форм социокультурного развития России, ее вхождения в общемировую культурно-цивилизационный процесс, а в связи с этим уточнением ее места и роли в мировой культуре.

Проблема культурно-цивилизационной идентичности России является чрезвычайно актуальной для нашей страны на протяжении около двух веков. Особенности России – геополитический фактор, полиэтнический состав, поликонфессиональность, менталитет народа, перипетии и коллизии исторического развития – все это усложняло процессы самоидентификации и на каждом новом витке истории актуализировало проблему заново. В постсоветском пространстве проблема культурно-цивилизационной самоидентификации актуализирована и обострена вступлением России на новый путь развития и происходящей вследствие этого радикальной трансформацией российского общества.

На протяжении последних двух столетий по вопросу о цивилизационной принадлежности России, о ее культурном своеобразии, месте и роли в мировой культуре, а также о путях и формах ее дальнейшего развития были высказаны десятки точек зрения; излишне воспроизводить их все, рассмотренные подходы можно обобщить в следующие основные точки зрения по вопросу о культурном своеобразии России: 1) Россия представляет собой часть восточно-

европейской (славянской) цивилизации, основу которой составляет православие; 2) Россия – часть европейской (западной) цивилизации, находящаяся, однако, в состоянии недостаточной развитости, но способная ее преодолеть; 3) Россия есть Востоко-Запад, в ней синтезированы восточное и западное начала, вследствие чего она выступает мостом между Востоком и Западом: «это восточные ворота Запада и одновременно западные ворота Востока»; 4) фактически та же позиция, но несколько с иными акцентами: Россия – евразийская страна, в ней осуществлен синтез европейского и азиатского начал (Россия – это и «Европа в Азии», и «Азия в Европе»), но она отлична от Европы и Азии как таковых, взятых в их чистом виде, Россия есть нечто третье, являясь уникальной цивилизацией; 5) Россия – гетерогенная цивилизация, в ней осуществлен творческий синтез различных цивилизационных начал, порождающий «одновременно и ее силу, и ее слабость» (фактически: 3)+4)) [1, с. 27–28].

Вполне очевидно, что культурно-цивилизационная природа России определяется и оценивается неоднозначно. Необходимо проанализировать эту проблему в трех аспектах: с точки зрения современной научной мысли, массового сознания и политической практики. Одни мыслители (А. Г. Дугин, А. С. Панарин, В. И. Пантин и др.) считают Россию «евразийской цивилизацией», подразумевая ее двойственную природу, а тем самым подчеркивая ее роль как промежуточного, связующего звена между Востоком и Западом в рамках евразийского континента. Здесь не идет речь о классическом евразийстве, разработанном русскими эмигрантами в 20–30-х гг. прошлого века, акцентирующем азиатское начало России. В современных – неоевразийских – вариантах евразийских концепций акцентируется двойственная (гетерогенная, синтетическая) природа российской цивилизации. Необходимо отметить, что по своему содержанию неоевразийство довольно неоднородно [1; 2; 3]. Позиция В. И. Пантина несколько отлична от неоевразийства, он называет Россию не евразийской, а евроазиатской цивилизацией, ибо термин «евразийский» подспудно отождествляет Россию со всем материком Евразия [3, с. 99–100, 109]. Другие исследователи (А. Н. Ильин, О. А. Платонов, Н. Н. Моисеев, Л. В. Мантатова) акцентируют уникальность русской «духовной цивилизации», в которой всегда было сильно духовно-нравственное на-

чало, и противопоставляют ее западному потребительскому обществу [4]. Третьи исследователи (новые «западники»: А. С. Ахиезер, И. Клямкин, Б. Н. Миронов, И. Яковенко) подчеркивают европейский характер России, ее принадлежность к европейской (западной) цивилизации [5; 6]; более того, считают, что самоидентификация России в качестве европейской страны, как и признание ее «европейскости» со стороны всего мира и включение ее в Европу – «принципиально важный момент для России в настоящее время» [6]. «Обретение Россией европейской идентичности, ее интеграция в западное цивилизационное целое, – подчеркивают авторы коллективного труда, – соответствует ее стратегическим интересам не меньше, чем интересам самого Запада» [5, с. 706]. Четвертые исследователи (А. А. Зиновьев, Л. И. Семенникова) отрицают не только в настоящем, но и в прошлом существование особой российской цивилизации [7].

Наблюдается разброс и в общественном сознании: россияне оценивают свою страну по-разному; существуют различные образы идентичности: «новая российская», «европейская», «евроазиатская» и др.; многие вообще затрудняются ответить на вопрос: «Кто мы?» [8, с. 57]. В этом отношении заслуживают внимания данные, полученные в ходе общероссийского социологического исследования под названием «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?», проведенного Институтом социологии РАН; исследования проводились трижды (1998, 2004 и 2007 гг.), что позволило выявить динамику национальной и культурно-цивилизационной самоидентификации различных социальных групп россиян. Результаты, полученные в ходе исследования, показали сдвиги в общественном сознании по вопросу о природе российского общества и отношения к Западу и Востоку. Показательно, что образы идентичности России (Запад – Евразия – Восток) в восприятии граждан менялись, но стабильным оставалось доминирование «евразийского варианта», что говорит о том, что большинство россиян идентифицирует свою страну с Евразией [9, с. 83–85].

Как показывают данные социологического мониторинга массового сознания, проведенного Институтом социологии РАН на протяжении ряда лет, в российском обществе происходил процесс смены ценностей и ориентиров, в ходе которого менялся не только образ самой Рос-

сии, но и восприятие других стран. Отношение почти ко всем странам претерпело заметное охлаждение, но особенно резко и быстро изменились отношения россиян к Западу и в особенности к США. Если первая половина 1990-х гг. была временем увлечения Западом и перспективами вхождения в «цивилизованное сообщество», построения либеральной демократии, то уже в середине 1990-х гг. в массовом сознании постепенно утвердилось мнение, что западный путь для России не подходит, и все более укреплялась убежденность в особом пути развития России и непреходящей ценности ее социокультурной самобытности. И если еще до конца 1990-х гг. уровень симпатий к западным странам оставался высоким, то в 2000-е гг. образ Запада в сознании большинства российских граждан приобрел негативный оттенок вследствие убежденности в недружественной позиции западных стран по отношению к России. Среди важнейших факторов изменения отношения к Западу со стороны россиян соответственно расположились: стремление Запада навязывать России свое понимание демократии; расширение НАТО на Восток и попытки достичь военного перевеса; попытки западных стран переписать историю Второй мировой войны и др. [9, с. 86–90].

Аналогичные данные получены в ходе опросов, проведенных ФОМ и ВЦИОМ. В 1999 г. 60 % респондентов считали Россию особой страной, по своей культуре и традициям не похожей ни на Европу, ни на Азию; по мнению 23 % опрошенных, Россия сочетает в себе черты Европы и Азии и только 9 % респондентов признавали Россию европейской страной. В 2007 г. (согласно опросу, проведенному «Левада-Центром») 74 % респондентов полагали, что Россия – это евразийское государство, у которого собственный исторический путь развития, 11 % опрошенных считали Россию частью Запада и что она должна стремиться к сближению с ним, 7 % респондентов склонялись к тому, что Россия – это восточная страна и она должна ориентироваться на сотрудничество с азиатскими соседями, остальные (8 % опрошенных) затруднялись ответить [10, с. 34–35; 11; 12].

Первое, что обращает на себя внимание при анализе данных социологического мониторинга общественного сознания, это то, что признание России евразийской цивилизацией преобладает над мнением о ее европейской природе. Полученные данные позволяют сделать вывод, что,

по мнению большинства россиян, *Россия не является чисто европейской (западной) страной*, и попытки вестернизировать ее, мягко говоря, идут вразрез с общественным мнением. Согласно данным тех же опросов, *«многие россияне не считают западный вариант общественного устройства универсальным» и пригодным для России*: 37 % респондентов полагали, что западный вариант общественного устройства совершенно не подходит для России, 30 % – «не вполне подходит для российских условий и вряд ли может прижиться в России», 15 % – «его можно приспособить для российских условий» и только 4 % опрошенных считали, что «это универсальный образец общественного устройства, который целиком подходит для российских условий» [10, с. 36; 12]. Согласно данным опроса ВЦИОМ 2010 г., большинство респондентов (38 %) считает, что «Россия не является в полной мере европейской страной; это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее интересов будет смещаться на Восток» [13, с. 17].

Итак, согласно данным социологических исследований, большая часть россиян считает, что у России должен быть *«особый путь развития»*. Как неоднократно отмечалось в публикациях, процессы самоидентификации в современном российском обществе выступают в качестве своеобразного индикатора, позволяющего судить о характере и векторе развития современного общества, происходящих в нем процессов. Разные «образы России» детерминируют принципиально различные сценарии развития нашей страны и по-иному конструируют ее будущее, что принципиально важно. Например, цивилизационная парадигма с ее акцентом на особый характер российской цивилизации ориентирует на особый путь развития России и сохранение ее самобытности [2, с. 426–432, 450–453], а модернизационная парадигма с ее акцентом на европейскость России – на ее включение в Европу [6]. На взгляд автора, партнерство с Европой, бесспорно, важный стратегический момент в геополитике России (как, впрочем, и с Азией, ибо гетерогенная природа России, ее промежуточное положение на стыке между Западом и Востоком обуславливает к этому, а потому она призвана быть «мостом между Европой и Азией»), но относить Россию к западноевропейской цивилизации – и это уже другой вопрос, – как представляется, неправомерно. Да, у нас много общего с европейской

культурно-цивилизационной парадигмой: форма государственности, правовой системы, образование, наука и т. д., но это сходство больше внешнее, формальное. Архетип же культуры, ее ментальность – принципиально различны и даже противоположны в некоторых моментах, и их можно описать в антиномичной форме: рационализм – иррационализм, индивидуализм – коллективизм, утилитаризм – бескорыстность и т. п.

Поиск культурно-цивилизационного самоопределения России идет разными путями и в разных формах, соперничают различные модели ее культурной идентичности. На сегодняшний день в научном и политическом дискурсе сложились три основных модели дальнейших путей и форм социокультурного развития России, выбора ею цивилизационной идентичности: 1) *западная либерально-демократическая* (неолиберальная); 2) *постсоветская «почвенническая»*, отстаивающая самобытный путь развития России; к ней относятся, в частности, сторонники имперской идеологии и коммунисты; 3) *синтетическая* (в том числе евразийская), отстаивающая *«особый путь»* российского развития; ее, в определенной степени, можно назвать компромиссной.

Каждая из этих моделей не только по-разному идентифицирует Россию, но и конструирует ее будущее по-иному. Сторонники первой модели аргументируют свой выбор европейской природой российской культуры, длительным движением России по западной модели и ее постепенной конвергенцией с Западом. Эта модель развития видится им универсальной, единственно прогрессивной (пресловутый европоцентризм!) и жизнеспособной, на которую должны ориентироваться все страны, и следование по этому пути в фарватере Запада признается единственно правильным путем для России. Сторонники второй модели, которых, в зависимости от угла зрения, называют и консерваторами, и истинными патриотами, и националистами, обосновывают свою платформу уникальностью российской социокультурной традиции, ее большим нереализованным потенциалом, прочным духовно-нравственным началом, издавна присущим русскому менталитету. Ну и, наконец, сторонники синтетической модели («неоевразийства» или «особого пути» развития), как представляется, пытаются диалектически сочетать собственное начало российской традиции, ее самобытность, с запад-

ным началом или, что, почти то же самое, с глобализационными процессами, происходящими в мире.

Характерно, что концепт «*особого пути*» развития России приобретает все большее распространение и популярность среди россиян, являясь альтернативой как радикальному либерализму российской чиновничье-олигархической элиты, так и советской идентичности сторонников коммунистической идеологии. Эта позиция является выражением активных поисков различными слоями российского общества новой идентичности, поиска оптимального национального варианта российской модернизации, учитывающего ее культурно-цивилизационные особенности, ценности и исторический опыт. Следует отметить, что для большинства сторонников «особого пути» России не характерны антизападнические и изоляционистские тенденции. Эта модель есть реализация *стратегии саморазвития* – пути цивилизационного развития на основе возрождения и совершенствования собственных социокультурных форм; модель цивилизационного развития, во многом корректирующая западный путь прогресса, осуществляющая синтез лучших достижений Востока и Запада.

Что касается либерально-демократической модели, основанной на культе частного интереса, предпринимательства и меркантилизма, то автору представляется правильным мнение, что она не вписывается органически в российскую действительность, российский менталитет, а только в определенные слои российского общества, «хорошо адаптированные к рыночной экономике», то есть олигархические круги и некоторую часть политической элиты. Менталитет русского человека в корне отличен от западного: если западный человек рационален, то русский – в большей мере иррационален; если на Западе доминирует дух материализма, потребительства и вещиизма, то в России всегда была ярко выражена духовная доминанта (примечательно, что это отмечали и сами западные мыслители, подчеркивая, что именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе вследствие утилитаризма и меркантилизма, и задача России – в особой духовной миссии, в том, чтобы «вернуть душу миру» [4]); если западный человек утилитарно-прагматичен, то российский – нерасчетлив, бескорыстен; если на Западе доминирует принцип индивидуализма, то в России –

в большей степени коллективизма; у западного человека доминантой поведения является законопослушание, а у российского – моральность, совесть (так называемая этикоцентристская традиция). Иначе говоря, сегодня для многих стала очевидной бесперспективность вестернизации России в силу искусственности и насильственности этого процесса.

Радикальные позиции («западнические» и «почвеннические»), как представляется, деструктивны по природе не учитывают современные российские реалии, провоцируют дальнейшую дезинтеграцию российского общества. Вполне очевидно, что эти позиции односторонни, на что обращалось внимание многими. Но суть проблемы состоит не в том, чтобы отвергнуть их в их односторонности, а в том, чтобы осуществить их диалектический синтез. Как отмечается в коллективном труде сотрудников Института философии РАН «Россия в диалоге культур», «взаимодействие почвенничества и западничества, традиции и новации в России должно и может быть основано только на принципах *взаимодополнительности и взаимосогласованности*». Эта методологическая установка была сформулирована еще в XIX в. славянофилом И. С. Киреевским, который отмечал, что вопрос: «который из двух элементов – западный или русский – полезен теперь?» сформулирован в корне неверно. «Не в том дело: который из двух? но в том: какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благотворительно?». Как подчеркивается в упомянутой публикации, подобный синтез «сегодня чрезвычайно актуален, ибо как никогда актуален вопрос, каким образом провести успешную модернизацию в России (стадиальный ракурс проблемы), но модернизацию национального российского образца (цивилизационный ракурс)?» [14, с. 143]. Длительная история России есть непримиримая борьба этих двух начал, а суть дела, еще раз повторим, заключается в их диалектическом синтезе, взаимосогласованности, то есть синтезе таких оппозиций, как «*традиция и новация*», «*самобытность – универсализм*». Модель «особого пути» развития России, как представляется, и предлагает такой синтез, поэтому ее уместно назвать синтетической моделью.

Принципиально важные мысли относительно культурно-цивилизационной природы России и ее исторической роли развивает В. И. Пантин. Он обосновывает *особую историческую*

роль России, вытекающую из ее «промежуточного положения» между Западом и Востоком, Европой и Азией. Эту особую роль автор видит в *посредничестве* между Востоком и Западом, восполнении односторонностей этих полярных цивилизаций и смягчении их, а также в предотвращении столкновения цивилизаций. Эта особая роль – «служить посредником» – есть «тяжелое бремя» России, не раз приводившее к смутам и расколам в российском обществе. Но такова судьба России. Для гармоничного развития и сбалансированности процессов в мире и Запад, и Восток нуждаются в России, как и Россия в них [3, с. 103, 106–107, 109–110].

В условиях активного поиска ответов на вопросы культурно-цивилизационной идентичности России чрезвычайно актуальной становится проблема понимания миссии России на постсоветском пространстве, ее места и роли в мировом сообществе. Следует отметить, что в политической практике также отображается гетерогенная природа российского общества: в своей политике Россия выстраивает партнерские отношения как с Западом (прежде всего Европой), так и с Востоком, и приоритеты этих отношений определяются как стратегическими моментами, так и историческими реалиями, происходящими событиями. В этом отношении трудно согласиться с теми авторами, которые упрекают Россию в непоследовательности своей политики. Автору представляется это не проявлением непоследовательности, а выражением промежуточного геополитического положения России и в связи с этим ее миссианской роли «служить мостом и посредником между Западом и Востоком». В последние годы Россия активно реализует проект евразийской интеграции, выступая ее лидером в рамках ЕврАзЭС и одним из лидеров в рамках ШОС и настойчиво проводя политику построения многополярного мира. Важное историческое событие последних дней – воссоединение Крыма с Россией, вызвавшее известные санкции со стороны Запада, объективно толкает Россию к активизации действий в этом отношении. Это большого исторического значения событие породило консолидационные процессы в российском обществе, национальное единение, конкретизацию и активацию национальной идеи, всплеск колоссальной энергии, которые важно не растерять и активно использовать для духовного возрождения России и усиления ее роли на международной арене.

Таким образом, в начале нового тысячелетия Россия оказалась перед сложной проблемой цивилизационного самоопределения, сложность которого обусловлена как ее прежней социокультурной природой, так и современными реалиями, происходящей трансформацией российского общества. «Особость» России состоит в двойственности ее культурно-цивилизационной природы, наличии и тесном переплетении в ней двух начал – западного и восточного. Поэтому все попытки вестернизировать (европеизировать) Россию, сделать ее «чисто» европейской (западной) страной научно не корректны, ибо они игнорирует ее второе начало, которое ей так же органично присуще, как и первое, то есть, с научной точки зрения, они (попытки) являются метафизически односторонними, а с политической точки зрения, искусственны и деструктивны. Аналогично обстоит дело и с противоположным стремлением сделать и представить Россию азиатской страной. Для устойчивой культурно-цивилизационной самоидентификации России, как представляется, жизненно необходимы: 1) единая национальная идея, способствующая преодолению разобщенности и тенденций дезинтеграции, обретению единства, консолидации и целостности общества; 2) целенаправленная, последовательная и твердая государственная политика, учитывающая культурно-цивилизационные ориентации граждан; 3) сохранение своей культурной самобытности на основе органического синтеза двух составляющих, получивших в научном дискурсе название «традиции и современности». Россия не должна поступаться своим единством и уникальностью своей культуры. Речь идет о защите самого основания, парадигмы культуры, того, что является условием развития любой культуры, сохранении ее суверенности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Панарин, А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А. С. Панарин. – М.: ИФРАН, 1995. – 261 с.
2. Дугин, А. Г. Теория многополярного мира / А. Г. Дугин. – М.: Евразийское движение, 2013. – 532 с. [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.geopolitica.ru/sites/default/file>.
3. Пантин, В. И. Историческая роль России: между Западом и Востоком / В. И. Пантин // История и современность. – 2012. – № 2. – Востоковед. [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: // www.vostokoved.ru/images/stories/pdf/journal%202_12.pdf
4. Ахиезер, А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – М.: Новое издательство, 2005. – 708 с.

5. Мантатова, Л. В. Цивилизационная идентичность и будущее России / Л. В. Мантатова [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: // <http://uchebnikfree.com/russia-history/tsivilizatsiya-identichnost-buduschee1151.html>

6. Миронов, Б. Н. О европейскости России: Россия с Европой или Азией? / Б. Н. Миронов [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-50975.html>

7. Семенникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л. И. Семенникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Проспект», 2006. – 560 с.

8. Пантин, В. И. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1.

9. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад // Полис. – 2008. – № 1. – Ч. 1; 2008. – № 2. – Ч. 2; 2008. – № 3. – Ч. 3.

10. Пантин, В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации / В. И. Пантин // Полис. – М., 2008. – № 3.

11. Вестник общественного мнения. – 2011. – № 4 (110).

12. ВЦИОМ, Пресс-выпуск. – 2010. – № 995. – 02.08; 2010. – № 1576. – 07.09.

13. Россия – 2020 глазами соседей в Центрально-Восточной Европе, Балтии и СНГ / под ред. В. Г. Барановского. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. [Интернет-ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.imemo.ru/ru/publ/2011/11029.pdf>

14. Россия в диалоге культур / под ред. А. А. Гусейнова, А. В. Смирнова, Б. О. Николаичева. – М.: Наука, 2010. – 432 с.

УДК 314.727 (1-21) (571.56)

ББК 60.74 (2 Рос. Яку-2)

Д. М. Винокурова

ОТБОР В МИГРАНТСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ: ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (по материалам городов Якутии)

Северо-Восточный федеральный университет

E-mail: dorofdm1@yandex.ru

В статье рассматривается процесс формирования мигрантской коммуникативной среды в новых местах вселения. Используются методологические положения системно-функциональной теории Н. Лумана, основанной на понятии структуры ожиданий, семантика которой исходит из факта смены постоянного места жительства, на примере, мнений респондентов, проживавших в момент опроса в г. Ленск, Мирный, Якутск. Опыт использования концептуальных положений теории Н. Лумана может расширить объяснительные возможности процессов миграции не только на Севере, но и на Юге России.

Ключевые слова: когнитивные и нормативные ожидания; коммуникативная операция; миграция; элементы структур.

D. M. Vinokurova

SELECTION IN COMMUNICATIVE ENVIRONMENT OF MIGRANTS: THE IMPACT OF SOCIO-CULTURAL SPACE (ADAPTED FROM CITIES OF YAKUTIA)

North-Eastern Federal University

This article discusses the formation of migrant communicative environment in new places. Methodological principles of Luhmann's systemic functional theory, based on the concept of the structure of expectations, were used. The semantics comes from the fact of change of domicile evidence from respondent's opinions from Lenski, Mirny, Yakutsk cities. Conceptual ideas experience of Luhmann's theory can expand opportunity of explanatory of migration processes not only in the North but also in the South of Russia.

Keywords: structure of expectations, communicative operation, migration, external constraints.

В статье использованы материалы авторского исследования на тему: «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети», проводимого в рамках приоритетного направления Х.100; программы Х.100.4 Сибирского отделения РАН, блока III – «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2014–2016 гг.). Сбор первичных данных производился количествен-

ным и качественным методами: по квотной выборке ($\Delta \pm 5\%$). Анкетный опрос проводился в г. Мирный (n=290) (2010 г.); Якутск (n=400) (2011 г.); Ленск (n=200) (2012 г.). Численность населения в рассматриваемых городах на 1 января 2012 г., по официальным данным: Якутск – 278,4 тыс. человек; Мирный – 35,5 тыс. человек; Ленск – 24,7 тыс. человек [1].

Традиционно сложилось, что в условиях промышленного освоения Севера наблюдается достаточно интенсивная миграционная актив-

ность. Так, в советский период к индустриальным видам труда массово привлекались мигранты, прибывающие из различных регионов СССР, которые компактно проживали в городах. Но это не значит, что не было политики расселения и привлечения приезжего населения в сельскохозяйственное производство. Однако такие попытки не увенчались успехом.

Несколько ситуация изменилась после распада СССР, когда большая часть приезжего населения стала покидать обжитые места и возвращаться в места исхода, а миграционный прирост сменился миграционной убылью (табл. 1).

Таблица составлена сотрудниками Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) по данным переписей населения; текущих учетов демографических событий (рождение, смерть, брак, развод); текущих учетов миграции; выборочных регулярных и единовременных обследований населения.

Из приведенных данных видно, что пик оттока как городского приезжего, так и сельского населения пришелся на первую половину 1990-х гг. Причем массовый приток местного населения в города продолжился в течение десяти лет.

Таблица 1

Динамика соотношения естественного и миграционного прироста городского и сельского населения Якутии (тыс. чел.)

Год	Городское население		Сельское население	
	естественный прирост	миграционный прирост	естественный прирост	миграционный прирост
1961–1965	25,0	45,7	31,5	–17,5
1966–1970	19,9	28,8	22,5	–3,3
1971–1975	26,2	49,7	20,2	–7,5
1976–1980	31,2	68,5	20,2	13,9
1981–1985	44,6	79,0	29,1	–23,2
1986–1990	51,2	19,2	34,7	–9,3
1991–1995	17,3	–97,4	23,1	–28,8
1996–2000	8,5	–42,8	13,2	–28,3
2006–2009	13,9	–1,1	9,1	–22,4
2010–2011	4,0	–1,5	3,4	–8,3

Таким образом, исторически сформировалось в Якутии два равнозначных социокультурных пространства повседневности, основополагающей характеристикой которых стал социальный статус «мигрант/не мигрант», граница разделения которого прошла по сферам занятости, территориальному размещению, этническому составу, структуре социально-демографических показателей и т. п. Такое разделение не могло не привести к распространению межэтнических браков, взаимовлиянию обычаев, традиций, бытовых стереотипов и билингвизму местного сообщества и т. п.

Отправной точкой любого анализа являются используемые концептуальные положения, парадигмы. Автором используются понятия системно-функциональной теории Н. Лумана: формы коммуникации (события, действия); структуры ожиданий; отбор ожиданий. Можно выделить два уровня: с одной стороны, миграция

как процесс, наделенный характеристиками функциональной системы и выполняющий специфическую функцию – территориальное распределение населения. С другой – конкретные события, связанные с ней: факторы и последствия смены постоянного места жительства как их элементы.

Может ли применение идей Н. Лумана стать более плодотворной для целостного понимания социокультурного пространства, и связывать его с широкими социальными изменениями, вызванными миграцией? Схематично миграцию можно представить как систему, состоящую из множества элементов-событий, необратимых во времени, то есть раз свершившись, они распадаются.

Ясно, что абсолютно все происходящие события в обществе не могут входить в миграцию, следовательно, идет их отбор с помощью структур-ожиданий, которые делают возмож-

ным их обратимость во времени, то есть обес-
печивают связи с другими, предыдущими и по-
следующими событиями. Н. Луман вывел тезис
о том, что структуры социальных систем пред-
ставляют собой ожидания, поскольку элемента-
ми систем являются события (действия), кото-
рые протекают во времени. Другими словами,
структуры, по Н. Луману, это используемое в си-
стеме отображение рекурсивных соединений
операций, то есть структура – это своего рода
уравнивание воспоминания и забывания в их
значении в зависимости от оперативной необхо-
димости. В своей теории Н. Луман абстрагиру-
ется в направлении общей значимости для лич-
ностных и социальных систем, отсюда такие по-
нятия, как «интенция», «указание», «ожидание»,
«переживание», «действие» обозначают элемен-
ты структур, из которых могут состоять как пси-
хические, так и социальные системы.

Под ожиданиями, Н. Луман подразумевает
форму смысла, а не внутренний психический
процесс. По его мнению, психические и соци-
альные системы возникли в ходе ко-эволюции,
общие достижения, которых используются
обеими. Каждая из этих систем стала необхо-
димым окружающим миром друг друга и неоп-
ровержимой формой их комплексности и само-
референтности. Такое достижение Н. Луман на-
зывает «смыслом» [2]. Коммуникация непре-
рывно изменяет формы смысла, постепенно
накапливается подтверждающий опыт, вклю-
чаемый обратно в коммуникацию. Таким обра-
зом, по Н. Луману, возникает мир смысла, ко-
торый способствует осуществлению менее ве-
роятной коммуникации.

Если приложить эту идею к рассматривае-
мому явлению, то миграция, и как «социальная
система» и одновременно как «представление»
(психическая система) сформировала «смысл»,
то есть, с одной стороны, она каждый раз мо-
жет идентифицироваться посредством своего

первичного различия «смена/не смена постоя-
ного места жительства», с другой – миграция
потенциально имеет «другое пространство воз-
можностей». Другими словами, миграция мо-
жет одновременно открыть одни, но ограничи-
вать другие возможности. К примеру, эмигрант
в стране вселения может рассчитывать улуч-
шить свое материальное положение, но он не
может пользоваться теми же гражданскими
правами, что и местное население, по крайней
мере, до получения гражданства и т. п.

Феномен смысла, по Н. Луману, появляется
в форме избытка указаний на дальнейшие воз-
можности переживания и действия. К примеру,
по данным исследования, в общем массиве бо-
лее одной трети опрошенных (38,0 %) хотя бы
раз сменили свое постоянное место жительства;
от 2 до 3 раз – 30,7 %; 4–5 раз – 8,5 %; 6 и более
раз – 3,8 %. Значит, имеющие опыт смены по-
стоянного места жительства могут совершать
неоднократные миграции. Их действия могут
мотивироваться случайностями и удобствами,
а их поступкам дает логическую связанность
миграция, а погоня за удобными случаями об-
ращения к ней делает поступки зависимыми.
Со временем сама смена постоянного места
жительства воздействует как самодостаточная
мотивация на все большее число индивидов, та-
ким образом, устанавливаются смысловые
структуры. К примеру, подавляющее большин-
ство мигрантов, прибывающих в города Якутии,
в качестве причин смены своего постоянного
места жительства указывает экономические
факторы: отсутствие рабочих мест или низкий
уровень зарплаты в местах исхода; приглашение
родственников, земляков, которые ранее прибы-
ли и обещают их трудоустроить и т. п.

Однако подтверждают ли полученные дан-
ные экономическую мотивацию респондентов
среди намеренных вновь сменить свое постое-
нное место жительства (табл. 2)?

Таблица 2

Является ли ухудшение материального положения причиной миграционных намерений, в %

Планируете ли Вы в будущем сменить свое постоянное место жительства	Как Вы считаете, Ваше личное материальное положение улучшилось или ухудшилось в течение последних 5 лет					
	Да, улучшилось	Скорее улучшилось	Скорее ухудшилось	Ухуд- шилось	Осталось на прежнем уровне	Нет ответа
Да, уеду обязательно	24,9	20,3	14,2	17,3	21,8	1,5
Уеду, если появится возможность	20,2	27,6	12,6	11,5	26,5	1,6
Скорее нет, чем да	19,6	32,3	13,4	7,1	26,0	1,6
Нет, останусь здесь жить	22,6	19,4	11,6	8,4	36,7	1,3
Не знаю, об этом не думал	25,0	20,5	6,1	3,8	40,8	3,8

Как видно из распределения ответов респондентов, четкой тенденции, указывающей на зависимость миграционных намерений от материального достатка, не выявлено. Те, кто намерен мигрировать, в сумме отметили скорее ухудшение материального положения (26,8 %); и ухудшение (28,8 %). Среди тех, кто скорее и твердо не намерен мигрировать (25,0 % и 15,5 % соответственно оценили ухудшение материального положения). На первый взгляд, сумма этих показателей может

подтвердить высказанное предположение. Однако еще больше тех, кто намерен покинуть обжитые места, несмотря на улучшение или скорее улучшение своего материального положения. Значит, сегодня в миграции наряду с экономическими действуют и другие факторы.

В табл. 3 приведены показатели того, как оценивают респонденты социокультурную среду трех городов и какие перспективы они видят для себя [3].

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на приведенные высказывания, в %

Высказывания	Ленск		Мирный		Якутск	
	да	нет	да	нет	да	нет
Я бы хотел, чтобы мои дети и внуки стали коренными жителями республики	41,6	40,1	27,9	55,5	52,8	34,3
В образе жизни местного населения есть особенности, с которыми мне трудно примириться	19,8	58,4	23,1	59,7	34,0	50,3
Местное население никогда не будет считать меня своим	17,3	58,9	26,2	55,9	17,3	65,0
Здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно	35,6	43,6	45,9	37,9	29,5	52,3
Здесь живут якуты, и жить здесь надо согласно якутским обычаям и традициям	20,8	55,9	30,0	55,2	35,3	49,3
Спокойно и достойно можно жить только среди своих	19,3	57,4	23,8	60,0	33,5	48,8
Здесь надо стремиться жить как все	37,1	39,6	37,9	47,2	39,3	44,8
В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь	54,0	24,8	61,7	23,4	63,0	22,5

Из таблицы видно, что укорениться хотят меньше всего (27,9 %) в г. Мирный, очевидно, это можно объяснить экологической ситуацией, связанной с горнодобывающей отраслью промышленности. Этот же город респонденты (45,9 %) больше рассматривают в качестве «среды для зарабатывания средств», нежели постоянного проживания. Более половины опрошенных в г. Ленск и Мирный и почти каждый второй респондент в г. Якутск не согласились с высказыванием о соблюдении якутских обычаев и традиций. Однако более трети опрошенных в каждом городе признают, что нужно стремиться жить «как все». Еще больше респондентов отметили готовность «спокойно и достойно жить» не обязательно среди своих, однако соблюдая традиции и обычаи своего народа в семье.

Если посмотреть по национальному составу, то, по данным переписи 2002 г.: в г. Ленск составили русские (78,0 %); якуты (10,2 %); иные (11,8 %); в г. Мирный – русские (68,7 %); якуты (6,7 %); иные (24,6 %); в г. Якутск – русские (46,1 %); якуты (42,4 %); иные (11,5 %). По переписи 2010 г.: Ленск – (78,2 %; 10,6 %; 11,2 % соответственно); Мирный – (61,8 %; 8,8 %; 29,4 % соответственно); Якутск – (38, %; 47,4 %; 14,2 % соответственно) [4].

Из данных переписи видно, что в г. Ленск и Мирный доминируют русские, которые традиционно живут до пенсионного возраста. В г. Мирный наметился рост прибытия представителей иных этносов и сокращения числа русских в период между 2002 и 2010 гг. В отличие от него соотношение численного состава русских и якутов в г. Ленск изменилось незначительно. В г. Якутск в последнее десятилетие после массового оттока приезжих начали прибывать сельчане. Безусловно, подобное изменение социокультурной городской среды способствует ее рурализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия), 2012: стат. сборник / Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2012. – С. 11.
2. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Голвина. – СПб.: Наука, 2007 – С. 97–98.
3. Кузнецов, И. М. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств / И. М. Кузнецов, В. И. Мукомель. – М.: Институт социологии, 2005 – С. 41–45.
4. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия), 2012: стат. сборник / Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2012. – С. 38–39.

УДК 1:316.
ББК 87.6

Р. А. Данакари

**ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА УДИНЫ: МИГРАЦИЯ И БЫТИЕ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ**

**Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы**

E-mail: rdanakari@mail.ru

Статья посвящена исследованию этнического бытия представителей такого национального меньшинства, как удины, эмигрировавших в конце XX века из Азербайджанской Республики и проживающих сегодня на Юге России. В центре внимания автора вопросы сохранения и воспроизводства языка, «жизненного мира», культуры и идентичности, специфика интеграции в полиэтническое и поликонфессиональное российское общество.

Ключевые слова: удины, миграция, этническое бытие, социальная динамика, интеграция, российское общество.

R. A. Danakari

**ETHNIC GROUP OF UDINES: MIGRATION AND GENESIS
IN SOUTHERN RUSSIA'S SOCIAL AND CULTURAL SPACE**

**Volgograd branch the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration**

The article is devoted to the investigation the ethnic existence of such a national minority representatives as Udines, who had emigrated from the Azerbaijan Republic in the late twentieth century. Nowadays they live in the South of Russia. The author focuses on the conservation and reproduction of the Udine language, their "life world", culture and identity, treats the peculiarity of their integration into the multi-ethnic and confessional Russian society.

Keywords: Udines, migration, ethnic being, social dynamics, the integration of the Russian society.

Сегодня в числе глобальных вызовов актуальные проблемы межэтнического и межконфессионального взаимодействия, сложные вопросы миграции, управления миграционными потоками [1]. В силу своей специфики современное российское общество, находясь на перекрестке разных цивилизаций и культур, оказалось в условиях риска и неопределенностей, непрерывной динамики и неустойчивости. Целью работы является исследование специфики миграции и этнического бытия удин, выявление онтологических и субстанциональных детерминант в современном социокультурном пространстве Российской Федерации.

Как известно, решение любых конкретных проблем невозможно без адекватного ответа на универсальные вопросы бытия. Сегодня для Российской Федерации все более значимыми становятся поиски ответов на метафизические и аксиологические вопросы: что такое российская цивилизация как полиэтнический и многоконфессиональный феномен, каковы ее роль и место в системе глобализирующегося мира; каковы базисные ценности и каким должно быть социокультурное пространство России? Следует отметить, что анализ и диагноз, альтернативы и прогнозы общественной динами-

ки, разработка и реализация стратегических управленческих решений в сфере этнических и конфессиональных отношений, миграции опирается на философскую методологию, системные подходы и принципы.

Естественный и объективный характер носят встречи культур и цивилизаций, больших и малых этносов. Очевидно, что миграция, несмотря на всю свою конфликтогенность и создание новых проблем, жизненно необходима в условиях депопуляции этнически и конфессионально разнородного российского социума. Сегодня главная задача – поиск ответов на актуальные и проблемные вопросы современного мира, порождаемые исторической динамикой и социальной диалектикой. Общественное развитие тормозят противоречия и конфликты между непрерывно и быстро изменяющимися условиями повседневности и созданными даже в постсоветский период политическими, экономическими, социальными, культурными стандартами и ценностями, правовыми нормами [2].

Несмотря на то, что после распада СССР прошло несколько десятилетий, адаптация к новой современности, существующей реальности, оказалась достаточной сложной проблемой. В массовом сознании российского общества

продолжается острый кризис идентичности, и задача первоочередной важности – способствовать его преодолению. При этом важно иметь в виду, что проблема идентичности – это проблема не просто изменения и перехода к иному, а радикальная трансформация прежней системы ценностей, формирование новой научной картины мира, мировоззрения и этических принципов.

На взгляд автора, главная проблема, базовая для сохранения единства и интеграции страны, заключается в том, что не только переселенцы, беженцы, бывшие мигранты, ставшие гражданами России, но и подавляющая часть коренного населения не идентифицирует себя в качестве россиянина. На нынешнем этапе истории России кризис гражданско-государственной макроидентичности связан в первую очередь с ростом этнического и конфессионального самосознания социальных групп, который сопровождается определенным региональным сепаратизмом со всеми производными, а именно – политическим и национальным конформизмом и экстремизмом, способным выступать в религиозной форме.

Какой должна быть деятельность государства, местного сообщества по укреплению социально-политической стабильности, сущность политики, адекватной существующим вызовам в сфере этнических и конфессиональных отношений? По мнению автора, следует рост этнического и конфессионального сознания, национального самосознания перенаправить в иное русло, обеспечивать формирование нового интегрального типа общенациональной идентичности. Универсализация социокультурного контекста должна одновременно сохранять в снятом виде региональную, этническую и конфессиональную специфику. В этой связи необходимо отметить значимость «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [3].

Важнейшими факторами формирования единого социокультурного пространства страны являются исторически сложившийся аборигенный характер бытия народов страны, необходимость непрерывного наращивания системы общекультурного взаимодействия на всех уровнях власти и общества, представителей всех национальностей. Исследования миграционных, этнических и конфессиональных проблем носят системный характер, соответственно, системными должны быть принимаемые управ-

ленческие решения, особенно вопросы регулирования миграционными потоками.

Если говорить о геополитических вопросах, то насущной становится задача по обеспечению активного контроля и тесного сотрудничества российских и иностранных организаций за соблюдением положений «Конвенции о статусе беженца» [4], «Международной конвенции о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей», налаживание на всех уровнях эффективного сотрудничества, особенно со странами СНГ [5]. Велением времени стала необходимость формирования единой информационной базы данных о мигрантах, организация приема, въезда, транзита и выезда, реальной защиты прав и свобод человека, обеспечение оптимальной социальной адаптации иммигрантов, предоставление им бесплатных юридических консультаций и социальной помощи.

Рассматривая формирующееся социокультурное пространство Юга России, хотелось бы остановиться на актуальных проблемах межэтнических отношений, особенностях миграции и специфике жизнедеятельности такой этнической группы, как удины. Сегодня в Волгоградской области функционирует несколько десятков национальных общественных объединений. Не так давно появилась и Волгоградская областная общественная организация удин «Нидж».

Кто такие удины, каковы история их этнического бытия, причины миграции? Как и когда они оказались на территории Российской Федерации?

Удины как этническая группа относятся к индоевропейской семье, в частности, дагестанской подгруппе кавказских языков. Удины (самоназвание уди, ути) – один из древнейших автохтонных народов Кавказа, коренной этнос Азербайджана. В древних книгах различных библиотек мира имеются многочисленные сведения об утиях-удинах. Античные историки Геродот, Страбон, Плутарх смогли дать подробную антропологическую характеристику, исторические, географические, лингвистические и культурологические сведения об удинах. Значительная информация имеется в средневековых армянских и арабских источниках.

По их сведениям, еще за несколько столетий до новой эры, удины вместе с другими этносами создали на территории современного Дагестана и Азербайджанской Республики свое государство – Кавказскую Албанию (не путать с современной Албанией на Балканах). Истори-

ческая Кавказская Албания, имевшая все атрибуты государственности, просуществовала до VIII в. н.э. и была разрушена арабскими завоевателями. Одной из первых в Закавказье страна приняла христианство, перевела на родной язык Библию и другие священные книги. Конечно, за две с половиной тысячи лет своей истории удин пережили много драматических и трагических моментов, однако до наших дней они сумели сохранить свою историю, язык, культуру, религию, идентичность, обычаи и традиции.

В настоящее время в различных странах мира и СНГ насчитывается около 10 тысяч удин. Во времена распада Советского Союза большинство из них, считая Россию правопреемницей СССР, эмигрировало именно в РФ. Сегодня на ее территории проживает больше 4 тысяч 120 удин, из них около 300 человек в Волгограде и области. Все они эмигрировали из Азербайджанской ССР в конце перестройки и в начале 90-х годов XX века, когда разгорелся межнациональный конфликт вокруг Нагорного Карабаха, а затем началась и война между Азербайджаном и Арменией [6, с. 175].

Удинские общины и землячества функционируют в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской и Волгоградской областях, Екатеринбурге, Тюмени, Ульяновске. Несколько десятков семей удин живет и работает в Центральной России: Калуге, Иваново, Москве и Санкт-Петербурге. Достаточно многочисленная община удин проживает в Республике Казахстан, а также в Украине – Донецке, Харькове, Горловке.

Большинство удин многоязычны, однако приоритет отдается русскому языку. Сегодня оставшаяся часть удин компактно, в количестве около 5 тысяч человек, проживает на исторической Родине – в Азербайджанской Республике, многонациональном поселке Нидж Габалинского района. В нем продолжают действовать русские школы и другие учреждения. Реставрирована и свободно функционирует Удинская православная церковь.

Несмотря на все сложности и проблемы переходного периода, непрерывные кризисы, удины на Волгоградской земле смогли найти кров и работу, интегрироваться в новое сообщество. За два десятилетия им удалось получить образование, профессию, трудоустроиться. В городе-герое Волгограде сегодня проживает около 100 удин. Подавляющая часть компактно проживает в сельском поселении Дубо-

вый Овраг Светлоярского района области. Необходимо отметить, что в регионе и муниципальных образованиях особое внимание уделяется соблюдению европейской Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств [7].

В числе положительных интеграционных факторов оказались многоязычие и толерантность удин. Они с детства знают удинский, азербайджанский и русский языки, знакомы с исторической традицией России, ее культурой и литературой. Все это значительно облегчило процесс адаптации мигрантов к новой социальной, культурной, языковой и духовной среде. Естественно, что огромное значение имели материальные, экономические факторы, причины духовно-нравственного порядка (религия, культура, традиции).

Сегодня Волгоградская областная общественная организация удин «Нидж» работает во взаимодействии с Комитетом по делам национальностей и казачества Волгоградской области, ВОО организацией культуры «Дом Дружбы», старается решать конкретные задачи по защите интересов общины, выступает с инициативами по различным вопросам общественной жизни. Усилена работа среди населения, особенно по месту жительства, налажена информационная работа, особенно со СМИ, подготовлены выпуски статей в газетах и журналах, обеспечено тесное взаимодействие с удинскими общинами Юга России, функционирующими в Астрахани, Краснодаре, Ростове, Таганроге, Шахтах.

Следует сказать, большинство удин Волгограда и области поддерживает между собой тесные связи, сохраняет многие этнические признаки, особенно идентичность. Они собираются на праздники, юбилеи, вместе отмечают Рождество, Пасху, Первомай. Правда, жизнь вносит коррективы, постепенно идет процесс естественной ассимиляции и аккультурации, забываются родной язык, традиции, обычаи, элементы быта. Однако удины спокойно смотрят в свое будущее.

Таким образом, видно, что деятельность Волгоградской областной общественной организации удин «Нидж» направлена на обеспечение социально-политической стабильности в регионе, сохранение мира и согласия, развитие дружбы между народами, интеграцию в многонациональное и поликонфессиональное российское общество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/402320>.
2. Указ президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810>.
3. Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков //

Вестник образования. – 2009. – № 17. – Сентябрь. – Режим доступа: <http://www.vestnik.edu.ru/proect.html>.

4. Конвенция о статусе беженца (Женева, 28 июля 1951 г.). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540374/>
5. Международная конвенция о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>.
6. Данакари, Р. А. Этническое бытие: монография / Р. А. Данакари. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2007. – 296 с.
7. Рамочная конвенция по защите прав национальных меньшинств. – Режим доступа: <http://www.coe.ru>

УДК 947(470.6):316.7
ББК 63.3(235.7)+60.523

О. В. Рвачева

КАЗАЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

E-mail: olgarvacheva@mail.ru

В статье рассматривается одна из ключевых проблем казачьего возрождения – конструирование в современном социокультурном пространстве Юга России идеи «своей территории» и статуса «коренного народа» на ней в отношении казачества.

Ключевые слова: казаки, Юг России, территория традиционного проживания, коренной народ.

O. V. Rvacheva

THE COSSACKS IN THE CURRENT SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE SOUTH OF RUSSIA: PROBLEMS OF RESTORATION AND INTERRELATION WITH OTHER PEOPLE

Volgograd branch the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article deals with one of the key problems of Cossacks' restoration – development of the idea of “our land” and the status of “native people” in the today's social and cultural context of the South of Russia

Keywords: cossacks, South of Russia, traditional area of habitation, native people.

Казачество на Юге России на протяжении уже нескольких веков играет важную роль в социальных, культурных, экономических и политических процессах. Казачьи сообщества Юга России, складываясь в приграничных зонах, не только занимались военной охраной расширявшихся границ Российского государства, но и хозяйственным освоением территории, активно включаясь при этом в процессы межкультурного взаимодействия с другими народами региона. Таким образом, казачество на протяжении долгого времени являлось неотъемлемой частью социокультурного пространства Юга России.

Даже большевистское руководство, которое рассматривало казачество как коллективного врага для новой власти, быстро осознало, что без вовлечения казаков в процессы социалистической модернизации стабилизировать как социально-политическую, так и экономическую

ситуацию на Юге России будет сложно. Однако в целом политика советской власти была направлена на растворение казаков в массе сельского населения, и примерно со второй половины 1940-х гг. казачество как особый социокультурный феномен перестало существовать.

В конце XX века по стране начался процесс, получивший на Юге России особенно интенсивное развитие – возрождение казачества. С конца 1980-х гг. присутствие казаков во всех сферах жизни Юга России постоянно растет. Благодаря возрожденческому процессу, предусматривавшему восстановление прежней среды обитания казачества [7], получили развитие такие формы культурного присутствия казаков, как казачьи фестивали традиционной культуры, фольклорные коллективы, музеи истории казачества и т. д. В социальной сфере востребованными оказались такие формы, как муниципальные казачьи дружины, казачьи кадетские кор-

пуса, школы и классы, программы военно-патриотического воспитания. Особенностью возрожденческого процесса стало то, что базовой основой его социокультурной практики провозглашалось возрождение как духовных и культурных, так и хозяйственно-управленческих традиций. Однако в реальности происходил процесс социокультурного конструирования, что приводило к специфическим проблемам в казачьем возрождении.

Важнейшими элементами прежней системы жизнедеятельности казачества являлись военная служба, система управления, система хозяйствования. В совокупности эти элементы составляли специфическую культуру, за которой закреплялось жизненное пространство, «своя территория».

Таким образом, идея «своей территории» также являлась ключевой для казачьего возрождения, она была связана, с одной стороны, с положением Закона о реабилитации репрессированных народов, в котором народам гарантировался возврат их незаконно упраздненных национально-государственных образований, с другой стороны, с понятием «коренной народ» и правом этого народа на контроль над ресурсами своей территории.

Несмотря на то, что почти нигде на Юге России казаки не могли считаться в полном смысле единственным коренным населением, отношение к земле, на которой они проживали, как к своей территории, утверждение своего приоритетного права на нее на основании архаичного закона первопоселенцев, четко прослеживается на Юге России в трех наиболее крупных и старейших казачьих войсках – Донском, Терском и Кубанском.

Такая ситуация была обусловлена, на взгляд автора, двумя основными моментами: во-первых, прежним привилегированным положением казаков как военно-служилого сословия на территориях казачьих войск, во-вторых, территориально-административными реформами советской власти, в ходе которых земли казачьих войск были разделены между различными субъектами советского государства. Такой процесс территориального передела в отношении казачества в 1920–30-х гг. некоторые исследователи даже называли «территориальным геноцидом» [1].

В качестве обоснований участники возрожденческого процесса использовали аргументы формально-правового характера (земля дарова-

на была казакам царскими манифестами), основанные на праве первопоселенцев («наши отцы отстояли эту землю своею кровью»), а также аргумент исторических корней. Так, в одной из резолюций первого Большого круга Союза казаков Области войска Донского (СКОВД) формулировка обоснования прав казаков на территорию традиционного проживания звучала следующим образом: «Круг исходит из признания Области Войска Донского местом исторического проживания донских казаков» [2, с. 75].

Постановка казаками вопроса в начале 1990-х гг. о возвращении территории традиционного проживания казачества под свой контроль и формирование систем казачьего самоуправления по аналогии с теми, которые существовали раньше, фактически означала и появление возможности для формирования политических и экономических предпочтений для казачества.

Во второй половине 1990-х гг. при поддержке областных и краевых властей казачество в Ростовской области и Краснодарском крае становится фактически титульной группой, так как Уставы этих субъектов Федерации фактически объявляют свои территории территориями традиционного проживания казачества. Так, в Уставе Краснодарского края в редакции 2005 г. Краснодарский край объявляется «исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края» [9, с. 105]. В Уставе Ростовской области также в составе многонационального населения выделяется прежде всего казачество как исторически сложившаяся здесь общность [6, с. 37].

Ряд положений документов законодательного характера в Ставропольском крае, по мнению В. Кореняко, фактически имели преференционный характер в отношении казачества. Так, ст. 73 нового Устава Ставропольского края 1994 г. декларировала возможность для казаков иметь казачье самоуправление. Сходными по смыслу были ст. 17 и 18 регионального закона «О местном самоуправлении в Ставропольском крае» и п. 8 «Положения о резервных отрядах местной самообороны (общественной безопасности) в Ставропольском крае». Все эти правовые акты декларировали преимущественные права казаков «в местах компактного проживания», хотя в Ставропольском крае и другие этнические общности имели такие места. По за-

ключению В. Кореняко, даже если преференционную политику краевой администрации по отношению к казакам считать в основном декларативной и нормотворческой, то по отношению ко всем проживающим в крае действительным этническим меньшинствам не было и такой [4, с. 125].

В Волгоградской области поправки в областной Устав долго не вносились, хотя вопрос об этом поднимался регулярно. В 2000 г. областная дума приняла закон о казачьих обществах, который признавал донское казачество исторически сложившейся культурно-этической общностью, имеющей историческую территорию проживания, то есть косвенно подтверждал право казаков на «свою территорию» в данном субъекте федерации [3, с. 431]. В 2012 г. в связи с принятием нового Устава Волгоградской области в него все-таки были внесены поправки. В ст. 8.1 было зафиксировано, что «казачество – исторически сложившаяся общность, имеющая самобытные традиции и культуру. Органы государственной власти Волгоградской области в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества осуществляют необходимые меры по реализации федерального законодательства о казачестве, принимают нормативные правовые акты по вопросам возрождения казачества в Волгоградской области и обеспечивают их исполнение» [10]. С учетом того, что, с одной стороны, состав населения Волгоградской области полиэтничен, а с другой – что из 33 районов Волгоградской области 22 являются территориями бывших казачьих округов Области войска Донского с компактным проживанием потомков казаков, такую формулировку можно считать весьма корректной.

Однако такая ситуация видимо не вполне устроила определенную часть казачества и в 2012–2013 гг. несколько раз в области поднимался вопрос о признании казаков, проживающих на территории Волгоградской области коренным малочисленным народом, находящимся в ситуации национального меньшинства, этносом, подлежащим охране государством [7], в другой формулировке – коренным народом [5].

Закрепление за той или иной территорией этнического статуса имеет целый ряд проблем и противоречий, среди которых усиление возможных этнических конфликтов в связи с формированием привилегированного положения одного народа, сложность правового обоснова-

ния, а также низкая этническая самоидентификация того народа, от имени которого ведется спор за территорию. Так, в случае с казачеством на территории, например, Волгоградской области по переписи населения 2002 г. численность казаков составила 20648 чел., а в 2010 г. – 18452 чел.

С точки зрения автора, проблема казачьих территорий действительно существует, однако заключается не в том, чтобы в политическом и правовом плане закрепить те или иные земли за казаками (равно как и за другими народами), а в том, чтобы исследовать реальное состояние населения, проживающего на данных землях.

На Юге России в результате различных причин (военных конфликтов и выдвигания русского населения в ряде районов Северного Кавказа, миграции казачества из сельской местности в города в связи изменениями экономических процессов и пр.) в конце XX – начале XXI вв. шел процесс исхода казаков из мест своего традиционного проживания в другие районы. Опустение казачьих хуторов и станиц приводит к изменению как культурного имиджа территорий, так и к усилению этнополитической напряженности.

Регион Нижнего Поволжья, Дона, Кубани и Терека всегда являлись полиэтничными. Казачье (русское) население в силу своей многочисленности и давности проживания нередко становилось стабилизирующей социальной основой регионов. Его социальная и экономическая системы были приспособлены к условиям проживания, сформированы устойчивые хозяйственные связи. Уход казачьего населения из станиц и хуторов, в совокупности с усиливающимися миграционными процессами, приводящими к оседанию в станицах и хуторах иноэтничного (нерусского) населения, приводят к не всегда позитивным изменениям в природно-хозяйственной и социальной среде регионов. Пришлое население нередко имеет свои специфические формы хозяйствования, не приспособленные к местным природным условиям, не рассматривает территорию как свою, стремится не адаптироваться в новой среде, а навязать свои условия сосуществования местному сообществу. Что порождает проблему усиления конфликтов в регионе, имеющих явный или скрытый этнический подтекст.

Итак, в 1990-х гг. в процессе развития казачьего возрождения была сформирована идея восстановления для казаков территории тради-

ционного проживания и формирование особых прав казаков как коренного народа на данной территории. Однако в современной ситуации реализация этой идеи с учетом серьезных изменений в социокультурной системе казачества оказалась затруднительной. На сегодняшний момент гораздо более важным представляется исследование проблем изменения среды обитания казаков в местах их традиционного проживания на Юге России с точки зрения анализа возможностей сохранения культуры казачьего сообщества и в целом культурного многообразия регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бугай, Н. Ф. Восстановление национальной государственности этнических общностей, подвергшихся репрессиям: вопросы теории и практики / Н. Ф. Бугай // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе: Российская научно-практич. конф., г. Элиста, 12–13 янв. 2007. – Элиста: Изд-во КГУ, 2006. – С. 9–15.
2. Водолацкий, В. П. Возрождение: первый круг казаков Дона / В. П. Водолацкий, А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов н/Д: ИИЦ «Дончак», 2006.
3. Закон Волгоградской области «О казачьих обществах, принявших обязательства по несению государствен-

ной и иной службы на территории Волгоградской области» № 404-ОД от 26 мая 2000 г. // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2 т. (1991–2000 гг.). – Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2001. – Т. 2. – С. 431–441.

4. Коренько, В. Казачество в Ставропольском крае – фактор стабилизации или конфликтогенеза / В. Коренько // Возрождение казачества: надежды и опасения. – М., 1998. – С. 104–138.

5. Обращение казаков Волгоградской региональной общественной организации «Царицынский округ донских казаков» к депутату Волгоградской областной думы В. В. Лихачеву от 14 октября 2013 г. – Личный архив автора.

6. Озеров, А. А. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. В 2 ч. Ч. 1. История современного донского казачества. Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2003.

7. Письмо казаков Волгоградской региональной общественной организации «Царицынский округ донских казаков» губернатору Волгоградской области С. А. Боженову от 30 мая 2012 г. – Личный архив автора.

8. Таболина, Т. В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы / Т. В. Таболина. – М., 1999. – 252 с.

9. Устав Краснодарского края 2005 г. (Извлечения) // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества: сб. нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. – Краснодар, 2005. – С. 105–109.

10. <http://docs.cntd.ru/document/453119638>

УДК 332.012
ББК 60.54

Е. В. Беликова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СФЕРЫ ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (на примере Волгоградской области)

ФГБОУ ВПО «Волгоградская академия физической культуры»

E-mail: polabel@mail.ru

Статья посвящена анализу социокультурного потенциала сферы туризма в современном обществе. Выделена социальная эффективность туризма.

Ключевые слова: туризм, социальная ориентация туризма, эффективность туризма, экономическая эффективность туризма.

E. V. Belikova

SOCIO-CULTURAL POTENTIAL OF TOURISM IN THE MODERN SOCIETY

Volgograd State Academy of Physical Culture

The article is devoted to the analysis of socio-cultural potential of tourism in the modern society. It is selected social efficiency of tourism.

Keywords: tourism, social orientation of tourism, efficiency of tourism, the economic efficiency of tourism.

Сфера туризма является возможностью для удовлетворения потребностей человека и имеет значительный социокультурный потенциал. Необходимо рассматривать не только социокультурный потенциал туристической сферы, но так-

же и социокультурную эффективность туризма как степень удовлетворенности личности в результате реализации данных потребностей.

Многообразие современных видов туризма создает условия для удовлетворения потребно-

сти личности с учетом индивидуальных склонностей отдельных индивидов и социальных групп.

Для оценки эффективности туристической деятельности необходимо выделить следующие критерии: рекреационная эффективность туризма, социальная эффективность, экономическая эффективность туризма.

Рассматривая социокультурный аспект туризма, необходимо отметить влияние туризма на сохранение культурного наследия, исторических ценностей территорий, формирование интереса людей к другим культурам и этносам, что способствует росту толерантности и уважения к представителям других культур, развитию межнациональных и международных отношений.

Также социальная эффективность туристической деятельности включает в себя доступность большинства видов туризма для различных социальных слоев населения: молодежь, семьи с детьми, пенсионеры, люди с ограниченными возможностями. В настоящее время российская индустрия туризма, в силу экономических причин, практически не учитывает показатели социальной эффективности данной отрасли.

Происходящие в современном российском обществе изменения активно формируют новую идеологию путешествий, что заставляет туристическую индустрию изменять свою деятельность. Если в традиционном варианте путешествие – это возможность увидеть и приобщиться к миру духовных ценностей, то в современных условиях путешествие – это еще и поиск себя, исследование ролей социального поведения, то есть реализация не только социальных, культурных, но и развивающих, познавательных функций. Туристская индустрия все больше уделяет внимание таким туристам, развивая направления, эзотерического, познавательного научного туризма.

Изменение социокультурных приоритетов и мотивации путешествий, некоторых социальных групп российского общества, приводит к необходимости анализа показателей различий между различными социальными слоями современного российского общества, так как их поведение значительно изменяет условия функционирования индустрии массового туризма.

Социологический метод анализа туристической деятельности позволяет выявить и проанализировать мотивы туристов, их привычки

и традиции, поведение туристов и жителей принимающей стороны.

Традиционно при изучении туризма исследовались экономические аспекты деятельности, территориальное перемещение туристических потоков, подготовка кадров для туристического бизнеса. Социологический метод позволяет расширить круг анализируемых проблем туризма как многомерного явления социокультурного пространства, а также исследовать роль туризма в развитии личности, отношения и восприятия других культур и этносов, межнациональных и международных отношений.

Глобализация определяет характер современной туристской индустрии, роль туризма в современном обществе все больше проявляется в создании и развитии коммуникаций и взаимодействий между представителями различных культур, народов, стран. В некоторых случаях туризм является основой для формирования и управления механизмами межкультурного диалога народов, выработки и развития принципов сотрудничества на межнациональном и международном уровне, партнерства и межкультурного взаимодействия.

Туризм может рассматриваться как социальный институт, способствующий продвижению территории, и возможности включенности страны в процесс глобализации.

Рассматривая развитие туризма в Волгоградской области, необходимо отметить, что данный процесс сдерживается рядом факторов. Прежде всего это неразвитость туристской инфраструктуры, в регионе не созданы инвестиционные условия для развития туристской деятельности, нехватка средств размещения туристического класса, недостаточное количество туристских объектов.

К ключевым направлениям в решении этих задач относятся: строительство новых гостиниц, реконструкция и строительство дорожного полотна, расширение сети общественного питания, организация удобных парковочных мест, повышение уровня экскурсионных услуг, создание систем рекламно-информационного обеспечения продвижения Волгоградского турпродукта.

Создание на территории Волгоградской области развитой туристской инфраструктуры поможет решить не только экономические проблемы региона, но послужит основой для решения социальных проблем: повышения уровня жизни населения, снижения возможности возникновения межэтнических конфликтов,

улучшения социально-культурного облика региона в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Беликова, Е. В.* Типология факторов демографического и экономического порядка, оказывающих влияние на развитие экономики народонаселения / Е. В. Беликова //

Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Экономика. – 2009. – № 1. – С. 42–44.

2. *Полякова, Т. В.* Методологические основы территориального маркетинга / Т. В. Полякова, В. Н. Поляков // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 13 / ВолгГТУ. – Волгоград, 2010. – (Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспективы)»; вып. 10). – С. 108–112.

УДК 008
ББК 79

Е. В. Комиссарова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: museum@volgmed.ru

Статья посвящена анализу роли музея как социального института, использующего культурное наследие для пропаганды национально-религиозного мира и общественной стабильности.

Ключевые слова: музей, региональная культура, традиционная культура, вероисповедание, толерантность, инкультурация, общественная стабильность.

E. V. Komissarova

REGIONAL MUSEUM AS THE SPACE OF THE INTERCULTURAL COMMUNICATION

Volgograd State Medical University

Article is dedicated to the analysis of the role of museum as social institute, which uses a cultural heritage for the propaganda of nation- religious peace and public stability.

Keywords: museum, regional culture, traditional culture, religion, tolerance, inkulturatsiya, public stability.

В условиях глобализации актуализируется проблема сохранения национальной идентичности. В конце XX века в России в связи с ростом национального самосознания, потребности в национальной идентичности возрождается интерес к культурному наследию этносов и субэтносов, населяющих регионы, конфессиональным традициям как средству трансляции национальной культуры [6].

Рассматривая культуру как непрерывно развивающийся творческий процесс и синтез созданных человеком духовных ценностей, знаний, норм, выраженных в языке, обычаях и традициях, верованиях и мировоззрении, нельзя не отметить культурное многообразие регионов в рамках единой российской культуры. Региональная культура – это надэтническая культура, которая складывается и существует на протяжении долгого исторического периода в определенном географическом ареале. Народы, населяющие тот или иной географический регион, устанавливают между собой устойчивые экономические, политические и духовные связи, вырабатывают общие формы жизни и обычаи, поскольку живут в одинаковых условиях,

связаны единой историей, что приводит к образованию схожих черт в их культурах, определяя специфику данной региональной культуры [4].

Волгоградская область исторически сложилась как мультикультурный регион, характер культурного наследия которого в значительной мере определяется этноконфессиональной спецификой. Многовековой исторический опыт межнационального добрососедского общежития и взаимообогащения культур Волго-Донского междуречья подтверждает слова В. В. Путина о том, что в многонациональной России диалог культур стал традицией государственной и общественной жизни. Междуречье Нижней Волги и Дона, расположенное в центре Великой евразийской степи, с глубокой древности являлось перекрестком торговых путей и переселенческих потоков, различных по национальной и конфессиональной принадлежности, и всегда имело свои экономические, культурные и духовные особенности. Здесь получили распространение практически все мировые религии – христианство во всех его формах и разновидностях, ислам, буддизм, а также иудаизм, которые оказывали сильнейшее влияние

на политическую, социально-экономическую ситуацию в регионе на протяжении столетий. Особенностью межнациональных отношений в регионе стала терпимость друг к другу, вне зависимости от национальных и религиозных различий [7]. «Волгоградская область – уникальный регион юга России, на территории которого проживают более 100 национальностей и народностей различных вероисповеданий и культур. В XV–XVII вв. в нашем крае зародилась особая общность – казачество, которое является одной из многочисленных культурно-этнических групп региона. На протяжении четырех веков представители разных народов формировали культуру края, запечатлевая в ней характерные особенности своей собственной культуры» [2].

Музеи как хранители культурного наследия выполняют важную социальную миссию трансляции культурных традиций и исторической памяти народа, обладая огромным гносеологическим и аксиологическим потенциалом. Музею как социальному институту принадлежит важное место в формировании уникальной формы общественного сознания – исторического сознания как совокупности представлений общества и его социальных групп о прошлом своей страны и всего человечества, собственной идентичности, связи прошлого с настоящим и будущим, трансляции социального опыта.

После периода кризиса местное сообщество все более осознает социокультурное значение музея как культурно-образовательного и воспитательного центра, особенно актуален стал музей после принятия федеральной и областной программ патриотического воспитания граждан РФ.

Региональные музеи, в большинстве своем краеведческие, стали центрами приобщения населения Волгоградской области к культурному наследию, традициям во всем их многообразии, способствуя патриотическому воспитанию новых поколений. В задачи краеведческого музея входит всестороннее и объективное документирование происходящих в обществе процессов, в том числе истории межнациональных отношений и вероисповеданий. В музейных коллекциях краеведческих музеев находят отражение многонациональный состав и вопросы религиозной жизни края с древнейших времен до наших дней.

Вопросы религиозной жизни края как неотъемлемой составляющей духовной культуры общества находят отражение в деятельности

музеев, основанной на Конституции Российской Федерации, провозгласившей принцип свободы совести, российском законодательстве, регулирующем вопросы сохранения культурно-исторического наследия, а также принципах историзма и научности. Эти принципы лежат в основе планов комплектования музейных собраний, предусматривающих формирование коллекций по истории всех народов, конфессий и деноминаций, межконфессиональным и государственно-конфессиональным отношениям в регионе, сохранение движимых памятников этнографии и религиозной культуры как части духовного наследия народов России; так и экспозиционной и просветительской деятельности музеев, включающей ежегодное создание выставок с соответствующим циклом культурно-образовательных мероприятий. На лекциях, экскурсиях и массовых мероприятиях посетители в соответствии с возрастом знакомятся с народными обычаями, верованиями и нравственными устоями.

Повышению интереса к православию в конце XX века способствовали юбилеи – 1000-летие крещения Руси и 2000-летие христианства. Последнему была посвящена проведенная в Волгоградском областном краеведческом музее научно-практическая конференция «Социокультурное пространство Нижнего Поволжья в христианском измерении: история и современность», в которой приняли участие не только ученые, представители власти, но и впервые руководители основных христианских конфессий, действующих в регионе. Таким образом, музей стал как бы пространством диалога не только светской и религиозной культур, но и межхристианского общения, утверждения идей веротерпимости в обществе. Проблемы региональной специфики развития культуры рассматриваются на ежегодных февральских областных краеведческих чтениях и научно-практических конференциях, которые проводят музеи.

Национально-религиозное многообразие региональной культуры нашло отражение в выставках Областного краеведческого музея: «Христианство в истории Нижнего Поволжья», «Волго-Донское междуречье – перекресток цивилизаций». Активное содействие в создании этих выставок оказали члены национальных и религиозных объединений.

Музейным способом осмысления современной культурной ситуации в регионе и пропаганды культурного достояния Волгоградской

области стал выставочный проект «Культура Волгоградской области накануне (впоследствии – в начале) III тысячелетия: традиции и новаторство», получивший высокую оценку деятелей культуры России. За время функционирования выставки с 2001 по 2011 гг. посетители получили возможность познакомиться поочередно с культурной самобытностью каждого из районов области, например, Жирновский район представил культуру русского, украинского и немецкого населения.

Ярким праздником национальных культур стал областной фестиваль «Музей – хранитель традиций», который с 2002 г. ежегодно проводит Областной краеведческий музей. Государственный историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», созданный как центр национальных культур народов Поволжья, каждую осень проводит международный фестиваль «Сарептские встречи». Приобщению молодежи к традиционной культуре народов края способствуют областной юношеский краеведческий фестиваль «Знай и люби свой край». Инновационная деятельность Волгоградского музея изобразительных искусств им. И. И. Машкова способствует не только пониманию особенностей западноевропейского и российского искусства, но и знакомит с этнокультурным многообразием мирового искусства [1].

Привлекательными для молодежи являются различные театрализованные и анимационные формы музейных праздников, такие как приуроченные к Международному дню музеев акции «Ночь в музее».

Истинными очагами культуры, проводящими в глубинке огромную работу по приобщению к народным традициям сельской молодежи, являются районные музеи. Активными компонентами культурной среды региона стали: Иловлинский музей народной архитектуры и быта донских казаков, Серафимовичский музей истории Усть-Медведицкого казачества, Чернышковский казачий музей истории и этнографии. В Котовском музее осуществляется программа «Возрождение народных традиций», ежегодно проводятся фестивали этнических культур «Истоки». Многие районные музеи создали собственные или работают в сотрудничестве с фольклорными коллективами. Члены действующих при музеях любительских клубов и объединений по интересам знакомятся с историей, национальными традициями и фольк-

лором [3]. В настоящее время практически в каждом районе области создан краеведческий музей, а также школьные. Появляются частные этнографические музеи: казачьих традиций в Иловлинском районе, казахская юрта в Палласовском районе, музей сказки в Среднеахтубинском районе, выставки своих работ устраивают народные мастера.

Миграционные процессы меняют национальный состав области. «Идет постоянный процесс инкультурации или включения каждого отдельного индивида в процесс создания и освоения культуры» [8]. Знакомство с историей и культурой региона способствует инкультурации мигрантов, развитию национальных культур народов, компактно проживающих на территории полиэтничного волгоградского региона, много внимания уделяется учреждениями культуры Палласовского, Светлоярского, Камышинского, Котовского районов [5].

Волгоградская область обладает богатейшим потенциалом для развития культурно-познавательного туризма и экскурсий. Развитию межкультурной коммуникации содействует расширение спектра туристско-экскурсионных маршрутов, разработанных при участии работников музеев. Популярны поездки в Ольховский и Серафимовичский районы, в Камышин и Дубовку, а также в соседнюю Калмыкию. Приобщая к многонациональному культурному наследию, экскурсионный метод становится важным дополнительным элементом образовательного процесса для учащихся и средством ненавязчивого и убедительного воспитания патриотизма и толерантности.

Культуроохранная деятельность музеев распространяется и на нематериальное культурное наследие, в последние годы наблюдается рост интереса к таким его формам, как музыкальная, религиозная, обрядовая культура, традиционные народные промыслы и ремесла. В партнерстве с национально-культурными объединениями граждан музеи творчески используют этнокультурные технологии как основу возрождения национальных культурных традиций, фольклора, декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел, инструмент межнационального культурного обмена и сотрудничества.

Региональное культурное наследие отражает не только особенное в каждом народе и вероисповедании, но и общность исторической судьбы и целей, равенство и единство всех

граждан России. Музеи позволяют проследить взаимосвязь истории страны, региона, народа, семьи и судьбы отдельного человека, ощутить себя частью исторического процесса и понять ценность каждой личности, независимо от социального положения, национальности и профессиональной принадлежности. На воспитание гражданственности и толерантности нацелены музейные уроки, посвященные годовщине теракта в Беслане «Когда мы вместе, мы непобедимы», молодежные «круглые столы» «Я – гражданин России».

Музеи высших учебных заведений являются важным компонентом культурно-образовательного и воспитательного процесса подготовки молодых специалистов. Музей ВолГМУ является культурно-коммуникативной площадкой воспитания толерантности, на его базе работает клуб «Мусейон», в его заседаниях, посвященных мировому культурному наследию, принимают участие не только студенты из регионов России, но и иностранные студенты, рассказывая друг другу о памятниках и музеях своих стран.

Помогая обогащению современного человека опытом прошлого, укреплению связи поколений и культур, музейная коммуникация становится уникальным пространством взаимопонимания инакомыслящих, способствующим внесению стабильности в общественную жизнь региона. Музеи как центры сохранения, изучения и пропаганды культурно-исторического наследия региона используют свои ресурсы для продвижения идей толерантности в обществе, способствуют развитию партнерства между организациями культуры, науки, образования, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества, в том числе национально-культурными и религиозными объединениями. Музей – социальный институт, открытый для сотрудничества с людьми всех национальностей и вероисповеданий в це-

лях использования культурного наследия для пропаганды религиозного мира и общественной стабильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галкова, О. В. Культурное наследие Волгоградской области / О. В. Галкова, Е. В. Комиссарова, И. А. Петрова, О. Н. Савицкая. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2013. – С. 132.
2. Дулина, Н. В. Использование краеведческого потенциала для воспитания патриотизма на кафедре истории, культуры и социологии ВолГТУ / Н. В. Дулина, О. И. Ситникова // Известия ВолГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 9(69) / ВолГТУ. – Волгоград, 2010. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 8). – С. 149–154.
3. Комиссарова, Е. В. Провинциальные учреждения культуры как хранители регионального культурного наследия / Е. В. Комиссарова, И. А. Петрова // Культурное пространство регионов России: тез. участников Всеросс. науч.-практ. конф. 13–16 мая 2012 г. / ФГБОУ ВПО «ВолГУ», сост. М. А. Анипкин, О. В. Сергеева и др. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2012. – С. 101–102.
4. Культурология. Краткий тематический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – С. 92.
5. Петрова, И. А. Охрана и трансляция культурного наследия как фактор инновационного развития регионов / И. А. Петрова, Т. В. Гафар, Е. В. Комиссарова // Проблемы инновационного развития территории: междисциплинарный подход: сб. материалов Всеросс. с межд. участием науч.-практ. конф., 25–26 октября 2012 г., г. Пермь / НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права». – Пермь, 2012. – Ч. I. – С. 108–118.
6. Петрова, И. А. Феномен «этнической культуры» / Россия и Беларусь: межкультурный и межрелигиозный диалог: монография // И. А. Петрова, Г. П. Кибасова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – Гл. 2. – С. 23–30.
7. Садченков, Ю. Т. Российская культурная и правовая традиции в контексте применения Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» / Ю. Т. Садченков // Государственно-конфессиональные отношения в России: свобода совести и ее реализация: материалы научно-практ. конф. – Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. – С. 7–23.
8. Черемушников, И. К. Имидж в эпоху «восстания масс» / И. К. Черемушников // Известия ВолГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 9(69) / ВолГТУ. – Волгоград, 2010. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 8). – С. 103–107.

УДК 94 (470) "1941/1945"
ББК Т 3 (2) 622

Н. В. Наумова, И. Н. Наумов***

**«...ЗДЕСЬ НАВЕКИ СПАЯЛИСЬ В ДРУЖБЕ, КАК ОДИН,
ГРУЗИНЫ, РУССКИЕ, УЗБЕКИ, ТАДЖИК, КАЗАХ И АРМЯНИН»
(песни, рожденные в огне Сталинградской битвы)**

***Муниципальное общеобразовательное учреждение гимназия № 10
Волгоградский государственный технический университет

E-mail: Naumov1510@yandex.ru

Статья посвящена фронтовым песням, посвященным Сталинградской битве, пропитанным патриотизмом, дружбой, братством и солидарностью советских воинов разных национальностей, защищавших нашу общую Родину.

Ключевые слова: фронтовые песни, героизм, патриотизм, солидарность и интернационализм, Сталинградская битва, многонациональная Родина.

N. V. Naumova, I. N. Naumov***

**«...HERE FOREVER CAME TOGETHER IN FRIENDSHIP, AS ONE,
GEORGIANS, RUSSIAN, UZBEK, TAJIK, KAZAKH AND ARMENIAN»
(songs born in the heat of the battle of Stalingrad)**

***Municipal educational institution gymnasium № 10
Volgograd State Technical University

The article is devoted to the front line songs, dedicated to the battle of Stalingrad, impregnated with patriotism, friendship, brotherhood and solidarity of the Soviet soldiers of different nationalities, who defended our common Motherland.

Keywords: front songs, heroism, patriotism, solidarity and internationalism, the battle of Stalingrad, multinational Motherland.

У песен, рожденных на войне, многие из которых были самодельными, написанными бойцами в коротких передышках между боями, особая судьба. При этом красной нитью через содержание многих фронтовых песен, написанных во время Сталинградской битвы, проходят мысли о героизме, дружбе и братской солидарности советских воинов разных национальностей, скрепленных кровью, пролитой ими в боях [1, 2].

Обращение к этой тематике в образовательном процессе сегодня не случайно, ведь изучение героической истории родного края дает «не только расширение и углубление знаний, ... главное... то, что молодые люди растут как личности, закаляют свой характер» [4, с. 137].

Неоценима роль эмоционального воздействия самодельных фронтовых песен на бойцов и командиров Красной Армии, помогавших им обрести веру в победу, свою высокую миссию [3], выстоять и победить врага.

«Одна из них названа цифрой – «Двадцать один» – по числу воинов подразделения. Ее текст за подписью А. Карина появился 16 января 1943 г. в газете 64-й армии «За Родину»... В группу входили русские, украинцы, узбеки, азербайджанцы, казахи, белорусы, татары... До последнего дыхания отбивались воины и не отошли ни на шаг.... Песня заканчивается выводом, что лучшим памятником павшим воинам будет очищенный от фашистской скверы Сталинград» [1, с. 15].

В день наступления советских войск под Сталинградом – 19 ноября 1942 г. в газете 66-й армии Донского фронта «Патриоты Родины» был опубликован текст песни журналиста А. Патрусевича «Служили три товарища». Она была посвящена награжденному медалями (приказ Военного Совета армии от 8 октября 1944 г.) артиллерийскому расчету, в котором воевали русский – старший сержант Дмитрий Петрович Корьев («За боевые заслуги»), украинец – красноармеец Евдоким Афанасьевич Шпак («За отвагу») и армянин – красноармеец Артюша Семенович Абрамян («За боевые заслуги»). В этой фронтовой песне звучал мотив межнационального братства, дружбы и взаимовыручки бойцов-артиллеристов [1, с. 170]:

*За зверства, за пожарища,
За славный Сталинград
Три боевых товарища
Врагу нещадно мстят.*

*Крушат они снарядами
Проклятый вражий стан.
И сводят счеты с гадами
Шпак, Корьев, Абрамян.*

*Гремит их гнев над далями
В налетах огневых.
Награждены медалями
Три друга боевых.*

*Так дружбой крепкой спаяны –
Нет крепче этих уз! –
Армения, Украина,
Россия – весь Союз.*

Другая фронтовая песня «*Бойцы идут вперед!*», отражавшая интернациональный порыв советских воинов, была создана как отклик на победное наступление советских войск на Дону и под Сталинградом. Ее текст, написанный лейтенантом С. Ефимовым, был опубликован в газете 3-й армии Брянского фронта «Боевое знамя» от 26 января 1943 г. [1, с. 65–66]:

*Смешались – пепел, кровь и лед,
В огне донская степь.
Бойцы идут вперед, вперед –
Идут за цепью цепь.*

*Горяч металл Уральских гор,
Свинцовый ветер крут.
И всем смертям наперекор
Бойцы вперед идут.*

*К земле всем сердцем припади –
И ты услышишь, как
Идут по верному пути
Москвич и сибиряк.*

*Идет черкес и рядом с ним
Казах – Джамбула сын.
Честь-слава им, честь-слава им –
Отважным и родным!*

*Они от двух могучих рек
Рванулись в смертный бой.
И не забудет мир вовек
Их славы боевой...*

Солдатская походная песня «*Красной Армии*», в которой упоминается о Сталинградской битве, ставшей началом освобождения нашей многонациональной Родины, была написана рядовым Л. Черноморцевым к 25-летию Красной Армии. Ее текст был опубликован в газете Сибирского военного округа «Красноармейская звезда» от 21 февраля 1943 г. [1, с. 89–90]:

*В садах вишневых Украины,
В горах Кавказа голубых
Певцы, ашуги и акыны
Споют о подвигах твоих.*

*И память о твоих деяниях
Навеки сохранит народ.
И Волга песни и сказанья
Теченьем в море понесет...*

*Еще расскажут внукам деды,
Седой кобзарь споеет не раз
О том, как из огня Победа
У Сталинграда поднялась*

*Иди же в битвы и походы,
Иди вперед, круша врагов,
Зарю победы и свободы
Неся на остриях штыков!*

Еще одна фронтовая героико-патриотическая песня «*Наш путь один – вперед!*», пронизанная духом интернационализма, была написана как отклик на обращение воинов Закавказского фронта, защитников Сталинграда бить врага. Эта песня исполнялась на мелодию старой солдатской песни «*Конь вороной с походным вьюком*». Ее текст (автор – лейтенант Е. Осипов) был опубликован в сборнике «*Стихи о Сталинграде*» (Сталинград, 1944, с. 52–53) [1, с. 59–60]:

*Сквозь шум сражений, дождь свинцовый,
Сквозь гневный грохот канонад
Призыв ваш в этот день суровый
Услышал гордый Сталинград.*

*Под неприступными стенами
Сказал боец друзьям своим:
«Весь Юг, Кавказ, ребята, с нами.
Врагу мы город не сдадим!»*

*И не сдадут! Ведь здесь навеки
Спаялись в дружбе, как один,
Грузины, русские, узбеки,
Таджик, казах и армянин.*

*Мы здесь – в степи, вы там – в предгорьях,
Сражаемся за право жить.
И в сердце ненависть утвоя,
Клянемся только победить!*

*Друзья и братья! Голос мести
Нас к новым подвигам зовет.
Во имя доблести и чести
Наш путь один – всегда вперед!*

Фронтовые песни, написанные и исполнявшиеся бойцами во время войны, в кошмарном кровопролитии Сталинградской битвы можно было без всякого преувеличения приравнять к оружию, поднимавшему боевой дух бойцов, сражавшихся не щадя своей жизни, чтобы отстоять город, разбить врага, защитить нашу многонациональную Родину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Песни Сталинградской битвы / сост., авт. вступит. статьи и комментариев П. Ф. Лебедев. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985. – 224 с.
2. Песни, опаленные войной: песенник / сост. Г. В. Щеглов. – Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1995. – 256 с.
3. Родимцев, А. И. Твои, Отечество, сыны / А. И. Родимцев. – Киев: Политиздат Украины, 1982. – 360 с.
4. Ситникова, О. И. Следуя традиции... (по итогам краеведческих чтений «Край родной, навек любимый...») / О. И. Ситникова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 8 (95) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 11). – С. 137–138.

УДК 37.072: 378.4
ББК 74.05

Г. М. Борликов, С. В. Даржинова

О СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Калмыцкий государственный университет

E-mail: president@kalmsu.ru

Статья посвящена проблемам поиска эффективной кооперации образовательных учреждений различного уровня через их сетевое взаимодействие, разработке оптимальных программ подготовки педагогических кадров с высшим и специальным образованием.

Ключевые слова: инновационное развитие; сетевая коммуникация, мультикультура, университет.

G. M. Borlikov, S. V. Darzhinova

ON THE NETWORKING OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS.

Kalmyk State University

The article is devoted to problems of searching for an effective cooperation among educational institutions at various levels via their networking. The authors also investigate the development optimal training programs of the teaching staff with higher and specialized education.

Keywords: innovative development; network communication; multiculturalism; university.

Приоритеты формирования рыночной экономики в нашей стране в последние десятилетия потребовали серьезных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества. Система образования и подготовки профессиональных кадров, выстроенная в условиях регулируемого рынка труда с обязательным распределением выпускников, ограничением мобильности абитуриентов и студентов, пришла в противоречие с современными международными и национальными стратегиями развития образования. В настоящее время научно-педагогическим сообществом ведется активный поиск повышения качества школьного образования, внедрения новых образовательных стандартов, реформирования организации, содержания и технологии подготовки специалистов [1].

Результаты ежегодного мониторинга, проводимого Министерством образования и науки РФ в последние годы, показывают, что наиболее сложная ситуация наблюдается в педагогических вузах, около 70 % которых, по данным анализа, признаны имеющими признаки неэффективности (материалы проверки 2012 г.).

Немаловажная роль в сложившейся негативной ситуации связана с низким престижем педа-

гогической профессии, практически отсутствием качественного отбора абитуриентов, мотивированных к педагогической деятельности, устаревшими методами и технологиями подготовки студентов, отсутствием связи вузовских кафедр с реальными потребностями школы. Одним из направлений поддержки развития педагогического образования является тесная кооперация университетов, педагогических колледжей и городского и сельского школьного образования, где накопились особые проблемы.

Разработка оптимальных программ подготовки педагогических кадров с высшим и специальным образованием на уровне академического и прикладного бакалавриата, магистратуры, закрепление их в профессиональной деятельности в системе образования возможно на основе сетевого взаимодействия всех образовательных структур [2].

Создание такого эффективного сетевого взаимодействия вуза с субъектами образования и работодателями позволит повысить качество подготовки педагогических кадров в регионе через выстроенную систему связей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообще-

ству инновационные модели содержания и управления системой образования.

При этом особая роль отводится университетам, готовящим кадры по широкому спектру направлений, имеющим подготовленные научно-педагогические коллективы и лидирующим в образовательной среде своих регионов.

Роль образования в экономическом и социальном развитии страны в настоящее время все более осознается государством и обществом. В документах, определяющих долгосрочную перспективу развития системы образования, поставлена цель – повышение конкурентного преимущества российской системы образования. При этом подчеркивается необходимость открытости системы образования для привлечения в педагогическую практику лучших знаний, специалистов, инновационных технологий и создания условий для сознательного и открытого сотрудничества педагогов, учащихся и родителей. Развитие сферы образования связано с успешной реализацией этих государственных задач [3]. Еще одним важным механизмом получения намеченных результатов является повышение эффективности инновационных процессов в образовании. При этом особую роль в процессе должны выполнять вузы, в частности, региональные университеты [4].

Глобализация высшего образования наделяет университеты при взаимодействии (коммуникации) с другими способностью переводить внешние принуждения и требования в специфическую форму. Например, такие проявления можно наблюдать в переносе коммуникации из реального мира в виртуальный мир, свободный от любого вида давления и принуждения.

Еще одной отличительной чертой следует отметить международную деятельность университетов, которая также характеризуется значительным влиянием на всю систему образования в целом. Международное взаимодействие вузов, функционирующее сквозь национальные границы, является отражением глобализации в сфере образования и эволюционного развития современного общества.

Необходимо также заметить, что степень рефракции университетского взаимодействия не является постоянной и зависит от целого ряда факторов: от культурных до информационных. В основе университетского взаимодействия лежат кросс-культурные процессы мобильности ученых, идей и направлений развития. Кросс-культурность выступает важнейшей со-

циокультурной чертой деятельности университетов, которые с развитием процесса глобализации вышли на новый этап.

Университетское взаимодействие (коммуникации) как часть культурной системы под влиянием глобализации характеризуется изменением интегративных свойств отношений с другими подсистемами общества: политической, правовой, экономической.

Необходимо признать, что взаимодействие (коммуникации) университета – это уникальный, в некоторой степени, автономный от государства мир, который конструируется им самим, и обусловленный не только глобализацией, но и самими государствами. Университет в мультикультурном взаимодействии обладает культурной силой, под которой понимается способность поддерживать свои традиции в условиях давления других традиций. Университет несет на себе культурную нагрузку нескольких уровней: культура страны, в которой он находится, собственная академическая культура, культурные элементы международной, которые привнесла глобализация при выходе университета на мировую арену взаимодействия. В этих условиях модель взаимодействия университета является наиболее перспективной в дальнейшем развитии инновационных процессов в образовании с точки зрения активизации усилий университета по межкультурной коммуникации, повышению культурной целостности системы образования, активизации мирового научного потенциала в решении глобальных проблем.

Модель взаимодействия университета представляет собой особое социокультурное явление, которое вбирает в себя все уровни взаимодействия системы образования в регионе, так как, объединяя рынок образовательных услуг, рынок научных кадров, становится важным условием ее инновационного развития [5].

Вопросы использования модели взаимодействия университета для решения задач инновационного развития в регионе пока еще не нашли достаточно полного отражения в системе образования и в педагогической практике, так как в настоящий момент недостаточно определена их взаимосвязь. Практика показывает, что инновационный процесс не всегда приводит к качественным изменениям в системе образования, так как инновации либо локализуются на уровне деятельности отдельных педагогов, либо инновационный процесс ограничивается административными действиями в отдельно взятом обра-

зовательном учреждении. Такую ситуацию можно изменить, если данную взаимосвязь рассматривать на основе третьего элемента, с которым тот и другой процессы взаимосвязаны.

Таким элементом становится сетевое взаимодействие. Университетское сетевое взаимодействие, направленное на совместное проектирование, позволяет перейти педагогам и самому образовательному учреждению с позиции реципиента в позицию со-разработчика, и за счет этого стать субъектом инновационного развития. Такой подход подтверждается проведенным опросом 150 учителей Калмыкии. 48 % опрошенных ответили, что сотрудничество с университетом и другими образовательными учреждениями в ходе внедрения инновационных технологий крайне необходимо, 35 % – желательно. Многие педагоги отмечали, что в сотрудничестве появляется возможность наиболее ясно осознавать образовательные и профессиональные результаты своей деятельности, возможность сравнивать результаты и способы их достижения, стремление их улучшить.

В то же время особая позиция в иерархии сетевой коммуникации, которую занимает университет, зависит не только от его достижений в сфере высшего образования, но и от инфраструктуры социальных, культурных, экономических и политических элементов и рамках государства и региона, в котором находится университет.

Разработка сетевой модели взаимодействия университета для инновационного развития региональной системы образования позволяет достичь следующих качественных изменений в регионе:

– появления стратегической направленности инновационной деятельности в системе образования;

– обновления содержания, форм и средств организации образовательного процесса на основе совместной коллективной распределенной деятельности участников сети, включая работодателей, руководителей, учителей, учащихся и др.;

– переноса (конкретизации) норм и способов, возникающих в сетевом взаимодействии, в организацию образовательного процесса, инновационной деятельности, в управление образовательным учреждением;

– создания сетевой организационной образовательной структуры на основе перераспределения полномочий и функций в организации образовательного процесса, инновационной деятельности, управлении;

– формирования готовности педагогов к инновационному развитию образовательного учреждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации».
2. Чучкевич, М. М. Основы управления сетевыми организациями / М. М. Чучкевич. – М.: Институт социологии РАН, 1999.
3. Федеральный Закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
4. Борликов, Г. М. Современный университет: ориентация на личность / Г. М. Борликов. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦВШ, 2006.
5. Борликов, Г. М. Формирование инновационной инфраструктуры регионального вуза как фактор устойчивого развития региона / Г. М. Борликов, Б. К. Салаев, С. Н. Ботова // Интеграция образования. – 2013. – № 1.

УДК 378:001.895
ББК 74.484.4

З. С. Сазонова, Т. М. Ткачева

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)
E-mail: zssazonova@yahoo.com

В статье обсуждается необходимость инновационных преобразований в системе инженерно-технического образования и проблемы подготовки преподавателей к их осуществлению.

Ключевые слова: инновации в образовании; инженерная педагогика; подготовка преподавателей.

Z. S. Sazonova, T. M. Tkacheva

ISSUES OF UNIVERSITY TEACHER PREPARATION TO THE WORK IN THE CONDITIONS OF INNOVATIONAL EDUCATION

Moscow State Automobile & Road Technical University - MADI

In the paper we discuss the necessity of innovational transformations in the system of engineering education and the problems of preparation of teachers to their implementation. We emphasize the role of engineering pedagogy in the solution of urgent problems

Keywords: innovations in education, engineering pedagogy, preparation of teachers.

Введение. Инженерно-техническое образование является неотъемлемым компонентом общечеловеческой культуры и фундаментальной основой развития инновационной экономики. Инновации в любой сфере деятельности осуществляют конкретные личности, обладающие особым системным качеством, обусловленным высоким уровнем потребности в творческом профессиональном и социальном самовыражении и получении новых социально значимых результатов деятельности.

В современных условиях постиндустриального общества требования к готовности бакалавров и магистров техники и технологий инновационно мыслить и действовать, непрерывно повышаются. Способность выпускников вузов к инновационной деятельности в профессиональной области зависит от многих факторов: от уровня инновационной насыщенности образовательно-культурной среды вузов; от инновационности осуществляемых процессов профессиональной подготовки студентов, от инновационной направленности системной деятельности педагогических кадров, от их готовности к использованию современных креативных педагогических технологий.

Проблемы обеспечения профессионально-педагогической готовности преподавателей технических вузов к успешной работе в условиях масштабной модернизации отечественного образования, включающей переход к уровневой структуре высшего образования и внедрение компетентностного подхода к реализации образовательных программ, являются, как никогда ранее, актуальными. Острота проблем обусловлена необходимостью создания инновационной конкурентоспособной отечественной экономики, основанной на эффективном использовании имеющегося в стране совокупного научного и интеллектуального потенциала, непрерывно генерируемых новых знаний, а также наличием интегральных требований студентов, рынка труда, государства и всего общества, предъявляемых к качеству профессиональной подготовки выпускников вузов и их готовности к инновационной деятельности.

За результаты подготовки бакалавров, специалистов и магистров к конкурентоспособной деятельности в условиях развития рыночной экономики ответственны преподавательские коллективы вузов. Непрерывное повышение уровней квалификации и инженерно-педагогической компетентности преподавателей техни-

ческих вузов является обязательным условием для того, чтобы качество профессиональной подготовки дипломированных выпускников вузов отвечало потребностям и требованиям «интегрального потребителя» современных образовательных услуг. Высокий уровень научной и профессионально-педагогической компетентности преподавателей высшей школы все в большей степени становится фактором качества подготовки выпускников к формированию наукоемкой отечественной экономики и ее инновационного развития.

Гуманистическая сущность и творческий характер – это две неотъемлемые характеристики педагогической деятельности преподавателей высшей школы. У педагогической деятельности преподавателей, осуществляющих подготовку будущих бакалавров, специалистов и магистров техники и технологий еще есть и особая, отличающая ее характеристика. Это – ее ярко выраженная социальная детерминированность, связанная с тем, что результаты опережающей инновационной инженерно-технической деятельности бакалавров и магистров, отвечающие прогностическим требованиям потребителей наукоемкой продукции, являются одним из главных факторов конкурентоспособности экономики.

Постоянный поток инноваций, рождающихся в университетских и правительственных исследовательских лабораториях развитых стран западного мира, непрерывно поступает в промышленные компании, и именно это обстоятельство является одним из главных секретов быстро развивающейся экономики Германии даже в условиях затяжного международного экономического кризиса [1].

Масштабы осуществления инноваций в системах высшего образования развитых стран указывают на то, что из отдельных и частных precedентов инновации уже превратились в необходимое условие и фактор развития образования. Во втором десятилетии XXI века сфера образования представляет собой одну из наиболее инновационных отраслей, во многом определяющих создание инновационного климата и конкурентоспособность экономик передовых стран.

В настоящее время лидирующее положение в международной системе технических университетов занимают те университеты, которые способны непрерывно наращивать интегральный, интеллектуальный и творческий потен-

циалы коллективов преподавателей и студентов. Важным условием актуализации и определения этих потенциалов является совместная разработка и создание образцов социально значимой инновационной техники и технологий, их сопровождение до этапа промышленного производства и продвижения на рынок востребованных наукоемких продуктов.

Целью инновационной профессионально-педагогической деятельности преподавателей современных технических университетов, осуществляемой на основе студентоцентрированного подхода, является создание организационных и психолого-педагогических условий, необходимых для самораскрытия личности каждого студента и развития его творческого потенциала в процессе непрерывной познавательной и творческой инженерно-созидательной деятельности, ориентированной на создание инновационных продуктов.

В новом Законе об образовании № 273-ФЗ ориентиры инновационной деятельности в образовании определены следующим образом: «Инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ».

Современные проблемы повышения квалификации преподавателей отечественных технических вузов. В связи с внедрением ФГОС ВПО нового поколения и переходом к работе на основе компетентностного подхода в условиях уровневой системы образования за последние два года существенно возросла реальная нагрузка профессорско-преподавательского состава отечественных вузов. Одним из неприятных измеряемых результатов работы, выполненной преподавателями вузов в связи с разработкой новых образовательных программ и соответствующего учебно-методического сопровождения, стало обнаружение низкого уровня методической компетентности значительной части преподавательских коллективов.

Согласно опросам, проведенным в рамках специального исследования, более 70 % преподавателей вузов испытывают затруднения при разработке и переработке учебно-методических комплексов дисциплин на основе ФГОС ВПО

нового поколения, 75 % – при внедрении интерактивных форм проведения занятий, более 50 % – при использовании в образовательном процессе информационных, в том числе интернет-технологий [2].

На качество подготовки преподавателей высшей школы отрицательно повлияло значительное сокращение сети учреждений переподготовки и повышения квалификации. В результате этого многие достижения отечественной высшей школы в области подготовки преподавательских кадров были утрачены. По разным источникам, в настоящий момент около 72 % преподавателей высшей школы не имеют педагогического образования, а курсы повышения квалификации, в большинстве своем, носят краткосрочный характер и не могут в полном объеме обеспечить формирование необходимых профессиональных компетенций.

В России проблемы, связанные с повышением квалификации преподавателей технических вузов и формированием их профессионально-педагогической готовности к обеспечению инновационного образования, до настоящего времени (начало 2014 года) решаются, главным образом, фрагментарно.

Финансируемое из государственных средств повышение квалификации преподавателей, осуществлявшееся до вступления в силу нового Закона об образовании (до 01.09.2013 г.) один раз в пять лет в рамках освоения 72-часовых образовательных программ по сформулированным Минвузом РФ приоритетным направлениям подготовки, являлось абсолютно недостаточным для обеспечения того уровня научно-педагогической компетентности преподавателей, который соответствует современным требованиям. Отечественная система инженерного образования брошен очень серьезный вызов – стать интеллектуально-творческой основой для инновационного развития экономики страны и повышения уровня качества жизни российских граждан. Для того, чтобы система инженерного образования смогла дать достойный ответ на обращенный к ней вызов, необходимо, в первую очередь, добиться значительного повышения уровня профессионально-педагогической компетентности преподавателей и их готовности к осуществлению профессиональной подготовки бакалавров и магистров техники и технологий в соответствии с опережающими международными требованиями.

В современных вузах проблема воспроизводства научно-педагогических кадров по-прежнему стоит достаточно остро.

Согласно статистике, несмотря на увеличение доли преподавателей среднего возраста (30–40 лет), во многих вузах численность преподавателей старше 50 лет составляет около 40 %, а в отдельных вузах еще выше.

В системе высшего профессионального образования возникла ситуация, когда, с одной стороны, сокращается число преподавателей, имеющих педагогическое образование, а с другой – постоянно возрастают требования к уровню профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава.

Для решения обсуждаемых актуальных проблем необходима организация эффективной системы профессиональной подготовки преподавателей высшей школы. Определенный импульс для ее становления и развития был получен в результате введения дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы», реализуемой образовательными учреждениями в условиях высшего (магистратура и аспирантура) и дополнительного профессионального образования.

Опрос выпускников вузов, получивших дополнительную квалификацию «Преподаватель высшей школы» в рамках магистратуры и аспирантуры, подтвердил, что в настоящее время практически отсутствуют современные учебно-методические комплексы дисциплин, в том числе электронные (90 %), а также наблюдается недостаточное использование в образовательном процессе технических средств обучения (прежде всего компьютерных возможностей, Интернета) (84,6 %) и интерактивных технологий (66,8 %). В результате было выявлено, что лишь небольшая часть выпускников магистратуры и аспирантуры, получивших дополнительную квалификацию, готова использовать в образовательном процессе вуза интерактивные (24,4 %), информационные технологии (24,4 %), имеет широкий спектр знаний для осуществления профессиональной мобильности (16,2 %), предусматривающей способность осуществления профессиональной деятельности в условиях всей инфраструктуры высшего учебного заведения [2].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что сложившаяся система не способна в полной мере реализовать возложенную на нее задачу подготовки преподавателей высшей школы но-

вого типа, уровень компетентности которых позволил бы на практике, а не декларативно реализовать инновационную модель образования и эффективно функционировать в изменившихся условиях студентоцентрированного и компетентностного подходов.

Сложившаяся ситуация требует срочного решения критически важной проблемы создания и реализации современной отечественной системы подготовки преподавателей высшей технической школы.

Роль инженерной педагогики в развитии инновационных процессов в инженерно-техническом образовании и экономике. Характер, скорость и эффективность инновационных процессов в различных отраслях экономики зависят от характера и эффективности инновационной деятельности в сфере образования, которые в значительной степени определяются уровнем готовности преподавателей инженерных вузов к инновационной деятельности, интегрирующей образовательный, научно-исследовательский, производственный и бизнес-компоненты.

Для педагогических систем, реализующих инновационное образование, характерно со-творчество коллективов преподавателей и студентов с субъектами промышленных предприятий и бизнеса. Атмосфера совместного творческого поиска является мощным фактором совместного синергетического развития. Подготовка и самоподготовка преподавателей инженерных вузов к инновационной системной деятельности, осуществляемой в условиях интеграции образования с наукой, производством и бизнесом, приобретает в современных условиях принципиальную значимость и относится к числу самых актуальных проблем системы отечественного высшего технического образования. Важную роль в решении этих проблем играет инженерная педагогика [3–5].

Главное отличие инженерной педагогики от традиционной состоит в том, что в ней выдвигаются иные цели и утверждаются новые ценности образования. Ими становятся новые знания, умения, навыки, способности и компетенции, необходимые для современной инженерной деятельности для решения широкого круга инновационных образовательных, научно-исследовательских и производственных задач. Инженерная педагогика, рассматриваемая в аспекте инженерного образования, является педагогической теорией для создания системы под-

готовки инженерных кадров и преподавателей высших технических учебных заведений (цели, принципы, содержание образования, методы, формы организации и средства обучения), целостной педагогической теорией создания, функционирования и развития учебно-научно-инновационных комплексов [5].

Современная инженерно-педагогическая подготовка преподавателей многих зарубежных и отечественных технических вузов осуществляется в процессе освоения ими комплексной образовательной программы, аккредитованной международным обществом по инженерной педагогике IGIP, корректируемой в соответствии с изменениями требований к инженерной и профессионально-педагогической деятельности.

Российские вузы выступили с инициативой присоединения к международному обществу по инженерной педагогике IGIP в 1990 году. В тот период в стране еще функционировала созданная в советский период система повышения квалификации преподавателей, однако разработанный основателем IGIP Адольфом Мелецником учебный план подготовки преподавателей и Реестр международных инженеров-педагогов вызвали в России значительный интерес.

В 1995 году на базе МАДИ был создан Российский мониторинговый комитет IGIP (РМК IGIP). С тех пор деятельность РМК IGIP постоянно получает моральную поддержку правительства Российской Федерации, Министерства образования и науки России, Ассоциации российских технических университетов и других организаций. В результате, в настоящее время в технических университетах, расположенных в разных регионах России, созданы и успешно функционируют 14 Центров инженерной педагогики, реализующих аккредитованную IGIP комплексную образовательную программу инженерно-педагогической подготовки преподавателей технических вузов. Во многих отечественных вузах (например, в МАДИ и МГТУ им. Н. Э. Баумана) созданы кафедры инженерной педагогики. В МАДИ, начиная с 2001 года, ежегодно проводится межвузовский научно-методологический семинар «Инновационные педагогические технологии в инженерном образовании». С 2011 года этот семинар получил статус международной региональной конференции IGIP.

К настоящему времени более трехсот пятидесяти преподавателей из 33 отечественных

университетов имеют сертификаты международных преподавателей технических вузов их фамилии включены в Реестр международных инженеров-педагогов. В России, начиная с 1998 года, проведено четыре самых крупных международных мероприятия по инженерной педагогике – три международных симпозиума IGIP и одна конференция. Два симпозиума состоялись в Москве (на базе МАДИ в 1998 г. и 2008 г.), один – в Санкт-Петербурге на базе горного института (теперь – национальный минерально-сырьевой университет «Горный») в 2003 году.

В 2013 году 42-я Международная конференция по инженерной педагогике была организована в Казани, ее работа прошла на базе Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ). Участники 42-й Международной конференции по инженерной педагогике, работали в Казани в период 25–27 сентября 2013 года под девизом «Глобальные вызовы в инженерном образовании» [6].

С момента создания в России мониторингового комитета IGIP появились и активно развиваются десятки получивших международную известность научных школ в области инженерной педагогики, например, в МГТУ им. Н. Э. Баумана, МАДИ, КНИТУ, ТНИПУ и в других университетах. В МАДИ ежегодно для участия в работе региональной международной конференции IGIP (совмещенной с межвузовским научно-педагогическим семинаром «Педагогические технологии в инженерном образовании») собирается многочисленная аудитория отечественных ученых и преподавателей разных технических вузов, работающих в области теории и практики инженерной педагогики. С каждым годом количество исследований в области инженерной педагогики и число соответствующих научных публикаций в отечественных и западноевропейских журналах стремительно возрастает.

Международное общество по инженерной педагогике IGIP уже в течение сорока лет занимается решением проблем обеспечения профессионально-педагогической и психолого-педагогической подготовки преподавателей технических дисциплин, имеющих опыт практической инженерной работы в сфере инженерии и инженерного бизнеса.

Необходимо констатировать, что вплоть до настоящего времени у значительного числа

преподавателей российских технических вузов старшего поколения отсутствует серьезная психологическая и педагогическая подготовка и уже в течение двух десятилетий практически не существует взаимодействия с реальным производством. Почти у всех выпускников аспирантуры, приступивших к педагогической работе в вузах, нет опыта работы в сфере современной инженерии, хотя уровень общеинженерных знаний, уровень владения информационными технологиями и уровень интеллекта у них очень высок. Однако молодые преподаватели технических дисциплин, приступая к педагогической деятельности сразу после защиты кандидатских диссертаций, ощущают необходимость в психолого-педагогической подготовке и стремятся ее получить.

Целостная профессионально-педагогическая и психолого-педагогическая подготовка российских преподавателей технических дисциплин в современных условиях осуществляется, главным образом, в рамках Центров инженерной педагогики, реализующих комплексную, аккредитованную международным обществом IGIP, образовательную программу по инженерной педагогике (как правило, за счет внебюджетных средств самих вузов).

К настоящему времени инженерная педагогика стала перспективным и быстро развивающимся самостоятельным научным направлением в области профессиональной педагогики.

В европейских странах, в том числе в Германии, лидирующей в сферах науки и высоких технологий, обеспечению инженерно-педагогической компетентности преподавателей технических дисциплин и повышению уровня их инновационной активности уделяется самое серьезное внимание [1].

В России отмеченная проблема также относится к числу наиболее актуальных. Неадаптированность современной отечественной системы высшего профессионального образования к стремительным изменениям предъявляемых к ней требований диктует необходимость незамедлительного внедрения инноваций в систему высшего профессионального образования и специальной инженерно-педагогической подготовки и переподготовки педагогического состава технических вузов на основе использования современных достижений международной научной школы инженерной педагогики, в том числе в области креативной педагогики.

Для многих преподавателей старшего поколения сложность перехода к креативному инженерному образованию связана с тем, что они сами в прошлом обучались в условиях репродуктивного учебного процесса и привыкли действовать в соответствии со сложившимся стереотипом транслятора знаний, который, даже при наличии желания, весьма сложно преодолеть.

Для повышения эффективности профессионального образования в масштабах страны педагогическим коллективам технических вузов необходимо освоить новейшие достижения инженерной педагогики, эффективно использовать методологию творческой деятельности и современные креативные педагогические технологии профессионально-творческой подготовки бакалавров, специалистов и магистров техники и технологий.

Решение этих проблем возможно при освоении аккредитованной международным обществом по инженерной педагогике IGIP образовательной программы, реализуемой в отечественных Центрах инженерной педагогики.

Кто он – современный инженер-педагог: ученый, инженер, или человек искусства? Этот вопрос, а также вопрос о том, следует ли отнести общую и инженерную педагогику к разряду наук или к разряду искусств, время от времени возобновляется. Вопрос о том, следует ли рассматривать педагогику как науку или только как искусство, серьезно изучал еще век назад великий русский ученый и педагог П. Ф. Каптерев [7].

Классик отечественной педагогики П. Ф. Каптерев писал о том, что ответ на заданный вопрос не может быть однозначным. Сначала необходимо выяснить и четко определить, что представляют собой наука, искусство и чем занимается педагогика. Ученый считал, что чисто научное знание совершенно и решительно чуждо каких-либо практических целей и интересов. Однако научные достижения человека, занимающегося чистой наукой, могут являться основой для богатейших практических приложений его научной теории. Практическая утилизация научного знания – это особый мир, отличающийся от чистого мира мысли и знания. Однако, как правило, ученый, не позволяющий себе абстрагироваться от реальной жизни обучения, воспитания и развития молодого поколения, стремится к утилизации установленного им научного знания, к его применению для ре-

шения различных социально значимых практических задач.

Педагог, являющийся человеком искусства, не ставит перед собой задачу получения нового знания ради самого знания. Он использует теоретические знания для повышения качества образовательного процесса в соответствии с непрерывно изменяющимися требованиями внешней (по отношению к педагогической системе) среды и требованиями самих субъектов образовательного процесса, используя научную информацию в качестве средства решения практических задач.

Блестящим примером такого педагога является основатель международной школы инженерной педагогики Адольф Мелецинек. Ученый, внесший значительный вклад в теорию инженерной педагогики, являлся одновременно квалифицированным инженером, педагогом-исследователем и педагогом-практиком, блестящим лектором, в совершенстве владеющим педагогическим мастерством, и талантливым организатором инженерно-педагогической деятельности в международных масштабах. В значительной степени благодаря научно-педагогическим достижениям самого А. Мелецинека и разработанной под его руководством методологии профессионально-педагогической подготовки инженеров-педагогов, инженерная педагогика, установив связь между техникой, техническими дисциплинами и дидактикой, создала для многих преподавателей технических вузов возможность овладеть педагогическим мастерством [8].

Доктор педагогических наук, профессор, действительный член Петровской академии наук и искусств Ф. Г. Ялалов называет уникальную способность любого специалиста выполнять одновременно (интегрировать) несколько разных видов профессиональной деятельности профессиональной многомерностью, отмечая, что основой для нее всегда является творческий подход к делу. В монографии «Профессиональная многомерность» Ф. Г. Ялалов фокусирует внимание на многомерности педагога, определяя ее как способность сочетать в своей деятельности несколько подходов, образовательных технологий и (или) выполнять одновременно несколько педагогических функций [9].

Так кто же он – современный инженер-педагог: ученый, инженер, или человек искусства? Анализ сущности системной многокомпонентной деятельности инженера-педагога по-

зволяет дать следующий ответ: инженер-педагог XXI века – это многомерный специалист инновационного типа, уникальная творческая деятельность которого интегрирует функции ученого, инженера и человека искусства.

Заключение. Формирующаяся в России инновационная экономика остро нуждается в притоке творческих, компетентных и квалифицированных выпускников технических вузов – бакалавров, специалистов и магистров техники и технологий. Подготовить таких специалистов могут только коллективы согласованно работающих творческих высоко квалифицированных и компетентных преподавателей технических вузов.

Решение проблем профессионально-педагогической подготовки нового поколения преподавателей отечественных технических университетов является императивом обеспечения высокого качества профессиональной подготовки нового поколения выпускников современных образовательных программ в области техники и технологий [10, 11]. Этот факт признается на самом высоком – государственном уровне. Анализ содержания Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 594 «О Президентской программе повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 годы» ориентирует на проведение серьезных научно-методических разработок в области инженерной педагогики, на осуществление практических действий в области инженерного образования, в том числе на изменения в системе подготовки и аттестации педагогических кадров.

Современная Россия ориентирована на создание системы инновационной экономики и обеспечение условий для ее устойчивого развития. У технических вузов и работающих в них научно-педагогических коллективов появляются принципиально новые функции. Прежде всего это инновационная функция, требующая активного влияния вузов на жизнь общества через инновационную деятельность. Синергетическая парадигма жизнедеятельности социума становится основой развития высшего технического образования, активно взаимодействующего с наукой, производством и бизнесом.

Современная инженерная педагогика как подсистема междисциплинарного научного метазнания, способствуя развитию других наук и наукоемкого производства, сама развивается

во взаимодействии с ними. Инженерная педагогика обогащается новыми содержательными и технологическими идеями, прогнозирует эмерджентные свойства инновационных педагогических технологий совместной творческой деятельности преподавателей и студентов, осуществляемой на основе студентоцентрированного и компетентностного подходов. Использование студентоцентрированного подхода к процессу профессиональной подготовки компетентных бакалавров, специалистов и магистров техники и технологий не отменяет и не уменьшает роль преподавателей технических вузов. Напротив, роль преподавателей в процессе профессиональной подготовки инженеров нового поколения значительно повышается. В связи с переходом отечественных вузов к работе на основе компетентностного подхода всем преподавателям технических вузов необходимо формирование новых знаний, умений и компетенций, отвечающих требованиям инновационного развития общества и личностным потребностям в изменении и саморазвитии.

В настоящее время преподаватели технических вузов осуществляют серьезные преобразования всех компонентов образовательного процесса. Специфика технического образования состоит в необходимости деятельностного освоения презентуемого в учебниках и учебных пособиях по дисциплинам (модулям) базового компонента образовательной программы профессиональной подготовки трудно вербализуемого, представляемого преимущественно в символично-графическом виде фундаментального и научно-технического знания как основы формируемой профессиональной компетентности. Создание качественных учебников, учебно-методических пособий и других учебных материалов как важнейших средств компетентностно-ориентированной подготовки инжене-

ров к конкурентоспособной инновационной деятельности является одной из первоочередных задач, которые необходимо быстро и качественно решить преподавательским коллективам технических вузов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болонский процесс: итоги десятилетия / под науч. ред. В. И. Байденко. – ИЦПКПС, 2011. – 446 с.
2. Сорокопуд, Ю. В. Развитие системы подготовки преподавателей высшей школы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Ю. В. Сорокопуд. – М., 2012. – 40 с.
3. Мелещук, А. Инженерная педагогика / А. Мелещук. – М.: МАДИ (ТУ), 1998. – 185 с.
4. Приходько, В. М. Инженерная педагогика: становление, развитие, перспективы / В. М. Приходько, З. С. Сазонова // Высшее образование в России. – 2007. – № 1. – С. 10–25.
5. Кирсанов, А. А. Основы инженерной педагогики / А. А. Кирсанов, В. М. Жураковский, В. М. Приходько, И. В. Федоров. – М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007. – 498 с.
6. Сазонова, З. С. Современные вызовы инженерному образованию и поиск адекватных ответов на них / З. С. Сазонова // Известия БГАРФ. – 2013. – № 3(25). – С. 97–106.
7. Каптерев, П. Ф. Избранные педагогические сочинения / П. Ф. Каптерев; под ред. А. М. Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.
8. Петрунева, Р. М. Высшая техническая школа: основы педагогического мастерства: учеб. пособие / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева, Н. В. Дулина / ВолгГТУ. – Волгоград, 2007. – 216 с.
9. Ялалов, Ф. Г. Профессиональная многомерность: монография / Ф. Г. Ялалов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 180 с.
10. Мосичева, И. А. Высшая школа и дополнительное профессиональное образование: проблемы и решения / И. А. Мосичева, В. П. Шестак, В. Н. Гуров. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – 323 с.
11. Матушанский, Г. У. Управление качеством дополнительного профессионального образования: учеб. пособие / Г. У. Матушанский, Е. Е. Таратонина, Р. Ф. Бакеева. – Казань: КГЭУ, 2008. – 220 с.

УДК 351
ББК 60.8

А. А. Огарков

**ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА
ДЛЯ ОРГАНОВ ГМУ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ**

**ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации» (Волгоградский филиал)**

E-mail: volgnauka@yandex.ru

Статья посвящена анализу и направлениям совершенствования компетентной модели специалиста в области государственного и муниципального управления. Ориентиром является подготовка специалистов, которые: во-первых, самостоятельно выбрали для себя роль проводников государственной политики; во-вторых, четыре года подряд специализировались и глубоко погружались в сложную и ответственную конфигурацию формирования и реализации государственной национальной и конфессиональной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; в-третьих, при подготовке выпускной квалификационной работы качественно проработали одну из актуальных проблематик в выбранной сфере вплоть до уровня апробации авторских практико-ориентированных инициатив.

Ключевые слова: кадровый резерв, органы государственного и муниципального управления, компетентностная модель, ФГОС, бакалавриат, государственная национальная и конфессиональная политика.

А. А. Ogarkov

**PROBLEMS OF TRAINING OF PERSONNEL RESERVE FOR
THE BODIES OF THE PUBLIC ADMINISTRATION IN INTERETHNIC
AND INTER-CONFESSIONAL SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA**

**Volgograd branch the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration**

The article is devoted to the analysis and improvements of the competent model of a specialist in the field of state and municipal management. The reference point is the training of specialists, which are: first, independently chose the role of conductors of public policy; secondly, four years in a row specialized and deeply immersed in a complex and responsible configuration of formation and realization of state national and confessional policy at the Federal, regional and municipal levels; third, in the preparation of the final qualifying work qualitatively worked for one of the topical problems in the chosen sphere, including at the level of approbation copyright of practice-oriented initiatives.

Keywords: personnel reserve, bodies of state and municipal management, competency-based model, GEF, bachelor, state national and confessional policy.

Сложное социопространство Юга России находится в постоянном межнациональном и межконфессиональном диалоге, интенсивность, векторность и результативность которого играет роль стратегической доминанты обеспечения региональной безопасности и общественного благополучия. Граждане РФ, проживающие в профильных административно-территориальных образованиях, живут и работают в исторически обусловленных уникальных условиях, что заставляет и позволяет актуализировать проблему формирования адекватных межнациональной и межконфессиональной уникальности органов государственного и муниципального управления.

Сколь значима роль органов ГМУ для межнационального и межконфессионального пространства Юга России? Представляется, что в условиях традиционности российского обще-

ства не будет преувеличением считать эту роль системообразующей, системосохраняющей и системоразвивающей. Именно органы ГМУ формируют и реализуют государственную национальную и конфессиональную политику на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. От качества работы, погруженности в проблематику, преданности и толерантности государственных и муниципальных служащих, в конечном итоге, зависят межнациональный и межконфессиональный мир и спокойствие в нашей стране.

Исходя из сделанного заявления, необходимо разобраться в компетентностной модели современного специалиста-ГМУшника. Данный бакалавриат относится к 08 УГС «Экономика и управление», что принципиально ориентирует специалиста-ГМУшника на профессиональную деятельность прежде всего в сложной со-

вокупности социально-экономических процессов с очевидным доминированием именно экономической составляющей. Немного забегаю вперед, следует отметить, что структура ФГОС 081100 «Государственное и муниципальное управление» [1] достаточно четко отражает приоритет своего УГС, являя собой пример механистического подхода в формировании компетентностной модели современного специалиста-ГМУшника и, как следствие, ожидаемо механистического подхода сотрудника органов ГМУ к формированию и реализации, в данном случае, государственной национальной и конфессиональной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Опыт составления профессиограммы как формулы профессии [2] специалиста в сферах ГМУ выявляет особенность ситуации, которая выражается прежде всего в том, что невозможно определить большую часть характеристик профессии: технологическая характеристика – предмет управленческого труда, объект управленческого труда, продукт управленческого труда, цель деятельности, должности, характеристики рабочего места, методы и средства осуществления трудовой деятельности; экономическая характеристика – спрос на профессию на рынке труда, перспективы трудоустройства, уровень оплаты труда и льгот; медицинская и психологическая характеристики – характеристики профессии менеджера. Расшифровку получила лишь педагогическая характеристика: требования к профессиональному образованию, цель профессиональной подготовки, цель воспитания личности, перечень компетентностей.

Констатация данного факта заставляет сделать следующий вывод: компетентностная модель профессиональной подготовки специалиста-ГМУшника не представляет собой завершенного комплекса. С опорой только на компетенции, навыки, знания и умения, предусмотренные стандартом, данный специалист безграмотен и неэффективен. Для профессиональной подготовки необходимых бакалавров принципиальное значение имеет реальное применение вышеперечисленного, реальная успешность поведения, реальная конкурентоспособность. Очевидно, что профессиональная подготовка не может научить компетентности. Виды профессиональной деятельности менеджера бессистемны.

ФГОС четко декларирует перечень компетенций [1]. Можно попытаться выявить те, ко-

торые могут быть востребованы для формирования и реализации в данном случае государственной национальной и конфессиональной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Из блока общекультурных компетенций (ОК) можно попытаться сделать ставку на две компетенции: знание базовых ценностей мировой культуры и готовность опираться на них в своей профессиональной деятельности, личностном и общекультурном развитии (ОК-3); способность и готовность к диалогу на основе ценностей гражданского демократического общества (ОК-6). Из блока профессиональных компетенций (ПК) можно попытаться сделать ставку также на две компетенции: умение находить основы для сотрудничества с другими органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, институтами гражданского общества, способностью определять потребности в информации, получать информацию из большого числа источников, оперативно и точно интерпретировать информацию (ПК-31); способность представлять интересы и официальную информацию органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, государственного или муниципального предприятия, учреждения при взаимодействии с иными органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, предприятиями и учреждениями, политическими партиями, общественно-политическими и некоммерческими организациями, институтами гражданского общества, средствами массовой коммуникации, гражданами (ПК-32).

Необходимо соотнести выявленные компетенции с блоками декларируемых учебных дисциплин, тем более, что из 240 зачетных дисциплин ФГОС четко распределяет Б1 – Гуманитарный, социальный и экономический цикл (дисциплины и зачетные единицы базовой и вариативной частей), Б2 – Математический и естественно-научный цикл (дисциплины и зачетные единицы базовой и вариативной частей), Б3 – Профессиональный цикл (дисциплины и зачетные единицы базовой и вариативной (36 единиц из 70-ти) частей). Таким образом, все вузы РФ, реализующие данную программу

подготовки, готовят специалистов по одному шаблону, имея возможность проявить себя лишь в объеме 34 зачетных единиц вариативной части БЗ, что возможно в рамках не более 15 профессиональных дисциплин.

Ситуация складывается таким образом, что ФГОС фактически не предусматривает ни одной специальной дисциплины, которые могли бы целенаправленно развить у будущего специалиста в сфере ГМУ компетенции, навыки, знания и умения в сфере межнационального и межконфессионального диалога. Нет ни отдельных дисциплин, ни специализаций. Вся дисциплинарная совокупность имеет сугубо технологический характер безотносительно тех процессов, которыми будущему специалисту придется заниматься. Межнациональный и межконфессиональный мир и спокойствие в нашей стране зависят от государственных и муниципальных служащих, совершенно профессионально не погруженных в эту уникальную и тонкую реальность. Можно добавить и то, что ФГОС не предполагает даже преддипломной практики перед подготовкой ВКР.

Убедившись в факте того, что профильной подготовки специалистов нет, автор обращается к вопросу о том, что можно было бы сделать. Ответ не может быть поверхностным. Например, в объеме 34 зачетных единиц вариативной части БЗ (15 профессиональных дисциплин) закрыть профнекомпетентность бакалавров. Но в какой из многочисленных сфер жизнедеятельности современных сложных региональных и муниципальных систем? Представляется, что рассчитывать на качественный эффект нельзя.

Очевидно, что должен быть принципиально изменен сам ФГОС. Целесообразными представляются следующие действия:

– полный и принципиальный отказ от ряда традиционных дисциплин: «История» (она длительное время изучается в школе и дополнительное изучение в вузе в рамках одного кратного семестра является пустой тратой времени), «Концепции современного естествознания» (ее применение в сфере ГМУ сводится к нулю), «Математика» (она длительное время изучается в школе, выпускник подтверждает общественную достаточность своих знаний сдачей обяза-

тельного ЕГЭ, результат которого учитывается при поступлении на бакалавриат ГМУ), «Физическая культура» (она длительное время изучается в школе, не имеет никакого отношения к компетентностной модели бакалавра, является скорее личным хобби студента) и проч.;

– обязательная специализация бакалавров по всем основным сферам деятельности органов ГМУ (по выбору обучающегося с первого года обучения) с профильными ежегодными практиками в соответствующих структурных подразделениях органов ГМУ;

– обязательная преддипломная практика для апробации выработанных при подготовке ВКР практико-ориентированных инициатив.

Позволит ли предлагаемая система сформировать адекватный межнациональной и межконфессиональной уникальности Юга России кадровый резерв органов государственного и муниципального управления? Представляется, что появляется реальная возможность максимально приблизиться к решению этой давно назревшей проблемы. Можно получить специалистов, которые: во-первых, самостоятельно выбрали для себя роль проводников государственной политики; во-вторых, четыре года подряд специализировались и глубоко погружались в сложную и ответственную конфигурацию формирования и реализации государственной национальной и конфессиональной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; в-третьих, при подготовке выпускной квалификационной работы качественно проработали одну из актуальных проблематик в выбранной сфере вплоть до уровня апробации авторских практико-ориентированных инициатив. От этих специалистов можно поставить в зависимость межнациональный и межконфессиональный мир и спокойствие в нашей стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ФГОС 081100 «Государственное и муниципальное управление». Приказ Минобрнауки России от 17 января 2011 г. № 41 // Сайт Министерства науки и образования Российской Федерации. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/1938>
2. <http://www.vectorweb.ru/psi/profi/50/>

УДК 316.4 и 37.061
ББК 60.54

М. А. Абрамова

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Институт философии и права СО РАН

E-mail: marika24@yandex.ru

В статье на основе использования институционального подхода выявляется роль системы образования в гармонизации межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Особо подчеркивается значение системы образования в преодолении трансакционных издержек переходного периода, в котором находится Россия, приводящих к трансформации традиционных моделей поведения, установок и аккультурационных моделей поведения.

Ключевые слова: институциональный подход, образование, институциональная динамика, трансакционные издержки.

М. А. Abramova

EDUCATION AS A FACTOR OF HARMONIZATION OF INTERETHNIC AND INTER-CONFESSIONAL INTERACTION

Institute of philosophy and law SB RAS

In article on the basis of use of the institutional approach comes the role of the education system in harmonization of interethnic and inter-confessional cooperation. Highlights the importance of education in overcoming transaction costs of the transition period in Russia, leading to the transformation of traditional models of behavior, attitudes, and acculturation behaviors.

Keywords: institutional approach, education, institutional dynamics, transaction costs.

В рамках институционального подхода к изучению влияния на процесс гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений системы образования важно выделить влияние институций – норм, обычаев поведения в обществе и институтов – закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений. Специфика институционального подхода состоит в признании значения влияния внеэкономических факторов на функционирование различных социальных институтов.

Поскольку трансформация каждого из социальных институтов невозможна без взаимообусловленного влияния, то и развитие общества в целом можно рассматривать как непрерывное развитие социальных институтов, что и подразумевает понятие институциональной динамики. Эволюционность в рамках исследования социальных институтов, отмеченная Д. Нормом [1], позволяет выделить два фактора, обуславливающие направление институциональных изменений – возрастающий масштаб отдачи и трансакционные издержки. Под трансакционными издержками В. М. Полтерович понимает формирование в условиях реформ новых норм, что в конечном итоге может затрагивать самые широкие круги от формирования государственного бюджета до изменения в ус-

тановках и поведении граждан. Как отмечают О. Бланхард и М. Кремер [2] всякая трансформация, особенно широкомасштабная, приводит в той или иной мере к дезорганизации системы, что обуславливает ухудшение условий для адаптации населения.

Одними из первых, кто попытался подвести теоретическую базу под анализ динамики трансформационных процессов в российском обществе постсоветского периода, были сотрудники группы Н. И. Лапина, созданной на базе Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) при Институте философии РАН в 1989 г. Они охарактеризовали процессы, происходящие в конце XX века в России, как социокультурную трансформацию – преобразование типа антропосоциетального соответствия или конкретно-исторической его формы. «Этот комплексный процесс, который охватывает все основные структуры общества, не сводится к реформам «сверху», а зависит от действий массовых социальных групп, что обуславливает незаданность его исхода. Он совершается многими поколениями и длится десятилетиями» [3].

В результате институциональной динамики, являющейся следствием трансформации российского общества, происходящей в последние

двадцать лет, изменились социокультурные условия жизни людей и в первую очередь преобразовались институциональная и социально-групповая структуры. Значительно дифференцировались ценностные ориентации людей, их представления о нормах [4]. Данная ситуация обусловила усиление влияния теории стратификаций в анализе российского общества. Одними из первых отечественных ученых, использовавших стратификационный подход для анализа условий трансформации современного российского общества, стали Ю. В. Арутюнян, З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская, В. В. Радаев, Р. В. Рывкина, Ф. Р. Филиппов, О. И. Шкаратан и другие авторы.

Особым направлением, сочетающим феноменологические и интеракционистские аспекты, является предложенная Л. Г. Иониным культурологическая концепция анализа постсоветского общества, базирующаяся на культурно-аналитическом подходе [5]. При понимании социокультурной трансформации он возвращается к известной теореме У. Томаса: «...если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям». О. В. Дудник отмечает, что наиболее важным концептуальным положением культурной социологии является репрезентативная культура, интегрирующая в себя все социальные факты, жизненные стили, стереотипы поведения и символы, актуальные для индивидов, и подчеркивает «высокоэвристичность анализа социальной трансформации как культурной реорганизации моностилистичной советской культуры в полистилистичную постсоветскую» [6]. С этим выводом совпадает и подход в рассмотрении причин трансформации общества, делающий акцент на кризисе субъектности, переживаемом российским обществом. Причины данного кризиса различны. Это и процесс «запаздывающей» или «догоняющей» модернизации 1990-х годов. В результате неорганичности процессов модернизации внутренний социально-культурный конфликт между группами, ориентированными на идеологию догоняющей модернизации, и группами, предпочитающими традиционалистские ценности, на каком-то этапе стал доминировать над осознанием исторической общности [7]. Это привело к разрушению старых советских и возникновению новых постсоветских типов солидарностей и идентификаций.

В результате трансформации различных типов идентичностей процесс инкультурации

личности, происходящий в результате погружения индивидов в их культурную среду, также претерпевает изменения. Усвоение моделей поведения, ценностей, норм, присущих или одобренных данной культурой, в условиях реформ приводит к возникновению новых, еще неадаптированных в обществе моделей поведения и установок, которые могут быть целесообразны в каждом отдельном случае, но без выполнения рефлексии весьма опасны для будущего и культуры и общества.

В этой связи одной из важнейших функций, выполняемых системой образования, является социализация. В результате данного процесса индивид усваивает социально выработанный опыт и прежде всего социальные роли. В процессе социализации происходит формирование таких индивидуальных образований, как личность и самосознание. В рамках этого процесса осуществляется усвоение социальных норм, умений, стереотипов, социальных установок, принятых в обществе форм поведения и общения, вариантов жизненного стиля. Необходимо отметить, что процессы инкультурации и социализации индивида не проходят изолированно, результаты трансмиссии во многом определяются не только взаимодействием с родной культурной средой, но и контактами с другими культурами. Процесс социокультурной трансформации индивидов под влиянием изменения первоначального культурного контекста или взаимодействия с иной культурной средой называют аккультурацией.

Традиционно выделяют первичную среду – семью и ближайшее окружение, где происходит социализация и инкультурация личности. Ко вторичной среде относят систему образования [8, 9].

Ряд социологов и психологов видит в сложившейся ситуации не столько позитивные возможности для развития личности, сколько скорее угрозу для формирования навыков по преодолению трансакционных издержек в условиях интенсификации институциональной динамики, поскольку люди могут вести себя адаптивно в ситуациях, допускающих только ограниченное число вариантов поведения [10]. При неограниченном выборе вариантов поведения выбор оптимального становится невозможным, в результате чего наступает состояние дезадаптированности [11].

В изучении системы образования и ее влияния на институциональную динамику институ-

циональный подход позволяет в социологии образования рассмотреть образование как социальный институт, представляющий собой элемент системы, выявить его социальную и культурную функции (В. А. Дмитриенко, Г. Е. Зборовский, Д. Л. Константиновский, Н. А. Лурья, А. М. Осипов, Ф. Р. Филиппов и др.). Это в первую очередь социализация и инкультурация членов общества, трансляция устойчивых социокультурных стандартов поведения и в итоге интеграция индивидов в социальную систему общества.

В условиях усиления транзакционных издержек, испытываемых индивидом, усиливается личностная ответственность родителей за будущее образование детей. Эта часть родительских функций расценивается уже не как помощь в становлении и формировании личности, а как личностная реализация посредством организации процесса развития, включая образование своего потомства как вложение средств не только в будущее своих детей, но и в свое будущее. Можно сделать вывод, что в процесс адаптации включается вся семья. И это косвенно расширяет интегративные возможности образования как социального института. Усвоение моделей поведения в межэтническом и межконфессиональном взаимодействиях во многом зависит и от установок, формируемых в семьях и в системе образования.

Но также важно отметить, что транзакционные издержки вследствие интенсификации институциональной динамики российского общества влияют на адаптацию не только молодежи, но и старшего поколения, которое в силу традиционной модели русской культуры, строившейся как постфигуративное, оказалось неспособным обеспечивать принцип преемственности в передаче социокультурного опыта. В этой ситуации усиливается нагрузка на образование как социальный институт, позволяющий выстроить коммуникационное простран-

ство для взаимодействия разных поколений, объединяя усилия родителей и детей в процессе социокультурной адаптации, аккультурации, выборе моделей поведения в межэтническом и межконфессиональном взаимодействиях как молодого поколения, так косвенно и самих родителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Изд-во «Начала», 1997.
2. Blanchard, O. Disorganization: Preprint / O. Blanchard, M. Kremer. – MIT and NBER, October 1996.
3. Лапин, Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация / Н. И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Том III. – № 3. – С. 32–39.
4. Осмачко, Н. В. Жизненные стратегии студенческой молодежи в социокультурном пространстве России: Социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук / Н. В. Осмачко. – Владивосток, 2005.
5. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учеб. пособие для студентов вузов / Л. Г. Ионин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2000.
6. Дудник, О. В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. В. Дудник. – М., 2002. – С. 14.
7. Бызов, Л. Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности / Л. Г. Бызов // Мир России. – 2002. – № 1. – С. 117–152.
8. Абрамова, М. А. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций / М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк. – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – 331 с.
9. Абрамова, М. А. Жизненные планы и адаптация различных социокультурных типов молодежи (на материале социологического и социально-психологического исследований в Республике Саха (Якутия)) / М. А. Абрамова, М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. XVI. – № 1. – С. 78–99.
10. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер. – М., 1981. – С. 194.
11. Налчаджян, А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. – М., 2010. – С. 53.

УДК 37.035.6
ББК 74.580.051.3

О. О. Ляшко, Э. В. Кемпинский

**МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТУДЕНТОВ:
ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Северо-Кавказский федеральный университет

E-mail: kempinskiy@yandex.ru

В статье показана системная деятельность Северо-Кавказского федерального университета по гармонизации межэтнических отношений среди студентов СКФУ и студенческой молодежи Юга России в целом. Успешно функционируют Центр межэтнического взаимодействия и Студенческий этнический совет СКФУ.

Ключевые слова: Северный Кавказ, федеральный университет, студенчество, межэтническое взаимодействие, общероссийская идентичность.

O. O. Lyashko, E. V. Kempinski

**INTERETHNIC INTERACTION OF STUDENTS: EXPERIENCE
OF THE NORTH-CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY**

North-Caucasus Federal University

The article shows the system the activities of the North-Caucasus Federal University of harmonization of interethnic relations among the students of NCFU and student youth of the South of Russia in General. Successfully operate the Center of interethnic relations and ethnic Student Council of NCFU.

Keywords: North Caucasus Federal University, the students, interethnic interaction, national identity.

Взаимодействие модернизации и традиционализма стало актуальным в наше время на рубеже XX–XXI веков. В России два последних десятилетия культивировалось религиозная и этническая идентичность. Только в последние годы более слышны стали слова об общероссийской гражданской идентичности, единой российской нации на основе многообразия этносов в Российской Федерации.

Северный Кавказ является типичным примером конфликта социально-экономической модернизации с традиционалистским обществом. Проблемы межкультурного взаимодействия и формирования общероссийской гражданской идентичности видно на примере студенческой среды Северного Кавказа. Многие студенты ранее воспитывались и обучались в замкнутых этнических сообществах, в силу чего слабо развиты навыки межэтнического общения, социализации в поликультурной среде личности северо-кавказского молодого человека. Практика показывает, что одной из причин дестабилизации межэтнического взаимодействия является слабое знание о народных традициях друг друга.

Необходимо расширять контакты между молодежью, деятелями культуры и искусства, науки, человеческие дружеские контакты.

Необходимо поддерживать симпатию северо-кавказских народов к русской культуре и науке, распространение ценностей русской культуры в республиках Северного Кавказа. Пре-

красно сказал Расул Гамзатов: «Если бы не русский язык и не русская культура, то я был бы поэтом одного ущелья».

Учитывая недостаточную осведомленность населения Центральной России, необходимо распространять знания о Северном Кавказе, его проблемах и менталитете местного населения.

В сближении, взаимообогащении культур северокавказских народов свою позитивную роль оказывает спорт и олимпийское движение.

Просвещение и образование являются средством к воспитанию нравственных и политических качеств. Позитивен исторический опыт формирования национальной элиты Северного Кавказа в ведущих образовательных центрах страны с преимущественно русским (славянским) составом учащихся и преподавателей.

Ставрополь является старейшим центром светского образования на Кавказе и с первой половины XIX века уже на протяжении почти двух веков достойно выполняет эту функцию. Духовная элита современных национальных республик Северного Кавказа помнит вклад Ставрополя в формирование национальной интеллигенции, дорожит доброй памятью о ставропольской школе и уважительно относится к Ставрополю как культурному и образовательному центру Северного Кавказа.

Миссию альма-матер для современного поколения представителей полиэтнического Северного Кавказа ныне продолжает Северо-Кав-

казский федеральный университет, созданный в 2012 году. Он объединил три вуза Ставропольского края: Северо-Кавказский технический университет (1971 год основания), Ставропольский государственный университет (1930 г.), Пятигорский гуманитарно-технологический университет (1999 г.).

СКФУ развивается как ведущая экспертная площадка для межкультурного диалога в полиэтническом социуме региона и ближнего зарубежья; значимый фактор снижения этнокультурного напряжения, оптимизации межэтнического и межконфессионального общения, укрепления роли русского языка и русской культуры, формирования у выпускников общероссийской идентичности, гражданского патриотизма и правовой культуры; ключевой центр геополитического влияния России через развитие образовательных, научных и культурных связей регионов, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа, с приграничными государствами.

В университете обучается около 40 тысяч студентов, относящих себя более чем к 80 этнокультурным общностям Северного Кавказа, Российской Федерации в целом и зарубежных стран. Эта численность и полиэтнический состав являются важным фактором социальной и политической жизни Ставропольского края, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов Российской Федерации.

В Северо-Кавказском федеральном университете сложился единый учебно-воспитательный процесс для формирования у студентов компетенций межнационального общения. Создано более 60 специализированных учебных курсов, направленных на формирование у молодежи основ правовой культуры, приобщения их к культурно-исторической традиции Отечества и воспитания чувства гражданской ответственности и патриотизма, формирования этнокультурных компетенций, изучения истории и культуры народов, проживающих на территории Северного Кавказа. Согласно приказу ректора университета № 186-0 от 18 сентября 2012 года, с учетом особой роли СКФУ в полиэтничном, поликонфессиональном Северо-Кавказском регионе для студентов первых курсов всех специальностей университетского профиля установлены обязательные учебные дисциплины: «Этнология Юга России», «Основы социокультурной адаптации и интеграции», «Правовая культура», «Основы православной культуры»,

«Ислам на Кавказе». Знания закрепляются в повседневной жизни студентов.

В структуре Управления воспитательной работы СКФУ создан Отдел гражданско-патриотического и патриотического воспитания, в составе которого действует Центр межэтнического взаимодействия. Сплотился Студенческий этнический совет СКФУ. В Совет входят представители наиболее многочисленных национально-культурных групп студентов Северо-Кавказского федерального университета: народов Дагестана, карачаевцы, черкесы, чеченцы, ингуши, балкарцы, абазыны, армяне, кабардинцы, ногойцы, туркмены, осетины, русские (в т. ч. казаки).

Деятельность центра межэтнического взаимодействия и Студенческого этнического совета СКФУ направлена на формирование у студентов общероссийской идентичности при опоре на полиэтническую культуру народов Северного Кавказа; обретение знаний об истории и культуре собственного и других народов; обеспечение уважительных отношений между представителями разных этнических общностей (народов); формирование культуры межэтнического общения в студенческой среде; предотвращение распространения ксенофобии и этнической нетерпимости, противодействие любым проявлениям этнического и религиозного экстремизма; взаимодействие с национально-культурными объединениями; содействие в профилактике студенческих конфликтов, носящих этнический характер; взаимодействие со студенческими обществами ведущих вузов Юга России.

Мероприятия Центра и Совета поддерживают администрация университета и лично ректор Алина Афакоевна Левитская, Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества, Полномочные представители республик СКФО в Ставропольском крае, лидеры национально-культурных обществ в Ставропольском крае.

Подготовлено и заключено Соглашение между университетом и органами исполнительной власти края о совместных действиях с целью гармонизации межэтнических и этноконфессиональных отношений, формирования общегражданской российской идентичности и предупреждения этнического и религиозного экстремизма в молодежной среде [1].

Студенты принимают участие в социально-политических мероприятиях городского, крае-

вого и окружного уровней, проводимых общественными организациями и органами власти. В частности, наши активисты – участники Учредительного собрания и многих мероприятий общественного объединения «Союз народов Ставрополя за мир на Кавказе».

Организованы встречи студентов с представителями правительств республик СКФО РФ и Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, правоохранительных органов края и округа, администрации города Ставрополя, руководством национально-культурных объединений в Ставропольском крае, общественными деятелями федерального уровня (журналист М. Л. Шевченко, член Российского Совета по международным делам А. С. Дзасохов).

По запросу лидеров национально-культурных объединений и официальных представителей республик проводится мониторинг успеваемости и дисциплины студентов-представителей народов данных республик.

Инициировались и проводились выездные семинары межэтнического общения студентов в г. Махачкала и Дербент (Дагестанский государственный университет) [2], Владикавказ (Северо-Осетинский государственный университет) [3], тренинги межэтнического общения в общежитиях университета, институтах университета, среди членов Студенческого этнического совета и активистов Центра [4].

Проводились этнографические выставки [5; 6], творческие мастерские «Традиции моей многонациональной семьи», «Моя любимая национальная детская игрушка», литературно-музыкальная гостиная «День родного языка» [7], фотоконкурс «Кавказ: территория туризма», посвященная Дню России; конкурс НИРС и общественной деятельности «СКФУ: традиции дружбы и синтез культур» и другие [8].

Студенты приняли участие в городских, краевых, окружных, межрегиональных, Всероссийских и международных культурно-массовых и просветительских мероприятиях, конференциях, акциях и форумах, а именно: учредительное собрание Всероссийского межнационального союза молодежи (Москва), акция в Кургане «Молодежь против терроризма», посвященной памяти погибших в Беслане 1 сентября 2004 [9], международная конференция «Сталинградская битва в судьбах народов» (Волгоград) [10, 11], Всероссийский межнациональный студенческий форум (Воронеж) и многие другие.

Члены Студенческого этнического совета по приглашению администрации села Новокумского были на открытии этнодеревни молочан и казаков-некрасовцев, сохраняющих свои народные традиции еще с XVII века.

Организовано сотрудничество с Южным федеральным университетом в проведении мероприятий фестиваля «Мир Кавказу» [12, 13].

Студенческий этнический совет предложил провести фестиваль народных культур Северного Кавказа «СКФУ: Дом дружбы». Он состоялся 4–15 ноября 2013 г. [14, 15]. Направлен на формирование культуры межнационального общения, поддержание интереса и уважения к духовно-нравственным и культурным ценностям народов региона. В фестивале приняли активное участие студенты Карачаево-Черкесского, Северо-Осетинского, Кабардино-Балкарского государственных университетов, Ставропольского государственного педагогического института, Института Дружбы народов Кавказа, иностранные студенты СКФУ.

На протяжении двух недель каждый день проходили различные мероприятия: молодежная акция «В единстве наша сила!» в день народного единства в Парке Победы города Ставрополя, студенческая межвузовская конференция «Студенчество Северного Кавказа: сегодня и завтра», турнир народных игр «Богатырская сила», ярмарка ремесел, историко-географическая игра-квест «Ставрополь – врата Кавказа», чемпионат СКФУ по греко-римской борьбе, карнавал национальной кухни, концерт фольклорного творчества «Хоровод Дружбы», интеллектуальная игра брейн-ринг «Мой Кавказ», литературная гостиная «Как сладкую песню отчизны моей люблю я Кавказ», этнографическая выставка «Кавказ предо мной» и даже состязание шашлычников нашего вуза. Накануне Международного дня студентов прошел гала-концерт в Концертном зале города Ставрополя.

Особенностью фестиваля являлось то, что в каждом мероприятии принимали активное участие студенты-представители разных этносов, мы не стали проводить дни культур отдельных этносов Северного Кавказа, дни республик. Даже в днях национальной кухни типичные блюда разных народов готовили команды из разных этносов.

Очевидно, что фестиваль будет развиваться ежегодно.

Предложенный на фестивале Этический кодекс студентов СКФУ был подготовлен и при-

нят на студенческом референдуме 28 февраля 2014 г. [16, 17].

Изданы пособия по воспитательной работе [18, 19, 20].

Информация о деятельности в сфере гармонизации межэтнических отношений размещается в печатных СМИ, на сайтах и в локальных сетях.

Студенты, члены Студенческого этнического совета СКФУ удостоены грамотами Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, Полномочного представителя Республики Северная Осетия-Алания, руководителей национально-культурных объединений в Ставропольском крае. Участие в мероприятиях и в разных номинациях конкурсов студентов разных этнокультурных групп приводит к тому, что наградами от одних национально-культурных автономий удостаиваются и представители других автономий: армяне-азербайджанцы, осетины-ингуши и т. д. Несмотря на деятельность Студенческого этнического совета, особенностей его формирования по этнокультурному принципу, главное, что идентифицирует активистов, – это общестуденческая корпорация, единое российское гражданство без этнических ограничений и привилегий.

Период интеграции студентов, вошедших в состав СКФУ вузов с разной системой воспитательной работы, пройден.

В ходе многих системных мероприятий учебно-воспитательного процесса мы показали: культура, народная дипломатия, просвещение и образование, совместная деятельность сближает этносы.

Студенческая молодежь СКФУ является не только носителем своих этнокультурных традиций, объектом межкультурного воздействия и формирования общероссийской гражданской идентичности – российской нации. Хочется надеяться, что студенты, обладающие научными знаниями и межкультурной толерантностью, будут проводниками культуры межэтнических отношений среди населения региона и Российской Федерацией в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. <http://www.ncfu.ru/2013/03/14/vospitat-solidarnoe-obschestvo.html>
2. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=2621>
3. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=2176>
4. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=3474>
5. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=4227>
6. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=4062>
7. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=4403>
8. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=4091>
9. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=3230>
10. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=1363>
11. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=1069>
12. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=3415>
13. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=3910>
14. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=3787>
15. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=3608>
16. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=4277>
17. <http://www.ncfu.ru/index.php?newsid=4450>
18. Справочник активиста Центра межэтнического взаимодействия СКФУ. - Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013.
19. Этнокультурные традиции. Вып. 1. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013.
20. Межэтнические отношения на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI вв. (анализ материалов Всероссийской научной конференции «Северный Кавказ: геополитика, история, культура»). – Ставрополь, 2013.

УДК 378.18
ББК 74.4

В. А. Магин, Н. А. Сиволобова

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Северо-Кавказский федеральный университет

E-mail: nsivolobova@mail.ru

Статья посвящена обобщению опыта организации гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи в Северо-Кавказском федеральном университете.

Ключевые слова: воспитание, гражданственность, патриотизм, студенческая молодежь, Северо-Кавказский федеральный университет.

V. A. Magin, N. A. Sivolobova

NORTH CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY: EXPERIENCE IN ORGANIZING CIVIC AND PATRIOTIC EDUCATION

North Caucasus Federal University

Article is devoted to the generalization of experience in organizing civic and patriotic education of students in the North Caucasus Federal University.

Keywords: education, citizenship, patriotism, students, the North Caucasian Federal University.

Северо-Кавказский федеральный университет, развивающийся во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации № 854-р от 28 мая 2012 г. как ведущая экспертная площадка для межкультурного диалога в полиэтническом социуме региона и ближнего зарубежья, является координационным центром воспитания гражданственности и патриотизма студенческой молодежи в Северо-Кавказском федеральном округе [2].

В соответствии с Программой развития СКФУ до 2021 года, воспитание гражданской ответственности и патриотизма становится одним из приоритетных направлений воспитательной работы в университете. В качестве координатора гражданско-патриотического воспитания студентов выступает отдел гражданско-правового и патриотического воспитания Управления воспитательной работы, включающий работу трех центров: Центра патриотического воспитания, Центра правового воспитания и Центра межэтнического взаимодействия.

Основной целью Центра патриотического воспитания является формирование гражданского сознания студентов, воспитание патриотизма в условиях поликультурной воспитательной среды. В рамках работы Центра за 2012–2013 учебный год организованы и проведены мероприятия различного уровня, в том числе региональная конференция «Гражданственность и патриотизм: ретроспектива и перспективы», акция, приуроченная к 70-летию освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков «Мы помним! Мы гордимся!», студенческая акция к 70-летию Битвы за Кавказ «Участие народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне», мультимедийный фестиваль студенческого творчества «Сталинград 3.0».

Основным мероприятием прошедшего года стала Всекавказская студенческая акция «Наша общая победа», приуроченная к Дню Победы, в которой приняли участие представители вузов Северо-Кавказского федерального округа.

Студенты университета принимают активное участие в выездных мероприятиях, посвященных воспитанию гражданственности и патриотизма. Так, например, в феврале 2013 года студенты университета участвовали в молодежном добровольческом слете в рамках празднования 70-й годовщины Победы в Сталинградской битве (г. Волгоград), целью кото-

рого стала пропаганда активной гражданской позиции, роли молодежи в сохранении исторической памяти. В рамках работы слета студенты выступили с докладами на международной научно-практической конференции «Сталинградская битва в судьбах народов».

На базе отдела гражданско-патриотического и правового воспитания Управления воспитательной работы создан патриотический отряд «ИСТОК», который является добровольным объединением студентов и действует на основании Устава СКФУ и имеет программу деятельности. В своей деятельности «ИСТОК» руководствуется действующим законодательством Российской Федерации и Положением, определяющим статус отряда. Отряд строит свою работу на основе взаимодействия с государственными и общественными организациями, опираясь на инициативу актива отряда. Отряд имеет свою эмблему и девиз. Внешний вид и содержание эмблемы и девиза разработаны общим собранием отряда и утверждены совместным собранием отряда и отдела гражданско-правового и патриотического воспитания.

Цель студенческого отряда «ИСТОК»: создание условий, способствующих патриотическому, физическому, интеллектуальному и духовному развитию личности студентов, их лидерских качеств и гражданской инициативы.

Направления работы отряда: содействие заместителям по воспитательной работе директоров институтов, филиалов, деканов, кураторам академических групп, студенческому активу в сфере организации массовых форм внеучебной воспитательной работы в университете, имеющих патриотическую направленность; вовлечение студентов, аспирантов и преподавателей университета в работу по патриотическому воспитанию; подготовка и проведение акций в рамках патриотических мероприятий, организуемых в городе, крае, регионе и на федеральном уровне; подготовка и проведение спортивно-патриотической игры «СТАЛКЕР»; организация и проведение выездных семинаров и форумов по патриотической проблематике; организация шефской работы над патриотическими объединениями институтов университета.

Управление отрядом осуществляется отделом гражданско-правового и патриотического воспитания СКФУ.

Источниками формирования материальной базы отряда являются: финансирование, выделяемые в соответствии с программой развития

СКФУ; средства, привлекаемые из бюджета организаций, с которыми сотрудничает отряд; грантовая деятельность.

В прошедшем году активисты отряда приняли участие во всех мероприятиях, проводимых отделом. На ближайший год отрядом также планируется ряд мероприятий патриотической направленности, а именно: историко-географическая игра «Битва за Кавказ», акция к дню организации отряда, акция «Лента дружбы», съемка фильма «Синопское сражение», интеллектуальная игра, посвященная Сталинградской битве, праздник к Дню защитника Отечества «А ну-ка, мальчики», празднование Международного женского дня «А ну-ка, девочки», День здоровья, акция к Дню космонавтики, выпуск брошюры, посвященной знаменитым ставропольцам, участие в планируемом отделом мероприятии «Наша общая победа», организуемом к 9 мая.

Большое значение для формирования гражданской позиции, российской идентичности и патриотизма в поликультурной среде вуза имеет работа Центра межэтнического взаимодействия и Студенческого этнического совета. В состав Совета входят представители наиболее многочисленных национально-культурных групп студентов Северо-Кавказского федерального университета: русские, карачаевцы, черкесы, чеченцы, ингуши, балкарцы, абазины, армяне, кабардинцы, ногайцы, туркмены, осетины, народы Дагестана.

Студенческий этнический совет проводит заседания, на которых рассматриваются вопросы гармонизации межэтнических отношений в студенческой среде; формы укрепления общероссийских социокультурных ценностей в поведении студентов и их культурном пространстве, формирования у студентов этнокультурных компетенций; профилактики конфликтов на почве межэтнических и межконфессиональных отношений и предупреждения этнического и религиозного экстремизма среди студентов.

Большое значение в формировании гражданского сознания студентов университета имеет Центр правового воспитания, основными задачами которого являются: формирование правосознания студентов СКФУ; правовое обучение через семинары, тренинги; приобщение молодежи к общечеловеческим нормам морали, формирование чувства уважения к законности и правопорядку, национальным морально-правовым традициям, кодексу профессиональ-

ной чести и моральным ценностям; привитие чувства гордости, глубокого уважения и почитания государственных символов Российской Федерации: Герба, Флага, Гимна, официальных символов Ставропольского края.

Целью и задачами мероприятий Центра являются: предупреждение правонарушений и антиобщественных действий, выявление и устранение причин, способствующих их совершению, повышение оперативности реагирования на сообщения о правонарушениях студентов по месту жительства, в общественных местах и нарушения внутреннего распорядка в университете, совершенствование нормативной базы университета по профилактике правонарушений.

Проведение данной работы позволяет добиться совершенствования системы профилактики правонарушений, снижения пороговых значений уровня правонарушений, создать комплексную систему профилактики правонарушений студентов, обеспечить защиту прав и законных интересов студентов, повысить эффективность социально-реабилитационной работы с дезадаптированными студентами, совершившими противоправные действия.

Ведущее значение для формирования гражданского сознания студенческой молодежи, воспитания патриотизма и российской идентичности имеет построение учебного процесса в вузе. Так, в 2013 году произведен первый набор магистрантов по направлению «Педагогическое образование» по программе «Воспитательная работа с молодежью». Учебный план программы включает такие дисциплины, как инновационные процессы в образовании, психология позитивного взаимодействия в поликультурном пространстве, методика воспитательной работы, проектирование воспитательной работы в образовательных учреждениях, педагогический менеджмент, современные теории и технологии социального воспитания, организация досуга учащейся молодежи, социально-педагогическое сопровождение детских и молодежных объединений и организаций и др. [1].

Особое место в учебном плане программы отведено дисциплине «Гражданское и патриотическое воспитание учащейся молодежи». Целью и задачами данной дисциплины выступают:

— изучение принципов организации гражданско-патриотического воспитания учащихся, инновационных основ проектирования процесса формирования гражданско-патриотической

культуры учащихся в образовательных учреждениях различного типа, государственных механизмов регулирования процесса гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи в сфере истории и методологии педагогической науки;

– формирование умений обосновывать и адекватно оценивать влияние политической и социальной жизни страны на современную ситуацию в сферах культуры и образования, использовать методики диагностики и формирования гражданственности и патриотизма учащейся молодежи, применять педагогические знания в будущей профессиональной деятельности;

– обучение основам проектирования процесса организации гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи, методикам психолого-педагогической диагностики уровня сформированности гражданственности и патриотизма, методам сбора, анализа и обобщения результатов научного педагогического исследования в сфере воспитательной работы, межкультурной коммуникации в полиэтнической среде.

В результате изучения дисциплины формируются следующие компетенции: способность применять современные методики и технологии организации и реализации образовательного процесса на различных образовательных ступенях в различных образовательных учреждениях; готовность к систематизации, обобщению и распространению методического опыта (отечественного и зарубежного) в профессиональной области; способность разрабатывать и реализовывать просветительские программы в целях популяризации научных знаний и культурных традиций.

Содержание дисциплины включает изучение становления и развития идеи гражданского и патриотического воспитания учащейся молодежи в истории педагогической науки, нормативно-правового обеспечения процесса организации гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи, теоретических основ гражданско-патриотического воспитания, целей,

задач, принципов гражданского и патриотического воспитания, классификации методов гражданско-патриотического воспитания, организационных форм гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи, современных подходов к решению проблемы организации гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи, принципов эффективного выбора и использования информационных технологий в инновационном воспитательном процессе.

В заключение следует отметить, что воспитание современного студента не может быть сведено к формированию у него тех или иных социальных качеств. Основой данного процесса и своеобразной точкой отсчета является базовая культура личности студента, сложившаяся у него в ходе предшествующей социализации система целостных свойств, качеств, профессиональных ориентаций, поведенческих установок. По этой причине основные усилия педагогического коллектива вуза должны быть направлены на поиск не только эффективных мер воспитательного воздействия на личность студента, преподавателя, но и на формирование мотивации к самовоспитанию, саморазвитию, на создание условий, позволяющих студенту быть активным субъектом социальной деятельности, вне которой немыслимо успешное формирование гражданской зрелости, национальной и российской идентичности, осознанной жизненной позиции, готовности к успешной профессиональной деятельности в новых социально-экономических условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Перечень направлений магистратуры, реализуемых в СКФУ // Северо-Кавказский федеральный университет. – 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ncfu.ru/magistratura.html/>
2. Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет» на 2012–2021 годы // Северо-Кавказский федеральный университет. – 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ncfu.ru/uploads/doc/razvitie.pdf/>

УДК 37.035.6
ББК 74.200.504

Н. В. Машенцева

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ОСНОВА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Российский университет дружбы народов

E-mail: mnvrudn@mail.ru

Статья посвящена анализу компонентов социокультурной среды вуза как основы для межнационального и межконфессионального взаимодействия, патриотического воспитания студентов и диалога культур.

Ключевые слова: социокультурная среда, межнациональное взаимодействие, межконфессиональное взаимодействие, патриотическое воспитание, культура патриотизма, поликультурное образование, толерантность.

H. V. Mashentseva

**SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT HIGH SCHOOL AS A BASIS FOR
OF INTERETHNIC AND INTERRELIGIOUS OF INTERACTION**

Peoples' Friendship University of Russia

Article is devoted the analysis the components of the sociocultural environment high school as a basis for interethnic and interreligious of interaction, patriotic education of students and the dialogue of cultures.

Keywords: sociocultural environment, interethnic interaction, interreligious interaction, patriotic education, culture of patriotism, multicultural education, tolerance.

Интеграция российского образования в мировое и европейское образовательное пространство стимулирует вузы России развивать международное направление своей деятельности. На сегодняшний день большинство как государственных, так и негосударственных российских вузов стремится усиливать свое образовательное влияние в ближнем и дальнем зарубежье. Эти процессы изменяют характеристики социокультурной среды вуза.

Социокультурная среда вуза представляет собой синергетическое взаимодействие четырех основных компонентов: сообщество, социальные связи, социальные нормы, социальные процессы [1].

Социокультурная среда многонационального вуза представляет собой поликультурное пространство. Ее инфраструктура детерминирована особенностями многонационального контингента обучающихся и, соответственно, многообразием их ценностных установок, жизненных принципов, способов культурной и религиозной самоидентификации.

Стабильность социокультурной среды вуза зависит от сформированной системы норм и ценностей ее участников (преподавателей, студентов, администрации, сотрудников) и разработанных механизмов ее сохранения и развития. Однако следует учитывать, что у каждого из субъектов образовательного процесса есть свой набор нравственных норм и ценностей, которые сформировались в условиях той социокультурной среды,

в которой данный индивид был рожден и воспитан. Поэтому ценностные установки обучающихся могут не совпадать с той системой норм и ценностей, которая сложились и существует в вузе.

Для повышения эффективности и целенаправленности воспитательных влияний социокультурной среды вуза необходимо уже на этапе адаптации обучающихся к новой для них среде обучения и проживания не просто ознакомить их с требованиями и традициями вуза, а дать им почувствовать себя полноправными членами этой среды.

В этом плане концепт корпоративной культуры обладает серьезным эвристическим потенциалом по отношению к социокультурной среде вуза. К элементам корпоративной культуры относятся: ценности; традиции; этика; корпоративные мероприятия; корпоративные коммуникации; этикет; здоровый образ жизни, которые, будучи включенными в формально-организационную и поведенческую практику социокультурной среды вуза, наполняются ее конкретным содержанием [2].

Система норм и ценностей социокультурной среды вуза отражается во всех ее элементах: управленческой, учебно-воспитательной, коммуникативной, информационной, внеучебной. Социокультурная среда вуза оказывает интегративное влияние на процесс личностного становления обучающихся, это специально организованное пространство для культурного саморазвития и самореализации обучающихся.

Социокультурная среда многонационального вуза является средой, воспитывающей толерантность, оказывает большое влияние на формирование межнациональных связей, поликультурное взаимодействие субъектов образовательной организации, в том числе через организацию деятельности национальных и интернациональных студенческих объединений.

Обучающиеся осознают свою этническую принадлежность зачастую через призму различных социальных факторов. В групповом сознании этническая определенность проявляется более четко. И. С. Кон, анализируя национальный характер, справедливо замечает, что существование национальной культуры еще не определяет обязательное наличие национально-специфических черт у отдельной личности. Он утверждает, что национально-специфической является лишь вся совокупность определенных психических черт, но ни одна из этих черт, взятая в отдельности, не является уникальной, она может встречаться и у других народов [3].

Поскольку социокультурная среда вуза является открытой, происходит ее постоянное культурное обогащение и развитие за счет как формально организованного, так и неформального взаимодействия и диалога культур многонационального контингента обучающихся.

Социокультурная среда вуза как педагогически организованная среда оказывает безусловное влияние на раскрытие индивидуальных ресурсов личности в направлении поликультурного образования и коммуникаций. Оптимально организованная социокультурная среда вуза обеспечивает психолого-педагогическую поддержку обучающихся в сложных ситуациях, в том числе по урегулированию и профилактике конфликтов на межнациональной и религиозной почве.

Анализируя социокультурную среду современного вуза, можно увидеть, что в ней преобладают гуманитарные методы и средства педагогического воздействия, обеспечивающие воспитание человека, способного к продуктивному сотрудничеству и совместной деятельности с людьми, различными по своему вероисповеданию, национальности, менталитету, убеждениям, образу жизни.

Одновременно, следует отметить имеющийся воспитательный потенциал социокультурного пространства вуза в формировании гражданско-патриотической позиции обучающихся путем приобщения к национальным и российским ценностям культуры и традициям.

С опорой на идеи П. А. Флоренского, М. М. Бахтина, В. Б. Шиловского, И. А. Ильина и В. С. Библера может быть сформулировано понимание культуры патриотизма как совокупного родового, творческого опыта. Культура патриотизма перестает быть внешней средой, к которой должен адаптироваться молодой человек. Движущей силой воспитания патриотизма является не само по себе присвоение социокультурного опыта служения Отечеству, а общественно заданные, социально и нормативно закрепленные модели поведения и взаимодействия [4].

Если чувство патриотизма трансформируется в осознание ответственности за судьбу своей страны и становится ориентиром в повседневных поступках и профессиональной деятельности человека, то может являться базовым стимулом для развития общества и его интеграции с мировым сообществом.

Важным фактором развития социокультурной среды вуза является повышение внимания государства к сохранению и развитию культурного наследия различных народов России, а также открытость многонациональной российской культуры по отношению к другим народам и культурам.

При системно организованном взаимодействии всех компонентов социокультурной среды вуза, с учетом имеющихся межнациональных и межконфессиональных особенностей и характеристик всех субъектов образовательной организации, происходит формирование свободной личности гражданина, уважающего и сохраняющего собственную национальную культуру, а также уважающего культурное наследие других стран и народов и готового к диалогу культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Филатова, М. Н.* Конструирование социокультурной среды вуза в условиях компетентностного подхода к образованию : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08 / М. Н. Филатова; [Место защиты: Российский университет дружбы народов]. – М., 2012. – 364 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/konstruirovaniye-sotsiokulturnoi-sredy-vuza-v-usloviyakh-kompetentnostnogo-podkhoda-k-obrazov>
2. *Ануфриева, Е. В.* Менталитет и национальное сознание: личностное измерение / Е. В. Ануфриева, Д. В. Полежаев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 6. – С. 23–26.
3. *Беляев, А.* Корпоративная культура университета: от теории к практике / А. Беляев // Высшее образование в России. – 2007. – № 11. – С. 62–65.
4. *Кусмарцев, М. Б.* Патриотическое воспитание учащейся молодежи: теория и практика: монография / М. Б. Кусмарцев, Н. В. Машенцева. – Волгоград: ПринТерра, 2007. – 212 с.

УДК 316.32
ББК 60.52

О. И. Сгибнева

СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Волгоградский государственный университет

E-mail: olga.sgibneva@volsu.ru

Статья посвящена особенностям взаимодействия светского и религиозного образования в современной России. Представлен анализ правовой базы развития светского и религиозного образования. Рассмотрены первые результаты внедрения нового курса «Основы религиозных культур и светской этики» в школах Волгограда.

Ключевые слова: свобода совести, религия, религиозная культура, светская школа, социологическое исследование.

O. I. Sgibneva

SECULAR AND RELIGIOUS EDUCATION IN CONDITIONS OF FREEDOM OF CONSCIENCE

Volgograd State University

The article is devoted to peculiarities of interaction of secular and religious education in modern Russia. Presentation analysis of law basis of development of secular and religious education. Considered for first results of introduction of new subject «Foundations of religious cultures and secular ethics» to Volgograd schools.

Keywords: freedom of conscience, religion, religious culture, secular school, social research.

В соответствии с Конституцией страны Российская Федерация является светским государством, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (статья 14). Статьей 28 Основного закона каждому гарантируется свобода совести и свобода вероисповеданий [1, с. 47–48, 53]. Законом об образовании РФ определено, что образование в государственных и муниципальных образовательных учреждениях носит светский характер. В то же время в связи с изменением государственной политики по отношению к религии и религиозным организациям в России, что отражено в Конституции и Федеральном законе № 125-ФЗ от 26.09.1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», сняты неправомерные ограничения на религиозное образование, профессиональную подготовку кадров для конфессий различных вероисповеданий. Законом определено, что каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими; религиозное воспитание и образование детей осуществляется родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания. Религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и законодательством

Российской Федерации создавать образовательные учреждения, в том числе учреждения профессионального религиозного образования (духовные образовательные учреждения) для подготовки служителей и религиозного персонала [2, с. 7–8, 34–25].

Таким образом, законодательством России четко определены основы светского и религиозного образования, каждое образовательное направление может свободно развиваться в существующем правовом поле. Но, к сожалению, проблемы, связанные с религией, в России традиционно переходят границы правового поля, перескакивая в сферу идеологии. В советское время создавались необоснованные идеологические преграды даже для законной деятельности религиозных организаций; в современных условиях, когда эти ограничения сняты, власть не может удержаться от излишней лояльности к предложениям религиозных организаций, прежде всего Русской православной церкви. Создается впечатление, что «комплекс вины» за преследования церкви в советский период толкает современные органы власти и управления на отступления от закона – якобы в благих целях. Это наиболее ярко видно на примере настойчивого внедрения в школах курса «Основы православной культуры», инициаторы разработки которого позиционировали его как культурологический, хотя таковым по содержанию

он не являлся. Этому же порядка принятие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования сначала по специальности 031900 «Теология» (28.01.2002 г.), затем по направлению подготовки бакалавров 033400 «Теология» (09.02.2011 г.). Аргументы сторонников такого решения сводились к тому, что преподавание теологии – это историческая традиция европейских университетов, которые всегда готовили дипломированных теологов, значит, теология должна быть и в российских университетах. Однако это только одна сторона вопроса. В России светское университетское образование создавалось как альтернатива религиозному образованию, в российских университетах традиционно никогда не готовили теологов или богословов, для этого действовали соответствующие конфессиональные учебные заведения.

Наука никогда не брала на себя функцию обоснования, защиты или опровержения религиозной веры или религии. Предмет же теологии – Бог, его самообнаружение в мире. Теология представляет собой систему обоснований религиозных учений о Боге, совокупность выработанных той или иной религией доказательств истинности догматики, религиозной нравственности, правил и норм жизни верующих и духовенства, богоустановленности верования и церкви [3, с. 1245]. Теолог всегда находится в религиозной связи с объектом, который он хочет осмыслить, поэтому нет теологии вообще, она всегда конфессиональна: православная, католическая, исламская и т. д. Введение стандарта по теологии для светской высшей школы России выглядит, по меньшей мере, странно, так как есть государственный образовательный стандарт по направлению подготовки бакалавров и магистров «Религиоведение» – научной дисциплине, которая тоже пережила сложные времена, когда она была подавляема научным атеизмом.

Научное знание о религии не может быть ни религиозным, ни антирелигиозным. Среди ученых и специалистов, получивших образование в вузах России, есть как верующие люди, так и неверующие, атеисты. Однако научная объективность, научная и профессиональная этика заставляет их понимать и чувствовать границы между научным исследованием и обоснованием безусловности одной веры или критикой веры вообще.

Сегодня в России реализуется новый проект, принятый Министерством образования и науки, а инициированный религиозными объединениями, поддержанными Правительством РФ. С 2012 г. в школах России введен в 4(5)-х классах комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), состоящий из 6 модулей: «Основы православной культуры»; «Основы мусульманской культуры»; «Основы буддийской культуры»; «Основы иудейской культуры»; «Основы мировых религиозных культур»; «Основы светской этики».

Перед введением этого курса был проведен эксперимент по его внедрению в 19 регионах России. В 2010 г. Российской академией государственной службы проведено социологическое исследование хода апробации учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» во всех регионах, участвовавших в эксперименте. Были проведены выборочные социологические опросы учащихся 4-х классов общеобразовательных школ, в которых проходит апробация курса ОРКСЭ (N=4725), их родителей (законных представителей) – N=2005 и экспертные опросы представителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в сфере образования (N=58), компетентных представителей религиозных организаций (N=57), руководителей школ (N=109), педагогов, преподающих курс ОРКСЭ (N=209).

Большинство опрошенных учащихся (42,1 %), участвовавших в эксперименте по апробации курса ОРКСЭ, осваивало модуль «Основы светской этики», 30,6 % респондентов изучали «Основы православной культуры», 20,0 % – «Основы мировых религиозных культур», больше 5,2 % – «Основы исламской культуры», 2,0 % – основы буддийской культуры, 0,1 % – «Основы иудейской культуры».

Как видно, предпочтение отдается двум модулям курса, которые имеют сугубо светский характер. Уже один этот результат показывает, что фактически эксперимент не удался, интерес к изучению религиозных культур проявили чуть больше трети опрошенных.

Родители учащихся на вопрос «В чем Вы видите риски, связанные с введением курса?» ответили следующим образом (сумма ответов не равна 100 %, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов; данные приведены в порядке убывания количества ответивших) (см. таблицу).

В чем Вы видите риски, связанные с введением курса?	Про- центы
Дополнительная нагрузка на школьника	36,9
Принудительное навязывание веры, религии	19,0
Обособление школьников по мировоззрению или национальной принадлежности	10,2
Формирование формального отношения к религии, вере	9,1
Принудительное навязывание одного из модулей	6,4
Снижение уровня терпимого отношения к культурным, конфессиональным и религиозным различиям	3,1
Другое	2,6
Затруднились ответить	31,7

Тем не менее Министерство образования и науки признало результаты эксперимента удачными и приступило к массовому его внедрению в школах. Слабым аргументом в пользу нового курса в школах является утверждение его сторонников, что этот курс имеет существенное значение для повышения нравственности современных школьников. Тем более, что квалифицированных кадров для преподавания ОРКиСЭ сегодня во многих регионах, в том числе и в нашей области, не хватает.

В ноябре-декабре кафедрой социологии ВолГУ проведено пилотажное исследование хода внедрения курса «Основы религиозных культур и светской этики» в школах Волгограда. Следует отметить, что несколько школ, узнав тему исследования, не дали возможность нашим интервьюерам провести ни опрос, ни интервью. В 15 школах, где проведено исследование, изучают «Основы светской этики» – 52 %, «Основы религиозных культур» – 18 %, «Основы православной культуры» – 25 %, «Основы мусульманской культуры» – 5 %. Преподают курс в основном преподаватели, прошедшие дополнительное обучение в Волгоградской государственной академии повышения квалификации и переподготовки работников образования или в Царицынском православном университете. По базовому образованию среди них в основном учителя начальных классов, есть преподаватели физики, политэкономии, русского языка и даже преподаватели физвоспитания. Учителя подчеркивали, что при препода-

вании этих предметов важным является вероисповедание учителя.

В настоящее время в системе образования проводится апробация Примерной основной образовательной программы (ПООП) бакалавриата по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование» с учетом профиля «Культура конфессий». В апробации участвуют 12 вузов, в том числе 3 конфессиональных (Православный институт св. Иоанна Богослова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный институт, Московский исламский университет). При этом в российских вузах сокращается количество часов на преподавание культурологии, религиоведения, истории. Все это вызывает законный вопрос: органы управления образованием сегодня поддерживают светское или религиозное образование? И почему сегодня предложения религиозных объединений, имеющих право создавать собственные образовательные учреждения разного уровня, имеют для руководителей управленческих организаций в сфере государственного и муниципального образования приоритетное значение по сравнению с предложениями педагогической и академической общественности?

Общий уровень подготовки современных школьников свидетельствует о том, что сегодня гораздо важнее уделить больше внимания основам их образования по базовым дисциплинам, в том числе гуманитарным. Изучение русской и зарубежной литературы, русского языка, истории и культуры родной страны отнюдь не в меньшей мере способствует формированию нравственных ориентиров молодого поколения, чем изучение религии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации. Федеральные конституционные законы «О государственном флаге Российской Федерации», «О государственном гербе Российской Федерации», «О государственном гимне Российской Федерации» / Историко-правовой комментарий чл.-корр. РАН М. В. Баглая. – М.: Норма, 2003. – 160 с.
2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями). – М.: Ось-89, 2008. – 32 с.
3. Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2008. – 1520 с.

УДК 94/ 378.1
ББК 63/86

А. С. Халилова

**К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО-СВЕТСКОМ ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РД:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ***

ФГБУ Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

E-mail: kadjal@mail.ru

Статья посвящена проблеме совмещения религиозного и светского образования в России, в частности, в Республике Дагестан, и взаимодействия таких институтов между собой. В ходе исследования на основе анализа деятельности в РД учреждений светского, смешанного и религиозного характера рассматривается роль и значение учреждений смешанного образования в социализации молодежи в рамках современного общества, характер их деятельности, а также сделана попытка спрогнозировать возможные перспективы развития учреждений подобного типа и их значение для общества в целом.

Ключевые слова: религия, история, вуз, образование, светские основы, Дагестан.

A. S. Khalilova

**TO THE ISSUE OF RELIGIOUS-SECULAR COLLEGE AND UNIVERSITY EDUCATION IN RD:
CONDITION, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Article is dedicated to the problem of combining of religious and secular education in Russia, particularly in the Republic of Dagestan, and the interaction between institutions themselves. During the research by analyzing of activity in RD of institutions the secular and religious backgrounds, considers the role and importance of mixed education institutions in the socialization of young people in the modern society, the nature their activities, in addition attempts to forecast possible perspectives of development institutions of this type, and their importance to society as a whole.

Keywords: religion, history, university, education, the secular foundations, The Dagestan.

Говоря о состоянии религиозно-светского образования в России, в частности, в Республике Дагестан, следует отметить, что в последнее время этот вопрос приобрел особую актуальность для современного общества. Основной причиной стало повышение в 90-е годы XX века влияния религиозных догматов и их носителей на население страны, и соответствующим расширением и углублением процессов рехристианизации и реисламизации на всей территории постсоветского пространства. Вслед за принятием в 1997 г. ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», предоставившем «...право создавать культурно-просветительские организации, образовательные и другие учреждения, а также ... создавать учреждения профессионального религиозного образования»[1], в РФ значительно усиливается религиозная просветительская деятельность. Русская православная церковь (РПЦ), Духовные управления мусульман и другие приступают к поиску спо-

собов возрождения утраченных позиций, в том числе и через взаимодействие с государственными учебными заведениями. В связи с чем преподаватели были вынуждены пересмотреть свое отношение к религии и преподаванию религиозоведческих дисциплин. Помимо этого, у самих граждан появился целый спектр возможностей получить религиозные знания в стенах конфессиональных учебных заведений. Однако достаточно скоро этот путь был признан не совсем удобным для общества, а в отдельных случаях даже вызывал волну недовольства.

В результате, к началу 2000-х годов в обществе вызревают альтернативы подобной религиозно-просветительской работе, среди которых особенно выделяются предложения по внедрению в государственный стандарт образования религиозоведческих предметов. Необходимо подчеркнуть, что иногда тенденции по совмещению светской и религиозной образовательных традиций путают с получением рядом граждан религиозоведческого образования. Однако последнее, по своей сути, является исключительно светским, и в процессе обучения весьма мало затрагивает духовно-вероисповедную составляющую человека, в то время как внедрение в образовательный процесс религи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-31-012001 «Общественно-политические взаимоотношения, миграционные контакты и социально-бытовые связи РД с Краснодарским краем, Ставрополем и Ростовской областью в 1980-2010 гг.»

озных дисциплин во многом предполагает наличие такого влияния. И потому оно сопряжено с необходимостью решения множества проблем, в том числе законодательных, этических, культурологических, воспитательных, а также мировоззренческих, вызванных необходимостью соотнесения ряда светских научных данных с религиозными догматами. При внедрении религиозной составляющей требуется учитывать и то, что РФ – государство поликонфессиональное, и, соответственно, основной задачей образования в случае смешанного обучения становится формирование искренней веротерпимости по отношению к представителям иных конфессий.

Отчетливо осознавая нарастающую не контролируемую активизацию деятельности религиозных объединений, представители государства и широкие круги общественности стали всерьез задумываться о проблеме внедрения религиозных дисциплин в светское образование, в связи с чем была развернута широчайшая дискуссия по данной проблеме. Так, 20 ноября 2003 года в московском офисе фонда им. Конрада Аденауэра прошел Международный «круглый стол» «Российское законодательство и религиозное образование в светской школе», организованный совместно с центром «Православная энциклопедия» и РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений». В его работе принимали участие зам. председателя Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ А. Себенцов, руководитель фонда Маркус Ингенлат, директор школьного фонда Евангелической Церкви Германии, эксперт фонда Э. Шверина, профессор Тартусского университета (Эстония) П. Вальк, депутат бундестага ФРГ Э. Фритц и др. [2]. В ходе обсуждения А. Себенцовым была озвучена позиция государства: «Преподавание религии в России – это светский (мировоззренчески нейтральный) предмет – религиоведение, если же речь идет о формировании религиозного мировоззрения, то этого не может быть в светской школе» [2]. По сути, такое мнение властей должно было прекратить дальнейшие прения, но этого не произошло. Обсуждения проблем объединения светского и религиозного начал в вузах и образовательные эксперименты в этой области продолжились. Причем особенно широко они проходили не в центре, а в регионах, встречая поддержку населения на местах. Например, еще в 2005 году в СГУ им. Н. Г. Чер-

нышевского (г. Саратов) была открыта кафедра религиоведения и философской антропологии, проводившая при поддержке местных представителей РЦП активную работу по внедрению религиозной составляющей в курс обучения студентов, спустя 7 лет переросшая в кафедру теологии и религиоведения. По мнению организаторов ее трансформации, это было не просто важное событие в общественной и научной жизни СГУ. «Несмотря на то, что теология как научная дисциплина формально присутствует в российском образовательном стандарте вот уже 10 лет – ее возвращение в высшую школу России было непростым», – утверждают они, подчеркивая, – «что наличие факультета или кафедры теологии – неотъемлемая составляющая системы академического образования классической европейской традиции». Выступавший на ее открытии министр Б. Шинчук отмечал: «Я рад за родной университет, что он обретает свои исконные традиции... становится полноценным, уровнем не ниже европейских» [3]. Приблизительно так же этот процесс протекал и в других регионах России.

Особенное положение в этом ряду занимает Республика Дагестан. Это связано с тем, что здесь на небольшой территории, обладающей огромным этноконфессиональным разнообразием, в 90-е году прошлого столетия достаточно быстро развили свою деятельность исламские религиозные вузы, подстегнувшие процессы реисламизации местного населения. За этот период было открыто 16 Исламских университетов (ИУ), 9 из которых имели государственную лицензию [12]. В то же время в светских вузах нарастало ослабление их воспитательного влияния, во многом связанное с коррумпированностью преподавательского состава. Помимо прочего, Дагестан, как и весь Северный Кавказ в этот период, по сути, стал местом паломничества зарубежных миссионеров, что достаточно быстро привело к нарастанию напряженности в дагестанском обществе. Среди научной общественности звучали призывы к проведению государством политики по свертыванию религиозного образования, так как «...религиозная деятельность не слышащих и не понимающих друг друга религиозных проповедников породит раздробленное религиозное пространство, где не будет ни единства, ни духовного единения верующих». А также рекомендации по обучению в ИУ, в которых настоятельно предлагалось «... включать (в про-

грамму обучения. – А.С.) воспитание терпимости к представителям других конфессий, других мировоззрений, умение вести цивилизованный диалог», при этом подчеркивалось, что «выпускникам религиозных учебных заведений предстоит жить в многонациональной и поликонфессиональной стране, в которой светское устройство государства обеспечивает равенство прав и возможностей для представителей всех религий и способствует сохранению межконфессионального согласия в обществе» [5].

В этих сложных условиях в 2004 году в Махачкале был открыт первый в РФ вуз, объединивший в своих образовательных программах светские и религиозные науки и практики. Первоначально он назывался Институтом теологии и религиоведения, в последствие был переименован в Институт теологии и международных отношений им. Мамадибира ар-Рочи (ИТиМО). Особенности педагогического процесса в ИТиМО являются раздельное обучение юношей и девушек, духовно-нравственное воспитание студентов на основе требований ислама, и, самое главное, полное отсутствие коррупции в преподавательском составе. Несмотря на имеющиеся недостатки и пробелы, это делает ИТиМО многократно привлекательнее других вузов республики. Организаторами вуза со смешанным образованием стала группа исламских и светских ученых-единомышленников во главе с д-ром филос. наук, канд. экон. наук Садиковым М. И., отмечавшим: «Мы не придумываем что-то новое. Христиане уже наработали систему обучения теологическим наукам в рамках светского высшего образования. Мусульмане сегодня делают лишь первые шаги в этой области» [8]. Таким образом, первый ректор ИТиМО подчеркивал, что берет на вооружение образовательные стандарты европейских стран. За несколько лет вуз расширился от 2 факультетов до 4 (около 2000 студентов), и в 2007 году получил госаккредитацию [6]. Развиваясь, получая поддержку местного населения, направляющего туда детей на обучение, коллектив института старался наладить профессиональные связи со своими коллегами в обеих сферах знания, в частности, с Московским, Башкирским и Казанским исламскими университетами, Московским ЛГУ, Санкт-Петербургским госуниверситетом, Пятигорским ГЛУ и т. д., а также установлены партнерские отношения с иностранными университетами (Индонезии, Малайзии, Сирии, Турции, Кувейта), вносящи-

ми посильный вклад в создание общего образовательного пространства, обмен научными и культурными достижениями, ценностями.

В этой связи встает вопрос: что же конкретно дает такой симбиоз? Во-первых, решается вопрос, связанный с получением высшего образования. Сегодня в Республике Дагестан, как и в РФ в целом, в условиях постепенно расширяющегося процесса элитаризации высшего образования, становящегося преимуществом более состоятельной прослойки населения, достаточно большое место занимает так называемая «экономическая компонента», вызванная коррупционностью приемных комиссий светских вузов или высотой ежегодных платежей за обучение. И то, и другое, зачастую, не позволяет значительной части дагестанской молодежи стать студентами в связи с низким уровнем доходов в их семьях. В свете этой проблемы, решения, предлагаемые ИТиМО, во многом являются отдушиной для небогатых граждан, так как зачисление в вуз осуществляется по справедливо оцененным результатам приемных экзаменов, стоимость за год обучения доступна каждому, кроме того, имеется целый ряд льгот для социально неблагоустроенных граждан. Таким образом, преодолевается то самое «усиление социальной дифференциации общества», создающее «дополнительные условия для конфликтогенности в сфере межличностных отношений субъектов образовательного пространства», замеченное целым рядом ученых [1, 9, 12]. Во-вторых, однобокость специализации и тех, и других вузов, в то время как образовательные стандарты ИТиМО позволяют выпускать специалистов двойного профиля – теологов, имеющих рабочую (светскую) специализацию, и специалистов, имеющих основные религиозные знания. Последнее особенно важно, так как на сегодняшний день, по данным соцопросов, религиозность молодежи в РД доходит до 95 % [4]. Однако это не означает религиозную грамотность ее абсолютного большинства. Зачастую именно религиозная безграмотность, при наличии социально-экономической неустроенности, позволяет манипулировать неокрепшим сознанием молодежи, привнося в религиозную картину мира исключительно антагонистическое понимание объективной реальности, замыкая молодых людей на полном противопоставлении себя традиционному обществу. В сложной межконфессиональной обстановке нашей республики такой антагонизм приводит, как

минимум, к бытовым ссорам, как максимум, при наличии попустительстве со стороны госструктур к образованию оппозиционных сил (что, собственно, сейчас и наблюдается).

Практическая деятельность ИТиМО показывает, что симбиотичное обучение способствует расширению кругозора студентов за счет включения в программу образования таких предметов, как история мировых религий, основы религиоведения и т. д., а также вовлечения студентов и преподавателей в научно-исследовательскую деятельность в регионе. Так, за 8 лет существования вуза его студентами и преподавателями были осуществлены неоднократные выезды в Париж, Каир, Стамбул, Бурсу, Уфу на международные и всероссийские научные конгрессы и конференции [6]. Особенные отношения у молодого вуза завязались с учебными заведениями Северного Кавказа. Среди них следует выделить взаимосвязи с Пятигорским ГЛУ и СКФУ, куда делегации ИТиМО не раз отправлялись для повышения квалификации и обмена опытом. Все вышесказанное отчетливо подтверждает социальную привлекательность светского учреждения, несущего в себе религиозную компоненту. В целом, деятельность такого учреждения, как ИТиМО, во многом носит положительный характер, прогрессивно влияет на стабилизацию ситуации в регионе. Однако, несмотря на то, что на сегодняшний день нужно говорить о необходимости увеличения числа вузов такого порядка, превратить эти слова в реальность не представляется возможным.

Во многом это связано с тем, что в образовательной системе современного Дагестана «имеет место относительный мировоззренческий конфликт между профессорско-преподавательским составом вузовских работников, педагогами общеобразовательных учебных заведений, с одной стороны, и учащейся молодежью, вместе с их родителями, с другой стороны. В этом конфликте преподаватели вузов и учителя школ в большей степени являются носителями светской идеологии, а учащиеся и их родители более восприимчивы к идеям реформирования государственного образования в соответствии с религиозными ценностями» [4]. Соответственно, во избежание перерастания интеллектуальных споров в реальную форму решение

о широком внедрении религиозной компоненты в образовательную сферу вузов РД должно быть принято лишь в результате прихода к консенсусу. Хотя учитывая объективные факторы (отсутствие общенациональной идеологии, признание религии статуса объединителя народов и т. д.), заранее можно прогнозировать положительную тенденцию в развитии этого вопроса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Афанасьев, П. Н.* Отчуждение личности в сфере высшего образования (на примере студенческой молодежи): дис. ... канд. социол. наук / П. Н. Афанасьев. – Казань, 2005. – 167 с.
2. *Бурьянов, С.* Религиозное образование в государственной светской школе: немецкая модель [Электронный ресурс] / С. Бурьянов // Портал Кредо.ру. – Режим доступа: URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=15382>
3. В СГУ презентовали кафедру теологии и религиоведения [Электронный ресурс] // Информационный портал Саратовской области «Взгляд-инфо». – Режим доступа: URL: <http://www.vzsar.ru/news/2012/11/02/v-sgy-prezentovali-kafedry-teologii-i-religiovedeniya.html>
4. *Гебеков, Г. Ф.* Мировоззренческие конфликты в государственной системе образования (на примере РД) / Г. Ф. Гебеков. – Махачкала, 2011. – 316 с.
5. *Гусаева, К. Г.* Религия и культура как факторы этноконфессионального согласия на Северном Кавказе [Электронный ресурс] / К. Г. Гусаева // Ассоциация «ИНТЕРНЕТ-СОЦИУМ». – Режим доступа: URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-64358.html?page=2>; <http://www.auditorium.ru/aud/lib/index.php>
6. История ИТиМО [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИТиМО. – Режим доступа: URL: <http://itimo.ru/obschie-svedeniya/proshloe-i-nastojasche/istorija-itimo>
7. *Малашенко, А.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / А. Малашенко, Д. Тренин. – М., 2002. – 245 с.
8. *Садиков, М. И.* Институт теологии и религиоведения / М. И. Садиков // Деловой мир Дагестана. – 2008. – № 8.
9. *Титкова, Л. С.* Внутригрупповая конфликтность студентов современных российских вузов и факторы, влияющие на нее: По материалам социологического исследования вузов Приморского края: дис. ... канд. социол. наук / Л. С. Титкова. – Владивосток, 2004. – 170 с.
10. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями). Гл III. Ст.18-19. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/171640/3/#300>
11. *Халилова, А. С.* Политическое, экономическое и культурное сотрудничество Дагестана с республиками Северного Кавказа в 1980–2000 годы / А. С. Халилова. – Махачкала, 2012. – 218 с.
12. *Черкасова, Т. В.* Молодежь о конфликтогенных факторах и молодежной политике / Т. В. Черкасова // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 104–107.

УДК 316.334:21
ББК 88.52

Т. А. Фолиева

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ

Волгоградский филиал ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений»

E-mail: tatiana_folieva@yahoo.com

В статье очерчены основные понятия, связанные с процессом религиозной социализации подростков. На основе теории немецкого ученого Б. Грома показана специфика самосоциализации юношества в условиях мультикультурализма и поликонфессиональной религиозной ситуации.

Ключевые слова: социология, социология религии, социализация, религиозная социализация, бриколаж, образ Бога, детский рисунок.

T. A. Folieva

RELIGIOUS UPBRINGING AND SOCIALIZATION OF YOUTH: SEVERAL COMMENTS

The Academy of Labor and Social Relations (Volgograd branch)

The article examines the basic concepts and problems of the process of religious socialization of youth. Based on the theory of a German scientist B. Gromm, there is considered the specificity of socialization of youth in the conditions of multi-cultural society and polyconfessional religious situation.

Keywords: sociology, sociology of religion, socialization, religious socialization, bricolage, image of God, child's drawing.

Феномену социализации в целом посвящено множество работ в различных отраслях социально-гуманитарных наук. Постепенно увеличивается интерес и к религиозному аспекту социализации, но большинство работ является теоретическими, что можно объяснить трудностью в применении эмпирических методов во взаимодействии с детьми. Поэтому одним из эффективных видов являются игровые формы, к таковым относятся и проективные методики: коллаж, рисунок и т. д. Следует отметить, что применение данных методов в исследовании религиозной социализации в целом и в формировании образа Бога в частности не является новаторским. Впервые методика была применена Эрнстом Хармсом в 30-х гг. XX в., затем повторялся в исследованиях Антуана Вергота и Дэвида Хеллера, но в российской науке подобных исследований не существует. Эрнст Хармс экспериментальным путем доказал, что в этот период существует три этапа понимания детьми и подростками Бога и религии: «религия как сказка» (0–6 лет), «реалистичный этап» (7–13 лет), «индивидуалистский этап» (13–18 лет). Антуан Вергот полагает, что пик детской религиозности приходится с 3 до 12 лет.

На *первом этапе (0–6 лет)* представление о Боге и трансцендентном имеет характер сказочный и одновременно «высокий и возвышенный». *Второй этап (7–13 лет)* – Бог реально существует в жизни ребенка. С 12 лет начинает

происходить подростковый бунт, в ходе которого Высшее, Абсолютное наделяется индивидуальными чертами или индивидуально отрицается/принимается. *Третий этап (13–18 лет)* связан с окончательным формированием личности и мировоззрения ребенка.

Среди теоретических работ следует выделить позицию немецкого автора отца-иезуита Бернарда Грома. Религиозное воспитание – взаимодействие, через которое родители и учителя сознательно и преднамеренно пытаются сформировать у воспитанника (или группы воспитанников) эмоциональные, познавательные, практические и этические компетенции, связанные с религией.

В соответствии с концепцией о. Б. Грома религиозное воспитание является составной частью более широкого процесса – религиозной социализации, во время которой человек интериоризирует опыт других и формирует характерный способ переживания, мышления и поведения, связанный с религиозной сферой.

Основываясь на методике Э. Хармса и А. Вергота, автором было проведено исследование в школах Волгограда. Суть эксперимента в следующем: во время обычных для детей занятий учителя просили ребят представить Бога, а затем, после 2–3 минут раздумий, нарисовать его. Тестируемые не были ограничены временем или иными требованиями, могли прокомментировать свой рисунок дополнительно. В ходе ис-

следования было получено 628 рисунков от 619 респондентов, из них 28 собраны в ходе не регулярного исследования и отнесены в контрольную группу. Исследование проводилось в двух детских садах ($V = 46$, $V_{\text{отказы}} = 2$), трех школах ($V = 414$, $V_{\text{отказы}} = 15$), одном учреждении среднего профессионального образования ($V = 93$).

Необходимо отметить также, что анализ рисунков Бога может происходить в двух направлениях. Первое – непосредственно психологическая интерпретация: определение уровня когнитивного развития, эмоционального фона, гендерной и возрастной специфики, наличие отклонений и фобий, определение психологического здоровья. Это разработанная и достаточно стандартная процедура, которая часто применяется в психологических науках.

Второе направление – это религиозческий анализ рисунков. Здесь возникают трудности, поскольку процедура не описана и не разработана. На данном этапе можно определить следующие цели такого анализа: а) провести типологизацию и классификацию образов, которые присутствуют в рисунках; б) определить критерий религиозности; в) определить влияние внешних (нерелигиозных) факторов на образы в рисунках.

В идеале, эти два направления должны быть неразрывны и взаимодополнять друг друга. Конечная же цель такого исследования – это получение в будущем критериев, которые позволят говорить об определенном уровне религиозной социализации у детей. Конечно, рамки статьи не позволят решить поставленной цели. Следует подвести общие итоги проведенных исследований и наметить пути дальнейшей интерпретации.

В данной работе хотелось бы привести результаты анализа рисунков школьников-подростков с 13 по 18 лет одной из школ (муниципальное образовательное учреждение средняя (полная) общеобразовательная школа № 37). В 2010 году совместно с Волгоградской государственной академией повышения квалификации и переподготовки работников образования школа открыла региональную экспериментальную площадку «Проектирование пространства духовно-нравственного развития личности в условиях диалога культуры», где была разработана комплексно-целевая школьная программа духовно-нравственного воспитания на 2010–2015 гг. Все одиннадцать классов, на момент

исследования, так или иначе прошли обучение по программам, которые связаны с православием, а точнее с Русской православной церковью (Московский Патриархат), поскольку программа реализуется совместно с методическим отделом Волгоградской епархии. На момент проведения исследования, в четвертом классе в расписании был предмет «Основы православной культуры» и факультативный кружок с таким же названием для всех остальных классов. Однако сами посещения этих занятий, которые являются факультативными, но рекомендованными, воспринимаются частью школьников в штыки.

С началом третьего этапа (школьники-подростки с 13 по 18 лет) происходит четкое разделение детей на «верующих», «бунтующих» и «бриколеров», несмотря на то, что они продолжают ходить на занятия по предмету «Основы православной культуры». На этом этапе начинаются отказы от рисунков, связанные с религиозными запретами (ислам) и собственным атеистическим мировоззрением.

«Верующие» – это те, у кого в рисунках сохраняются традиционные религиозные символы, несмотря на индивидуализацию образа Бога. Эти ученики изображают часто канонический образ Христа (напоминающий «Нерукотворный спас»), образ старца на облаках с посохом или мужскую фигуру священника. Например, Джульетта, 14 лет: «Мужчина, борода и длинные волосы», Олеся, 17 лет: «Бог – светлый, всемогущий, терпеливый, любящий. Для меня бог занимает очень большую часть в жизни. Я очень верующий человек, Бог неоднократно помогал мне в тяжелых жизненных ситуациях. И я никогда не сомневалась в его способностях». Однако таких меньшинство (около 10 % от выборки рисунков в данной школе в избранной возрастной группе) и большая часть из них – девочки.

«Бунтующие» (35 % от выборки рисунков в данной школе в избранной возрастной группе) – группа открыто или символично выступающая против религии, Бога, попов и т. д. Очень часто это бунт против взрослых, направленный для самоутверждения и лишь прикрываемый бунтом против религии и Бога. Такой бунт выражается в отказе рисовать, в комментариях школьников, в самом рисунке. Например: Ильяс, 17 лет: «Я мусульманин. Стоит в халате, носит крест или полумесяц, лицо очень строгое, но представляю я его без каких-

либо сил. Я не верю в бога, точнее верю в него, верю, что он есть, но для людей бог ничего не делает».

«Бриколер» (55 %) – это те, которые интерпретируют понятия «Бог» и «религия» самостоятельно. Ребенок в мире огромных потоков знаний и информации выбирает то, что ему нужно, то, что ему нравится, и то, что «может всегда сгодиться». Он выбирает информацию, принимает ее и ретранслирует во взаимодействие. Эта группа, как думается, отражает трансформацию религиозности в современном мире, это то, что Д. Эрвье-Леже характеризует следующим образом: «бурный расцвет веры является плодом действий индивидов... в собственной манере, системы значений, придающие субъективный смысл их опыту». Например, Ксения, 15 лет: «Бог живет в душе человека в виде всего светлого, доброго радостного».

На основании полученных результатов можно сделать несколько выводов. Во-первых, школа не является эффективным инструментом религиозного воспитания и социализации. Во-вторых, доминирование одной религиозной традиции у подростков скорее вызовет отрица-

ние, чем ее принятие. В-третьих, наиболее удобная модель для подростков – это бриколаж, который позволяет индивидуализировать свое отношение к религии. В-четвертых, наиболее удачной формой религиозного воспитания и социализации является «внеконфессиональное религиозное обучение» – привитие идеи высшего начала и формирование религиозного опыта независимо от конфессиональной и этнической идентификации индивида.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Grom B., SJ. Psychologia wychowania religijnego / B. Grom. – Kraków: WAM, 2011. – 408 с.
2. Harms, E. The development of religious experience in children // American Journal of Sociology. – 1944. – № 50. – Pp. 112–122.
3. Heller, D. The Children's God. – Chicago : University of Chicago Press, 1986. – 176 pp.
4. Hervieu-Leger, D. Individualism, the Validation of Faith, and the Social Nature of Religion in Modernity// The Blackwell Companion to Sociology of Religion/ Ed. Fenn R.K. – Blackwell Publishing, 2003. – P. 165.
5. Vergotte, A. Concept of God and Parental / A. Vergotte, O. Tamayo, L. Pasqualli, M. Bonami and others // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1969. – № 8. – P. 79–87.

УДК 378.18
ББК 74.484. 4

Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ НЕТИТУЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ К УСЛОВИЯМ ЮГА РОССИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: raissa@vstu.ru

В статье обсуждаются проблемы адаптации иностранных студентов к социокультурным условиям Волгограда.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, нетитульная национальность, межнациональные отношения.

R. M. Petruneva, V. D. Vasilyeva

TO THE QUESTION OF SOCIAL AND CULTURAL ADAPTATION STUDENTS OF NON-TITULAR NATIONALITIES TO THE SOUTH OF RUSSIA

Volgograd State Technical University

The article discusses the problems of adaptation of foreign students to the socio-cultural conditions of Volgograd.

Keywords: socio-cultural adaptation, non-titular nationality, international relations.

В настоящее время в российских вузах обучается около 100 тысяч иностранных граждан, из них 70 тысяч – на контрактной основе и 30 тысяч – за счет федерального бюджета. Высшее образование иностранных граждан приносит ежегодный доход России в размере 150 млн долларов, однако, по некоторым оценкам, потенциальный объем экспорта образовательных

услуг оценивается, как минимум, в 0,5 млрд долларов. В настоящее время более 30 % общей численности студентов-иностранцев в мире принимает высшая школа США – это самый большой контингент иностранных студентов, далее следуют Франция, Германия, Великобритания, Канада, Бельгия, Япония. Россия занимает в этом ряду крайне скромное место.

К иностранному контингенту относится также молодежь, прибывшая на обучение из стран бывшего СССР: Казахстана, Украины, Белоруссии и др. Например, в вузах городов, близких к границам этих республик (Ростов-на-Дону, Краснодар и т.п.), этот контингент порой достигает 40 % от общего числа всех обучающихся. Строго говоря, к иностранцам их относят по формальному признаку, ведь, как правило, это русские или русскоязычные молодые люди, освоившие нормы и традиции русской культуры с рождения. Куда сложнее обстоит дело с российскими студентами, которые формально имеют гражданство России, но являются выходцами из иной социокультурной среды и носителями иного культурного кода, что сближает их по менталитету с иностранцами. Очевидно, что это три различные по своим качествам когорты обучающихся, и к их аккультуризации необходимо применять различные подходы.

Таким образом, проблема культурной адаптации иностранных студентов действительно имеет место. Разрешение этой проблемы позволит сохранить и упрочить ситуацию этнополитической и этносоциальной стабильности в регионе, исключить случаи проявления экстремизма, национализма и ксенофобии, что в конечном итоге позволит сформировать культуру межнационального общения и толерантного сознания населения.

Самым бесппроблемным контингентом иностранных студентов являются, что вполне объяснимо, выходцы из бывшего Союза. Несмотря на размывание национальных особенностей в условиях новых государственных образований, влияние глобализации на локальные культуры, порой даже дискриминации в отношении русского населения, они сохранили русский национальный менталитет, язык, культуру, и, как правило, главной своей целью обучения в РФ ставят возможность получения российского гражданства. По этой причине данные студенты являются самым дисциплинированным и принимают активное участие в жизни университета и города.

На фоне глубоких общественных трансформаций 1990-х годов в России произошла замена единой советской идентичности различными, часто конкурирующими формами региональной, этнической и религиозной идентичности. В постсоветской России проявились кризис гражданской идентичности, межэтническая не-

терпимость, сепаратизм и терроризм, в результате чего возникла опасность дезинтеграции общества [1]. В настоящее время все еще сохраняется негативное влияние на межнациональные отношения некоторых последствий советской национальной политики (например, репрессий и депортаций в отношении отдельных народов, неоднократных изменений административно-территориальных границ), поэтому контингент российских студентов, прибывших на обучение из соответствующих регионов (например, Северного Кавказа), требует особого внимания и деликатности, учета этнокультурного фактора.

Согласно [1], на развитие межнациональных (межэтнических) отношений влияют следующие негативные факторы: размывание традиционных нравственных ценностей народов России; попытки политизации этнического и религиозного фактора, недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций российских народов; высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации, распространенность негативных стереотипов в отношении других народов; недостаточность реализуемых мер по обеспечению эффективной социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов; недостаточный уровень профилактики и раннее предупреждение межнациональных конфликтов в субъектах Российской Федерации; столкновение в светском обществе религиозной и секулярной парадигм и др.

Понимание особенности данного контингента привело к разработке специальных мероприятий по адаптации российских студентов, прибывших из других территорий, к социокультурным условиям Волгограда. Так, например, 27 февраля 2014 года в конференц-зале Волгоградского государственного технического университета состоялся «круглый стол» сотрудников комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области и представителей национальных общественных объединений региона со студентами на тему «Межнациональный диалог». Целью данного мероприятия являлась профилактика экстремизма, национализма и ксенофобии в молодежной среде. Студенты приняли активное участие в живом диалоге с руководителями национальных

общественных организаций, которые призвали к соблюдению добрососедских отношений с людьми разных национальностей, толерантности и взаимоуважению. Но самое главное – ребята познакомились с лидерами своих национальных общин в Волгограде (ингушской, чеченской, дагестанской, казахской) и поняли, что они не останутся один на один с возникшими проблемами, что у них есть старшие товарищи, к которым можно обратиться за поддержкой в трудную минуту. Место проведения мероприятия выбрано не случайно, так как ВолгГТУ – один из шести вузов Волгограда, где созданы молодежные советы по национальной политике, причем политех был одним из первых, кто откликнулся на это начинание.

Еще в сентябре 2013 года на базе детского оздоровительного лагеря «Ручеек» Дубовского района проходил этнокультурный молодежный форум «Дом Дружбы. Межнациональный диалог». Организаторами этого события выступили Министерство по делам национальностей и казачества Волгоградской области и Волгоградская областная общественная организация развития культуры «Дом Дружбы». Форум стал площадкой подготовки молодежного актива для создания национальных консультативных советов на базе государственных высших учебных заведений. На форум приехали 150 волгоградских студентов разных национальностей из ведущих вузов региона. Волгоградский государственный технический университет был представлен членами волонтерского отряда психолого-социологической службы и студенческого совета. Политехники приняли активное участие в работе форума и достойно представили свой вуз. На форуме для участников была подготовлена насыщенная программа: обучающие мастер-классы, тренинги, встречи с VIP-гостями, творческие мероприятия и многое другое. В один из дней форума студентки ВолгГТУ Кристина Бонарева, Ильяна Байдакова и Екатерина Небрятенко совместно с ребятами из других вузов под руководством Казбека Фарниева, советника губернатора, председателя областной общественной организации развития культуры «Дом Дружбы», посадили символичную аллею на территории, прилегающей к памятнику погибшим солдатам в Дубовке.

В соответствии с ведомственной целевой программой «Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере межнациональных отношений на территории Волго-

градской области на 2013–2014 годы» доля молодежи, участвующей в мероприятиях национальных общественных объединений в сфере этнокультурного развития, к 2014 году должна составить 65 % от числа участников мероприятий [2]. Безусловно, привлечение студенческой молодежи к работе со студентами нетитульных национальностей позволит укрепить положительный имидж Волгоградской области как одного из крупных полиэтнических субъектов Российской Федерации с позитивным развитием межнациональных отношений.

«Вместе с тем тот, кто приезжает в регионы с другими культурными, историческими традициями, должен с уважением относиться к местным обычаям. К обычаям русского и всех других народов России. Всякое другое – неадекватное, агрессивное, вызывающее, неуважительное – поведение должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют» [3]. Проведение праздничных мероприятий, памятных дат и этнокультурных праздников народов, проживающих на территории Волгоградской области: День России («Парад национальностей»), День города («Аллея национальных культур»), День народного единства, традиционный праздник «Сабантуй», Дни национальных республик Российской Федерации, дни национальных культур, смотры-конкурсы творческих самодельных коллективов, безусловно, помогают и волгоградцам, и прибывшим из других регионов студентам легче войти в многонациональное социокультурное пространство нашего города.

Несмотря на то, что сегодня имеется достаточно большое количество основных нормативно-правовых актов, реализующих базовые подходы государства в сфере национальной политики, а именно: Федеральные законы от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 02.02.2006 г.) «Об общественных объединениях», от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2006 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях», от 05.12.2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», от 06.10.1997 г. № 184-ФЗ (в ред. от 21.07.2007 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», целый комплекс нормативно-правовых актов по защите

прав коренных малочисленных народов и другие, отсутствие внятной единой государственной системы воспитательной работы и преемственности, отсутствие внятной государственной национальной и миграционной политики, «провал мультикультурного проекта» привели к кризису самой модели «национального государства» – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности. Историческая Россия – не этническое государство и не американский «плавильный котел», где все, так или иначе, мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне [3]. Напряженность в межнациональных отношениях, в том числе и в студенческой среде, усиливается негативными тенденциями в массовом сознании, вызванными ухудшением социально-экономической ситуации в регионе, а гармонизация межнациональных отношений возможна только на основе изменения курса реформ и коррекции национальной и региональной политики. Разнообразие причин возникновения межнациональных проблем не является поводом их не решать. За всеми ними стоят реальные люди, принимающие те или иные решения на своих местах и влияющие на ситуацию тем или иным образом.

На состояние и характер межнациональных отношений в студенческой среде оказывает влияние диалектика объективных (состояние экономики страны, история становления государства, многонациональность состава населения и др.) и субъективных факторов (специфика массового сознания), которая отражает нынешнее состояние межнациональных отношений и непосредственно влияет на их развитие и характер. В основе концепции гармонизации межнациональных отношений в студенческой среде должны лежать идеи и принципы приоритета прав человека, идеи национального централизма (преодоление крайностей в национальном вопросе во всех его аспектах), демократического федерализма, идеи межнациональной консолидации на основе гуманизации межнациональных отношений и утверждения гражданского патриотизма, неприятие любых форм национального экстремизма и ксенофобии. «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде

всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [3].

Однако здесь нельзя не заметить, что со стороны некоторых студентов – выходцев из Северокавказских республик иногда наблюдается религиозная эпатажность: уход с занятий во время намаза, вызывающее совершение намаза прямо в фойе учебного заведения, ношение хиджабов в вузе и т. п. Беседы о светском характере образования и соответствующем поведении, конечно, дают свои плоды, но без активного участия в этом диалоге представителей религии трудно рассчитывать на долговременный воспитательный эффект. А воспитательный потенциал ведущих религий мира весьма велик, поскольку в их основе лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда – ценностные ориентиры, которые невозможно заменить другими императивами. «Убежден, государство, общество должны приветствовать и поддерживать работу традиционных религий России в системе образования и просвещения, в социальной сфере, в Вооруженных силах. При этом должен быть, безусловно, сохранен светский характер нашего государства» – считает Президент РФ В. В. Путин [3].

Таким образом, мы видим главную задачу по социокультурной адаптации студентов нетитульных национальностей в создании комфортных условий для вхождения в новую для них культурную среду, в повышении общественной активности, в повышении роли русской культуры, которая выступает с великой миссией объединения культур всех народов многонациональной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 20.08.2013 № 718 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Ведомственная целевая программа «Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере межнациональных отношений на территории Волгоградской области на 2013–2014 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kdnk.volganet.ru/export/sites/kdk/folder_10/folder_01/stelevaya_programma.pdf
3. Владимир Путин. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

УДК 308

*Б. Н. Воскресов***КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ
ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ****Южный федеральный университет**

E-mail: borisvoskresov@yandex.ru

Статья посвящена анализу метода когнитивного моделирования профилактики экстремизма в молодежной среде, а также определению основных факторов, определяющих экстремизм.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, экстремизм, профилактика, факторы.

*B. N. Voskresov***COGNITIVE MODELING OF PREVENTION OF EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE****Southern Federal University**

This article analyzes the method of cognitive modeling of preventing of extremism among young people, as well as identifying the key factors that determine extremism.

Keywords: cognitive modeling, extremism, prevention, factors.

В XXI веке широкое распространение получила преступность, связанная с экстремистскими мотивами, в связи с чем остро встал вопрос о предупреждении данного негативного явления.

В очередной раз Президент Российской Федерации В. В. Путин, принимая участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ, отметил, что важнейшей задачей МВД остается борьба с экстремизмом. На органы внутренних дел возлагается обязанность бороться с любыми проявлениями ксенофобии, национализма, религиозной вражды; заниматься профилактикой экстремизма в молодежной среде; использовать все имеющиеся правовые и организационные возможности Министерства внутренних дел, чтобы пресекать пропаганду ненависти и радикализма, в том числе в Интернете или с помощью других информационных технологий и ресурсов [1].

В январе-феврале 2014 года зарегистрировано 144 преступления террористического характера (+41,2 %) и 178 преступлений экстремистской направленности (+36,9 %) [2]. Статистика показывает, что за последний год подобных преступлений стало больше. Известно, что существует прямая связь экстремистских и террористических группировок, в связи с чем рост преступлений экстремистской направленности может спровоцировать рост преступлений террористической направленности, а это серьезная угроза всему обществу.

Следует отметить, что только правовыми методами противодействовать такому негативному явлению, как экстремизм, невозможно. При решении данного вопроса необходимы

комплексные мероприятия, причем с привлечением не только социологов, политологов, культурологов, но и лингвистов. Социологам предлагается разработка и формулирование моделей типов конфликтных ситуаций и их первопричин, юристам – полное и всестороннее изучение правовой стороны дела, культурологам – посмотреть на проблему уровня культуры, менталитета и идеологии на Юге России, лингвистам – проведение анализа речевой составляющей текста (выступления) на предмет наличия экстремизма в материалах.

Можно предположить, что ускоренная модернизация Российского общества способствовала проявлению и развитию преступлений экстремистской направленности.

Можно утверждать, что на Кавказе – конфликт инновационный и традиционный, а главной причиной высокой конфликтности асоциальных процессов на Кавказе является модернизация современного общества – либерализация, информатизация. На сегодняшний день наблюдается раскол между традиционным обществом (общиной) и современным обществом. Поэтому, говоря о так называемом «модернизационном расколе», о технологиях, которые должны быть направлены на преодоление цивилизационного отставания, следует быть предельно четким и осторожным. Формируя ту или иную модель профилактики экстремизма на Юге России, необходимо понять следующее – является ли данная модель эффективной и достаточной для противодействия экстремистским преступным проявлениям и будет ли она приемлемой для населения Южного региона. Также необходимо отметить, что

высокий потенциал социальной напряженности есть процесс модернизации российского общества, следствием которого является дифференциация ценностей. В свою очередь эффективным инструментом профилактики является социокультурная адаптация.

Как упоминалось выше, социологам предлагается разработка и формулирование моделей типов конфликтных ситуаций и их первопричин. Особое внимание следует уделить когнитивному моделированию.

Под когнитивным подходом понимается решение традиционных для науки проблем методами, учитывающими когнитивные аспекты, в которые включаются процессы восприятия, мышления, познания, объяснения и понимания. Когнитивный подход в любой предметной области акцентирует внимание на знаниях, вернее, на процессах их представления, хранения, обработки, интерпретации и производстве новых знаний. Когнитивный подход может рассматриваться как трамплин, позволяющий преодолеть невидимые барьеры, которые нередко

возникают между людьми, говорящими и мыслящими «на разных языках» [3].

Цель когнитивного моделирования состоит в выявлении основных и дополнительных факторов, определяющих проявление экстремизма в молодежной среде. Для построения когнитивной модели используется когнитивная карта, где будет визуализировано множество вершин, каждая из которых соответствует одному фактору, определяющему проявление экстремизма.

Факторами, определяющими уровень экстремизма в молодежной среде, являются следующие: контроль над распространением экстремистских материалов со стороны общества и государства; слабость правоохранительной системы; идеи патриотизма; социальная нереализованность; социальная поляризация; недоверие государству; межэтнические и межнациональные противоречия; неэффективность прежних ценностных идеалов молодежи и отсутствие новых. На рис. 1 представлена исходная когнитивная модель проявления экстремизма в молодежной среде, включающая перечисленные факторы.

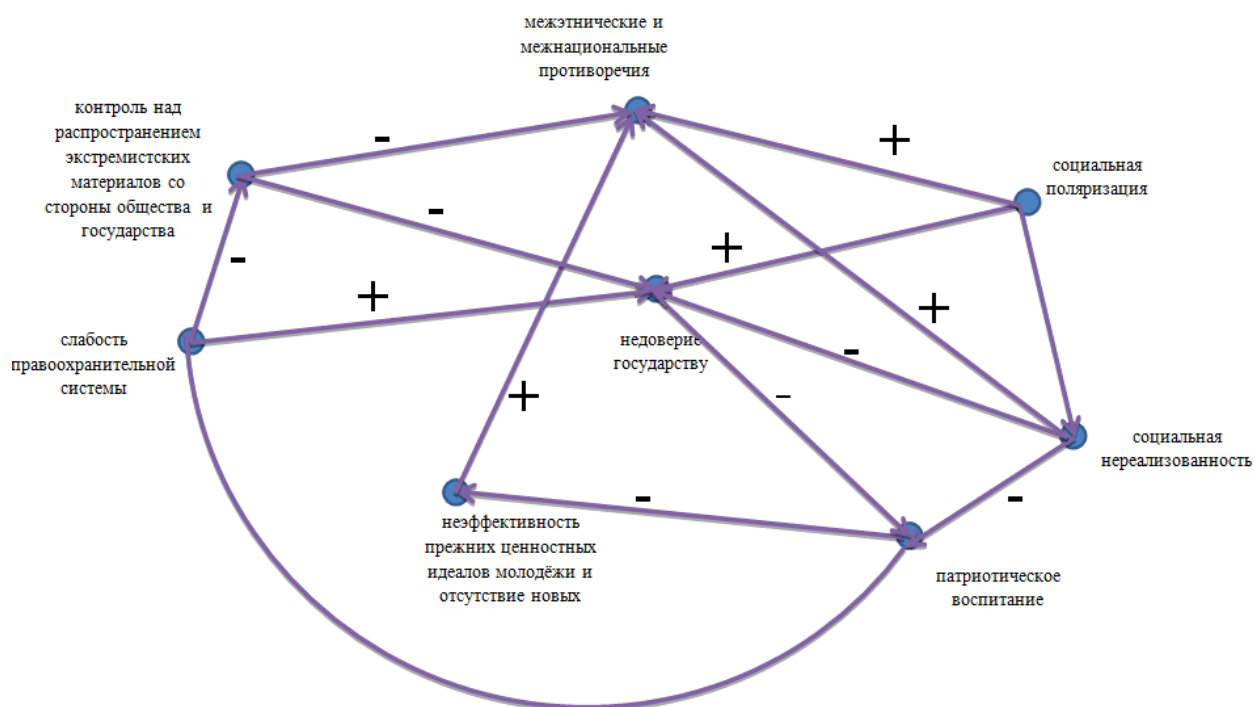

Рис. 1. Исходная когнитивная модель проявления экстремизма в молодежной среде

Дуга, связывающая вершины (факторы), соответствует причинно-следственной связи факторов, где один из факторов является причиной, а другой – следствие. Связь факторов будет положительной (знак <+>), если увеличение одного фактора ведет к увеличению (усилению)

другого фактора, а уменьшение одного фактора ведет к уменьшению другого фактора при прочих равных условиях. Знак <-> означает, что связь отрицательная, то есть при прочих равных условиях увеличение одного фактора приводит к уменьшению (торможению) другого

фактора и уменьшение одного фактора ведет к увеличению другого фактора.

Построение данной когнитивной модели позволяет выявить факторные связи и объяснить их. Так, чем выше социальная нереализованность среди молодежи, тем слабее патриотическое воспитание, а чем слабее патриотическое воспитание, тем более бессильными становятся правоохранительные органы. Таким образом, можем сделать вывод о том, что чем выше социальная нереализованность молодежи, тем выше недоверие к государству.

Пример другой связи. Если правоохранительная система слабеет и нет способа обнаружить признаки экстремистской деятельности, то это приводит к ослаблению контроля над распространением экстремистских материалов (отсутствие агентуры, интернет-мониторинга и т. д.).

Впоследствии это приведет к увеличению межнациональных и межличностных противоречий, что вызовет рост недоверия к государству. Как видно, уже в данной когнитивной карте имеются факторы, на которые необходимо обратить внимание, потому что они способны выступить источником возникновения экстремизма в молодежной среде (социальная нереализованность, слабость правоохранительной системы).

Следующий пример рассматривает вариант, когда в когнитивную модель включаются дополнительные факторы, которые способны ослабить влияние экстремизма в России. Автору представляется, что необходимо ввести следующие факторы: выработка обществом новых ценностных идеалов; создание дополнительных экономических мер; создание условий для межнационального общения (рис. 2).

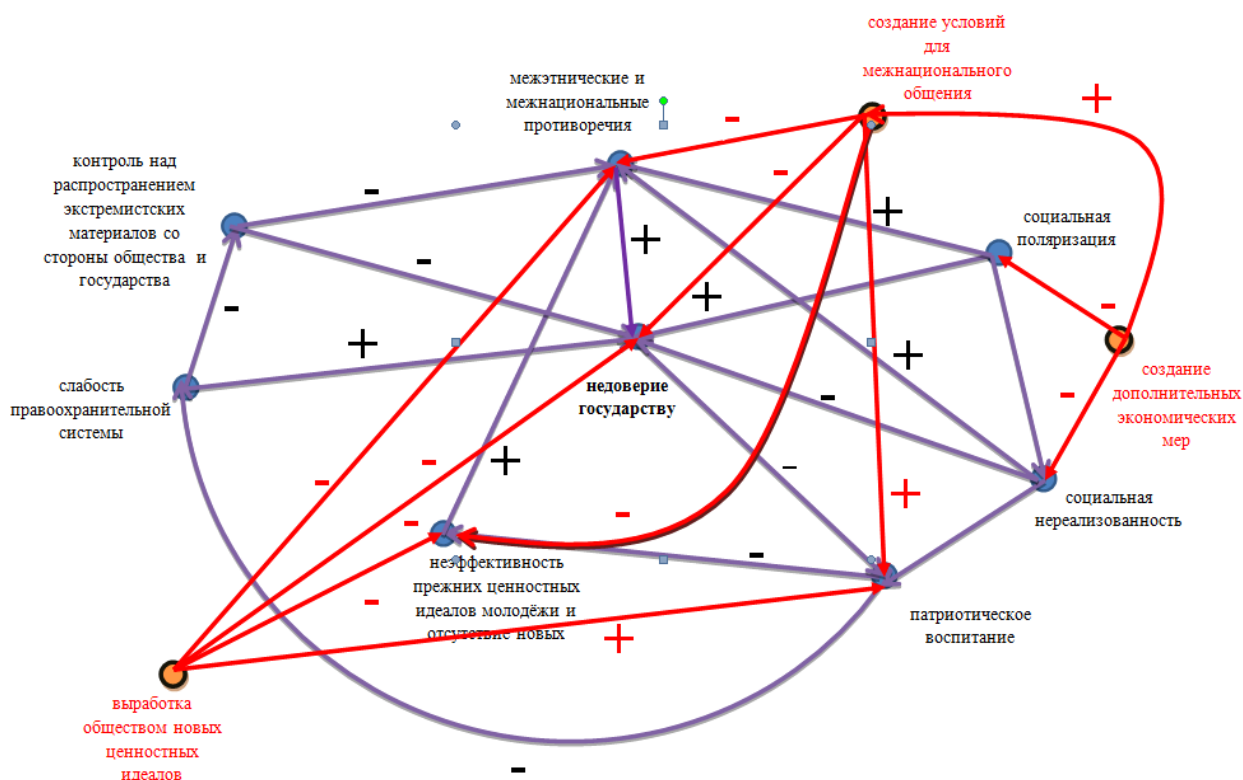

Рис. 2. Заключительная когнитивная модель проявления экстремизма в молодежной среде

Введение нового фактора, связанного с выработкой обществом новых ценностных идеалов, приводит к ослаблению такого фактора, как межэтнические и межнациональные противоречия, что, в свою очередь, снизит уровень недоверия к государству.

Не следует оставлять без внимания и тот факт, что социальная защищенность и экономическая обеспеченность являются одной из важнейших причин проявления преступлений

экстремистской направленности. Введя такой фактор, как создание дополнительных экономических мер (например, создание рабочих мест для молодежи, реализация социальных проектов), тем самым уменьшится социальная поляризация и социальная нереализованность и увеличится доверие к государству.

Одна из основных задач молодежной политики – создание механизма коммуникаций, сети контактов различных социальных групп. Здесь

особая и ведущая роль отводится высшим учебным заведениям.

Таким образом, необходимо создание условий для межнационального общения (форумы, выставки, конференции, семинары и т. д.). Данный фактор способствует усилению прежних ценностных идеалов, а также ведет к снижению межэтнических и межнациональных противоречий. С помощью этих мероприятий можно создать благоприятную коммуникативную площадку для взаимодействия молодых людей. Необходимо иметь в виду, что данный фактор напрямую зависит от тех экономических мер, которые будет реализовать государство (например, финансирование, гранты и т. д.).

Следует особо отметить, что в формировании в сознании личности обобщенного другого – решающая фаза социализации. Она включает интернализацию общества как такового, а значит, и устанавливаемой объективной реальности, и в то же время она включает субъективное установление целостной идентичности. Общество, идентичность и реальность выкристаллизовываются в сознании субъекта в том же самом процессе интернализации. Эта кристаллизация происходит наряду с интернализацией языка, который представляет собой наиболее важную часть и наиболее важный инструмент социализации. Когда обобщенный другой выкристаллизовался в сознании, устанавливается симметричная связь между объективной и субъективной реальностями.

То, что реально извне, соответствует тому, что реально внутри. Объективная реальность может быть легко переведена в субъективную реальность и наоборот. И, конечно, язык – главное средство выражения и распространения

этого непрерывного процесса перевода в обоих направлениях. Следует, однако, отметить, что симметрия между объективной и субъективной реальностями не может быть полной. Обе реальности соответствуют друг другу, но они не могут быть одинаково протяженными во времени или пространстве. Более доступной всегда оказывается объективная реальность, чем актуально интернализованная во всяком индивидуальном сознании, хотя бы потому, что сущность и содержание социализации определяются социальным распределением знания. Ни один индивид не интернализирует всю совокупность того, что объективировано в обществе в качестве реальности, даже если общество и его мир относительно просты [4, с. 217].

Таким образом, построение когнитивной карты может быть полезным инструментом для формирования и уточнения гипотезы о функционировании исследуемого объекта, рассматриваемого как сложная система. Для того, чтобы понять и проанализировать поведение сложной системы, целесообразно построить структурную схему причинно-следственных связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/20624>
2. Состояние преступности – январь-февраль 2014 [Электронный ресурс] / Официальный сайт МВД России. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2075133/>
3. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов: учебное пособие для высших учебных заведений / Ю. М. Плотинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

УДК 37.02
ББК 74.20

Л. И. Столярчук, И. А. Столярчук

ГЕНДЕРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ КАК ПУТЬ К МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: lsgender-vspu@mail.ru

Статья посвящена гендерному просвещению студентов волгоградских вузов как пути их бесконфликтного межнационального и межконфессионального взаимодействия в социокультурном пространстве Юга России.

Ключевые слова: гендерное просвещение, гендерная грамотность, гендерная толерантность, гендерные перспективы.

L. I. Stolyarchuk, I. A. Stolyarchuk

GENDER AWARENESS IN SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA AS A WAY TO INTER-ETHNIC INTERACTION

Volgograd State Social-Pedagogical University

The Article is devoted to the education of students of Volgograd universities as the ways of their conflict-ethnic and inter-confessional cooperation in socio-cultural space of the South of Russia.

Keywords: gender awareness, gendernaya literacy, gender tolerance, gender perspective.

В последние годы прослеживается тенденция увеличения количества студентов, обучающихся в волгоградских вузах из различных регионов Юга России, в том числе из других стран, что актуализирует необходимость учета межнациональных и межконфессиональных особенностей студентов для создания единого консолидирующего, системообразующего образовательного и социокультурного пространства, свободного от этнических и религиозных конфликтов. Однако студенты и преподаватели недостаточно осведомлены о гендерных различиях разных культур, этнокультурных и религиозных отличиях, нормах, установленных предписаниях и запретах в соответствии с полом, возрастом, социальным статусом и/или классом, особенностях разделения труда по половому признаку (гендерные роли); убеждениях относительно мужественности и женственности, поведении и отношениях между мужчинами и женщинами (гендерные стереотипы), что свидетельствует об их недостаточной гендерной просвещенности, нередко провоцирующей этнические и религиозные конфликты.

Представители одних этнокультур санкционируют традиционные семейные ценности и не одобряют, а нередко пренебрежительно и неуважительно относятся к ценностям других, например, культур, ориентирующихся на демократические равноправные гендерные отношения, включая сексуальную активность женщин, которая воспринимается оппонентами как распущенность, поскольку во многих традиционных культурах главные качества женщины: пассивность, зависимость, боязливость, слабость, кротость. Высокие показатели негативизма к демократическим гендерным отношениям устойчиво коррелируют с религиозностью, приверженностью к традиционным гендерным отношениям, верой в традиционную идеологию семьи и высокой выраженностью консерватизма.

Результаты исследований, проводившихся научно-исследовательским Центром гендерных исследований ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», включающие опрос студентов ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет», ФГБОУ ВПО «Волгоградский медицинский университет» в 2013 году, показали, что 93 % опрошенных юношей из

кавказских республик «нравятся русские девушки», но, однако, они менее толерантно относятся к их более «раскрепощенному», «изменчивому», меркантильному поведению, чем у девушек в их этнокультурах, к которым предъявляются более строгие требования. По причине такого отношения к российским девушкам у студентов, приехавших с Кавказа, нередко возникают конфликты с русскими юношами. 27 % студентов-юношей из стран Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона (Африки, Индии, Иордании, Китая, Индии, Малайзии и др.), принявших участие в опросе, «встречаются с русскими девушками», хотят «создать с ними семью» (при условии принятия девушками религий, к которым принадлежат юноши). 89 % российских студентов, которые приняли участие в опросе, подчеркнули свое незнание гендерных различий этнокультур, религиозных требований, непонимание отличий в нормах, установленных предписаниях и запретах, сопровождающихся ощущением опасности, приводящих к межличностным разногласиям между российскими и иностранными студентами; создает прецедент для разногласий, межконфессиональные конфликты.

Одним из путей бесконфликтного межнационального и конфессионального взаимодействия, как было выявлено в ходе исследования, является **гендерное просвещение** студентов и преподавателей, которое решает несколько задач.

Во-первых, гендерное просвещение повышает уровень общих представлений студентов о множестве различных этнокультур и конфессий; позволяет осмыслить их особенности, идеи, которые заложены в основе веры женщин и мужчин в них; причины следования им; объединение в единое целое информации и примеров реализации гендерного подхода к бесконфликтному межнациональному и межконфессиональному взаимодействию в вузе, социокультурном и образовательном пространстве Юга России в целом, которое обеспечивает *гендерная грамотность* как результат решения первой задачи исследуемого процесса.

Во-вторых, гендерное просвещение помогает студентам не только узнать, но и понять причины стратификации (неравенства) полов, обусловленные историческими, культурными и религиозными традициями. Например, преимущественно в мусульманских странах и других традиционных (патриархатных) культурах мужского доминирования в обществе сложи-

лось отношение к мужчине и женщине как к неравным. Внимание студентов обращается на философское обоснование неравенства мужского и женского начал, базирующегося на идеях дуализма (противопоставления), утверждении, что мужчины предназначены природой господствовать, а женщины – быть в подчинении, потому что все мужское – эталон, а женское – второсортно; поэтому мужчину готовили для публичной сферы, а женщина была вытеснена в сферу приватную, домашнюю. Образование женщины на протяжении исторического развития общества, вплоть до второй половины XIX в., ограничивалось «воспитанием добрых жен и матерей», о чем свидетельствуют работы античных и средневековых авторов [3, 4]. В работах религиозных мыслителей женщина была объявлена причиной грехопадения, носителем зла, поэтому перед ней ставилась задача «исправить последствия первородного греха через благочестие, любовь к ребенку и приобщение его к вере» [5, с. 18]. В ходе решения второй задачи внимание студентов концентрируется на изменившемся гендерном порядке в мире, на положении о том, что сложившиеся веками отношения стратификации между полами, различающиеся по биологическим признакам, обоснованные ранее положениями биологического детерминизма, эссенциализма (природной сущностной неизменностью), сегодня подвергаются серьезной критике как дискриминационным практикам, воспроизводящим гендерные отношения неравенства. Важно, чтобы нормативный идеал мужества и женственности, гендерные отношения в русле какой бы этнокультуры и конфессии они не воспроизводились, не вступали в противоречия с реальной жизнью. Это особенно сложно и на практике и в теории, поскольку в последние десятилетия российский (теоретический) дискурс является открытым, осваивает, впитывает, «переваривает» множество теорий самого разнообразного происхождения: классические подходы, критические теории, разнообразные теоретические модели, концепты в различных гуманитарных науках, нацеленные на поиск бесконфликтного межнационального и конфессионального взаимодействия, в ходе которого происходит освоение и ревизия разных стратегий гендерных отношений в различных этнокультурах и религиях, чему способствует развитие способности студентов к *осмыслению гендерной реальности* как цели и результата второй задачи исследуемого процесса.

В-третьих, гендерное просвещение, как минимум, смягчает гендерные предрассудки, максимум – устраняет гендерные стереотипы, способствует формированию полового самосознания, становлению гендерной идентичности, субъектности и вместе с тем терпимости к людям независимо от их половой принадлежности, других этнокультур, конфессий, то есть способствует развитию *гендерной толерантности* как результата решения третьей задачи исследуемого процесса.

В-четвертых, гендерное просвещение уменьшает несправедливость, порожденную расовыми, классовыми и гендерными пристрастиями, дает возможность однокурсников, одnogруппников и других субъектов образовательного пространства вуза и социокультурного поликультурного пространства Юга России из статуса «чужих» перевести в статус «своих», обрести многолетнюю дружбу, найти понимание и обрести взаимоуважение с девушками и юношами других этносов и религий, преодолеть барьеры в межнациональном и межконфессиональном общении благодаря развитию у студентов *ценностного отношения* к гендерным знаниям как результату решения четвертой задачи исследуемого процесса.

И в-пятых, гендерное просвещение дает возможность осознать и оценить возможность учиться в гендерно-комфортном поликультурном пространстве современного вуза, по сравнению с другими поколениями, когда прежде, например, у женщин, такой возможности не было (такая возможность получения женщинами образования наравне с мужчинами существует чуть больше века за всю историю человечества). Образование, в том числе гендерное, дает возможность женщинам и мужчинам более полной самореализации, построения своей карьеры и судьбы, обретения успеха в межнациональном и межконфессиональном взаимодействии, соответствия требованиям времени, меняющимся социальным условиям, двигаться вперед, намечать и реализовать жизненные и *гендерные перспективы* как результат решения пятой задачи

Гендерное просвещение сегодня все активнее внедряется в содержание высшего образования через дисциплины социогуманитарного (философию, социологию, психологию, культурологию, гендерологию и феминологию и др.) и профессионального (вариативная часть, дисциплины по выбору) циклов. Для бакалавров:

«Культура взаимоотношений: гендерный подход», «Подготовка студентов к профилактике гендерной дезадаптированности обучающихся в поликультурном образовательном пространстве»; для магистров: «Гендерный подход к подготовке специалистов в высшей школе», «Гендерный подход к обучению и воспитанию школьников», обеспечивая легитимизацию и межпредметные связи специальных гендерных дисциплин с общепрофессиональными учебными дисциплинами, выбор оптимальных методов и средств гендерного образования. Однако целенаправленное гендерное просвещение в образовательном и социокультурном пространстве Юга России как путь к бесконфликту межнациональному и межконфессиональному взаимодействию осложнено по объективным причинам, среди которых: отсутствие государственно одобренных программ и проектов развития гендерно-ориентированного образования в вузах, неготовность общества к восприятию гендерных проблем как действительно актуальных, ограничение гендерной проблематики женской темой; отсутствие методического

обеспечения, гендерно-компетентных, квалифицированных кадров и др.

Проблема гендерного просвещения в образовательном и социокультурном пространстве Юга России как путь к бесконфликту межнациональному и межконфессиональному взаимодействию на сегодняшний день является скорее эмпирически поставленной, чем теоретически изученной и осмысленной, однако ввиду ее востребованности представляется перспективной для ее дальнейшего развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сократ, Платон, Аристотель, Сенека. – М.: Республика, 1995. – 269 с.
2. Доминичи, Д. Наставления в семейных делах / Д. Доминичи; пер. И. А. Красновой // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. – М., 1994.
3. Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук. – М.: Высш. школа, 1988.
4. Основные начала религиозно-нравственного воспитания. – М., 1908. – 225 с.
5. Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон. – М.: Время, 2009.

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
Волгоградского государственного технического университета
№ 13(140), 2014 г.

С е р и я «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ»
(Выпуск 17)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Е. В. Кравцова*
Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан заказной литературы 2014 г. Поз. № 4з.
Подписано в печать 19.09.2014. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,14. Уч.-изд. л. 18,87.
Тираж 150 экз. Заказ

Волгоградский государственный технический университет.
400005, Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ.
400005, Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «Известия Волгоградского государственного технического университета» (серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») извещает, что статьи в ежегодный сборник принимаются на следующих условиях.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Культурология», «Педагогика и психология», «Научная жизнь: хроника, события, комментарии», «Книжная полка». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (А4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

1. Текст статьи набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер – 14, интервал – 1,5. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм.

2. Объем статьи – 5–10 страниц, включая рисунки, таблицы и библиографический список.

3. Правила оформления статей.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- а) *на русском и английском языках* (полностью идентичные по содержанию):
 - заглавие и подзаголовочные данные;
 - фамилию, имя, отчество автора; ученое звание, ученую степень; должность и место работы. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора;
 - e-mail;
 - аннотацию;
 - 5–8 ключевых слов или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой или точкой с запятой).
- б) *на русском языке*:
 - индекс УДК и ББК;
 - текст статьи;
 - библиографический список (при необходимости – примечания, приложения).

4. Схема построения статьи: индекс УДК; далее *на русском языке* – название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилии авторов; наименование организации (или организаций); e-mail; аннотация, ключевые слова, далее *на английском языке* – название статьи, инициалы и фамилии авторов, наименование организации (или организаций), аннотация, ключевые слова, *на русском языке* – текст статьи, рисунки, таблицы и библиографический список. При наличии авторов из нескольких организаций звездочками указать принадлежность каждого автора.

Текст статьи набирается с применением автоматического переноса слов.

5. Библиографический список оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

- Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.
- Пристатейный список литературы, озаглавленный как БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цити-

рования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

- Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурдье, П. Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдье. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Витгенштейн, Л. Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 520 с.
3. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. Качанов, Ю. Л. Социальная реальность и пространство – время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.
5. Малинецкий, Г. Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.

- Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

6. Статья должна быть подписана всеми авторами.

7. К статье должны быть приложены:

сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, место работы и должность автора, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);

экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати для авторов из ВолгГТУ;

для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);

для всех – рецензия на статью (внешняя – от рецензента из другой организации, другого вуза).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника

Надеждой Андреевной Овчар

г. Волгоград, пр. Ленина, 28, высотный корпус ВолгГТУ,
кафедра истории, культуры и социологии, ауд. В-804,
тел. (8442) 24–84–85, e-mail Izvest.VSTU@gmail.com

Иногородним авторам экземпляр журнала с публикацией
высылается наложенным платежом.

Редакционный совет